

*Маме и мужу
посвящается...*

ДРУГИЕ ЛИКИ МАЯКОВСКОГО

МОСКВА
2008

ББК 75.578
К60

Лариса Колесникова
К60 «Другие лики Маяковского» – М.: «Витязь-Братишка», 2008. –
184 с.; илл.
ISBN 978-5-902104-25-4

Это первая книга, в которой рассказывается еще об одной, ранее не известной стороне жизни Владимира Маяковского. Рассказ о вещах, которые окружали поэта, о его имидже, о том, что он любил, как одевался, о его привычках и увлечениях.

В книге воспроизводятся редкие фотографии Маяковского, публикуются письма и воспоминания современников.

ББК 75,578

ISBN 978-5-902104-25-4

© Лариса Колесникова, 2008

ОБ АВТОРЕ

*Колесникова Лариса Ефремовна,
Заслуженный работник культуры Российской Федерации.*

Окончила филологический факультет и аспирантуру Львовского государственного университета. С 1973 года – заведующая мемориальным фондом Государственного музея В.В. Маяковского. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Является автором более ста статей по литературе и искусству 20-х годов XX века, автор книги «Окна ТАСС 1941–1945. Оружие победы», автор альбома, посвященного творчеству художника Н.Ф. Денисовского.

В настоящее время занимается комплектованием фондов Государственного музея В.В. Маяковского. Сфера ее интересов – поэзия Серебряного века, жизнь и творчество В.В. Маяковского и его окружения, изобразительное искусство периода Великой Отечественной войны.

Это время гудит
телеграфной струной,
это
сердце
с правдой вдвоем.
Это было
с бойцами,
или
в сердце
было
в моем.

В. Маяковский.
«Хорошо»

Мелькают годы, проходят столетия и многие события и факты обрастают легендами. Порой трудно отделить легенду от реальных событий.

Именно над этим долгие годы работают исследователи и музейные работники, хранители музейных коллекций. Работа хранителя – очень кропотливая, ведь порой уходит много времени на атрибутирование того или иного экспоната. Но зато какое удовлетворение получаешь, когда твои предположения и версии наконец обретают реальные очертания.

Моя книга – это итог 35-летней работы в Государственном музее В.В. Маяковского, и все эти годы связаны были с творческими поисками и интересными находками, с радостными или порой грустными моментами.

Есть люди, собирающие коллекции и радующиеся любой находке, каждому новому предмету, от соприкосновения с которым сердце заливают сладкая волна истомы. Мне же выпало великое счастье – коллекционировать встречи. Перед глазами проходят сотни встреч, сотни судеб, к которым была причастна и моя судьба. Я принадлежу к счастливому поколению, которое успело увидеть и проводить уходящий XX век.

С Зоей Богуславской и Андреем Вознесенским. Москва. 2004 год.

Сколько славных имен, сколько удивительных судеб: кинорежиссер Сергей Юткевич, кинооператор А. Головина, актриса А. Хохлова, художники Н.Ф. Денисовский и Кукрыники (Н.А. Соколов, М.В. Куприянов, П.Н. Крылов), Б. Ефимов, Анель Судакевич, балетмейстер А. Царман, П.И. Чагин, известнейший издатель... Да разве можно перечислить всех!?

Сколько пересмотрено архивов! (Некоторые из них в буквальном смысле слова приходилось спасать от уничтожения). С этим сталкивается любой музейный работник, занимающийся комплектованием фондов, но это уже другая история...

Помню, с каким трепетом я переступила порог мемориальной комнаты В.В. Маяковского, в 1973 году, в Лубянском проезде, когда впервые попала в музей, где только рождалась первая музейная экспозиция.

Еще в школьные годы Владимир Маяковский был для меня кумиром, и теперь волею судьбы я должна была восстанавливать его мемориальную комнату... я стала хранителем мемориального фонда, изучению которого было отдано более 20 лет.

Немногие мемориальные музеи мира обладают таким большим богатством, как музей В.В. Маяковского. Хранящиеся в музее фотографии и прижизненные портреты поэта дают нам представление о внешнем облике В.В. Маяковского.

С дочерьми И.П. Хренова, героя стихотворения В. Маяковского. Москва. 2004 год.

В гостях у Бориса Ефимова. Москва. 1996 год.

Кинохроника и фильмы с участием Владимира Владимировича сохранили его характерные жесты, рассказывают о таланте В. Маяковского – актера.

Пластинки доносят до нас его мощный голос, ведь так, как Владимир Владимирович читал свои стихи, не удалось прочесть ни одному поэту.

Ученые-графологи, изучая хранящиеся в музее рукописи поэта, по почерку Владимира Владимировича могут составить представление о его характере. И только мемориальные вещи могут поведать нам о бытовой стороне жизни Владимира Маяковского.

О Маяковском – поэте, художнике, актере, трибуне написано немало монографий и книг. Однако о бытовой стороне жизни поэта известно не так уж много.

В фондах музея хранится более 2000 мемориальных вещей, принадлежавших В. Маяковскому*. Благодаря этим вещам мы можем представить себе, каким человеком был Владимир Владимирович, что ему нравилось, каковы были его привычки, пристрастия, как он одевался. Как в калейдоскопе складывается узор, так и собранные воедино по крупицам воспоминания современников воссоздают образ Владимира Маяковского и дают нам возможность представить, каким он был в обычной жизни.

На протяжении многих лет я записывала воспоминания современников поэта, и передо мной раскрывался совершенно другой В. Маяковский – нежный, ранимый, добрый, со своими человеческими слабостями и достоинствами.

Прикосновение к мемориальным вещам имеет свою магическую силу. Ведь каждая вещь была связана с какими-то страницами биографии поэта, с какими-то сокровенными его воспоминаниями, она несла его мощную энергетику... Сколько здесь было непознанного.. Атрибутируя каждую вещь, мне хотелось раскрыть ее легенду, хотелось, чтобы вещи сами стали рассказывать о своем хозяине. Прислушаемся же к стихам В.В. Маяковского, перелистаем еще раз некоторые страницы его автобиографии, где он, разговаривая с потомками, сам «рассказывает о времени и о себе».

* Все документы, фотографии и экспонаты предоставлены для публикации Государственным музеем В.В. Маяковского (в дальнейшем ГММ).

у края
издаю люди
он среди пусыков.

разни
в рабо
он

Кроко

Луги
Тонко
и по

14) Обсуж
у с
тем
дар
звер
звер
Виде

до со

«КОМНАТЕНКА-ЛОДОЧКА»

В. Мадковский

«Комнатенка-лодочка» – так любовно называл Владимир Маяковский свою комнату в Лубянском проезде, д.3, кв.12. Кто-то из литературоведов подсчитал, что «три тыщи дней» в поэме – это реальная цифра, прожитая Владимиром Владимировичем Маяковским в лубянской комнате до написания поэмы «Хорошо».

Поэт переехал сюда в первых числах марта 1919 года. После переезда из Петрограда в Москву это была его первая собственная жилплощадь. «Комнатенка-лодочка» площадью в 11,10 м² была не только жилой комнатой Владимира Маяковского, но и его рабочим кабинетом. Здесь он прожил 11 лет (по 14 апреля 1930 года).

Как известно из архивных документов, в 1897 году купец I гильдии Н.Д. Стахеев купил земли между ул. Мясницкой и Лубянским проездом. Здесь были выстроены принадлежавшие ему доходные дома, сдававшиеся внаем (в том числе и дом 3 по Лубянскому проезду, построенный по проекту архитектора М.Ф. Бугровского во второй половине XIX в.). В 1918 году специальным декретом домовладение было национализировано, и дома Н.Д. Стахеева перешли в ведение ВСНХ (Всероссийский совет народного хозяйства). До 1918 года квартиру 12 по Лубянскому проезду, 3, состоящую из 6 комнат, занимал сотрудник Наркомлегпрома Ю.Я. Бальшин с семьей. Это были интеллигентные, культурные люди. Глава семейства Ю.Я. Бальшин был специалистом по кожевенной промышленности. Его жена была пианисткой, сын – студент-химик, учился на II курсе МГУ (впоследствии он стал ученым химиком). Как рассказывал мне Михаил Бальшин, сын бывшего владельца квартиры 12 по Лубянскому проезду, как-то к его отцу пришел Роман Якобсон, живший этажом ниже (впоследствии известный ученый, филолог, лингвист). Он сказал Ю.Я. Бальшину: «Вас пока не уплотняют, но, конечно, в дальнейшем кого-то подселят. Пока к вам никого не подселили, хочу порекомендовать своего друга Владимира Маяковского». Бальшин хотел иметь тихого, спокойного соседа и поинтересовался, чем занимается Маяковский. Роман Якобсон ответил, что он художник, работает в РОСТА. Познакомившись с Владимиром Маяковским, Ю. Бальшин уступил ему угловую маленькую комнату.

*В пальбу
присев
на корточках,
в покой
глазами к форточке,
чтоб было
видней,
я
в комнатенке-лодочке
проплыл
три тыщи дней.*

В. Маяковский
«Хорошо»¹

Комната находилась у лестничной клетки: «Под ухом самым лестница, ступенек на двести»², писал Владимир Маяковский.

Здесь рождались разного рода слухи и сплетни:

Сегодня
на лестнице,
грязной и тусклой,
копались
обывательские
слухи-свиньи:
Деникин
подходит
к самой,
к тульской,
к пороховой
сердцевине...³

Комната В. Маяковского в Лубянском проезде, Москва. 1974 год. ГММ.

Отсюда, из этой комнаты, Владимир Маяковский шел в РОСТА, где работал над своими сатирическими плакатами. Часто в долгие морозные ночи Гражданской войны «комнатенка-лодочка» превращалась в мастерскую. Об этом периоде поэт вспоминал: «У меня комната на Лубянском проезде, я работал в ней часов до двух ночи и ложился спать, подложив под голову не подушку, а простое полено – это для того, чтобы не проспать и успеть вовремя обвести тушью ресницы разным Юденичам и Деникиным»⁴.

Вскоре, наряду с этой комнатой, Владимиру Владимировичу Маяковскому разрешено было работать в угловой маленькой комнате, приспособленной им под мастерскую «Окон РОСТА». Здесь порой рождались его знаменитые ростинские рисунки. Сохранилось удостоверение, выданное поэту Всероссийским профессиональным союзом работников искусств, в котором говорилось: «Дано сие члену Московского губернского отдела Всероссийского профессионального союза работников искусств тов. Маяковскому В., проживающему по Лубянскому проезду д. № 3, кв. 12, в том, что он, как художник, нуждается в 2 комнатах – одной для жилья, другой для профессиональных занятий. Ввиду этого Московский губотдел Всерабиса просит подлежащие власти охранить от реквизиций занимаемые тов. Маяковским комнаты. 23 апреля [1923]»⁵.

Пользовался Владимир Маяковский этой комнатой недолго. Вскоре квартира превратилась в густонаселенную коммуналку. Как рассказывала мне Людмила Семеновна Татарийская, соседка В. Маяковского, все жильцы коммунальной квартиры были простые рабочие и служащие. За стеной комнаты Владимира Владимировича жила семья Татарийских, хозяин квартиры работал в хозяйственной организации, его жена была медсестрой, старшая дочь, Мария Семеновна, работала воспитателем в детском саду, младшая, Людмила, училась в школе (семья занимала одну комнату). Следующие две комнаты занимала семья Бальшиных. Далее по коридору – еще две комнаты занимала семья Левиных. Глава семейства работал бухгалтером при домоуправлении, его жена была статисткой на фабрике, их дочь – учительница. Сын ушел добровольцем на фронт и погиб. В последней, крохотной комнатке, примыкающей к ванной, жили брат и сестра Кривцовы. Нина работала на фабрике кинопроката, Николай был рабочим.

Об этой квартире Владимир Владимирович с присущим ему юмором писал в поэме «Летающий пролетарий»:

Комната –
 это,
 конечно,
 не роца.
 В ней
 ни пикников не устраивать,
 ни сражений.

Но все ж
 не по мне –
 проклятая жилплощадь;
при моей,
 при комплекции –
 проживи на сажени!

Старики,
 старухи,
 дама с мосьюкою,
дети
 без счета –
 вот население.

Не квартира,
 а эскимосское
или киргизское
 копченое селение.

Ребенок –
 это вам не щенок.

Весь день –
 в работе упорной.

То он тебя
 мячиком
 сбивает с ног,

то
 на крючок
 запирает в уборной.

Меж скарбом –
 тропинки,
 крымских окольной.

От шума
 взбесятся
 и самые кроткие.

Весь день –
 звонки,
 как на колокольне.

Гуртом,
 в одиночку,
 протяжные,
 короткие...

И за это
 гнездо –
 между клеток
 и солений,

где негде
 даже
 приткнуть губу,
 носишься
 весь день,
 отмахиваясь
 от выселений
 мандатом союзным,
 бумажкой КУБу.
 Вернешься
 ночью,
 вымотан в городе.
 Морда – в пене, –
 смыть бы ее.
 В темноте
 в умывальной
 лупит по морде
 кем-то
 талантливо
 развешенное белье.
 Бр-р-р-р!
 Мутит
 чад кухонный.
 Встаю на корточки.
 Тянусь
 с подоконника
 мордой к форточке⁶.

«... носишься весь день, отмахиваясь от выселений мандатом союзным, бумажкой КУБу», – писал поэт. И это был тоже факт его биографии.

Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ), председателем которой был А.Б. Халатов, была организована в годы Гражданской войны постановлением СНК РСФСР от 23 декабря 1919 года. Сначала она занималась распределением продовольственных пайков для ученых Москвы и Петрограда. Затем по постановлению, утвержденному 16 марта 1922 г. СНК РСФСР, правительство возложило на ЦЕКУБУ не только распределение академических пайков среди научных работников, но и охрану жилищных прав, а также создание им условий для научной деятельности. В это число входили и деятели культуры, в том числе и В. Маяковский. Владимир Владимирович очень часто выезжал в длительные поездки по городам Советского Союза, а также в зарубежные командировки, во время которых лубянская комната пустовала. В связи с тем что ситуация с жилищным вопросом в начале 1920-х годов была сложная, поэту часто приносили документы с просьбой освободить лубянскую комнату. Однажды В. Маяковский получил повестку такого содержания:

Гр. В.В. Маяковскому,
проживающему в IV доме ВСНХ по
Лубянскому пр., 3, кв. 12

П О В Е С Т К А

Предлагаю Вам в тридцатидневный срок со дня получения сей повестки освободить занимаемую Вами комнату в кв. №12 IV-го дома ВСНХ, предупреждая Вас, что по истечении указанного срока выселение будет произведено принудительным порядком.

Основание: Предложение Админ. Отд. Моссовета от 7 июля с/р № П7627 на имя Нач. 48 Отд. Мил., данное на основ.проток. заседан. Ком. по высел. и пересел., при Президиуме Моссовета от 20/II-24 г. №13.

Участковый надзиратель 48 отд. милиции
Повестка вручена 25 июля 1924 г.
(Текст приводится по оригиналу)

В ответ на эти повестки В.В. Маяковский запасался «охранными» документами с подписью А.В. Луначарского в административно-хозяйственный отдел ВСНХ (Всероссийский совет народного хозяйства), ведавший жильем.

В рукописном фонде музея сохранилось несколько таких документов. Вот один из них, датированный 22 октября 1924 г., подписанный А.В. Луначарским.

Этот дом и комната вошли целым рядом деталей тогдашнего быта в поэмы «Про это», «Летающий пролетарий», «Хорошо».

Летом во дворе шарманщик играл песню «Трансваль, Трансваль,

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
РАБОТНИЧЬА РЕПУБЛИКА

НАРОДНЫЙ КОМИССАР

ПРОСВЕЩЕНИЯ

25/7 1924 г.
№ 5321

МОСКВА

В АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ
ОТДЕЛ В.С.Н.А.

Тов. Каценельсону.

Уважаемый товарищ.

Поэт В.В. МАЯКОВСКИЙ отправляется за границу
в качестве корреспондента и для научной работы.
Наркомпрос просит на время его отъезда оставить
за ним его комнату /Дубянский проезд д. № 3 кв.
12/, где находятся его работы и рукописи.

Нарком по Просвещению

Луначарский
А.В. Луначарский
22 окт. 1924 г.
на основании
предложения
от 7 июля
№ 7627

p-FF30

«Охранный» документ поэта. ГММ.

страна моя...», популярную в те годы, а из окон дома на асфальт сыпались со звоном копейки. Так родились строки:

А летом
 слушают асфальт
 с копейками
 в окне:
 – Трансваль,
 Трансваль,
 страна моя,
 ты вся
 горишь
 в огне! *

В 1920-е годы советская власть активно боролась со спекуляцией и саботажем. Это касалось прежде всего учреждения, занимавшегося заготовкой дров. Нашумевшее дело о спекуляциях в Главтопе было известно всей Москве. По делу Главтопа было привлечено к ответственности 50 человек, которых в мае 1921 года судил Верховный трибунал ВЦИК. Владимир Маяковский знал об этом не понаслышке. Главтоп размещался по Лубянскому проезду, где жил поэт. Владимир Владимирович мог наблюдать из окна своей квартиры, как спекулянты, готовые нагреть руки на нехватке топлива, толпились вокруг Главтопа.

Ходят
 спекулянты
 вокруг Главтопа.
 Обнимут,
 зацелуют,
 убьют за руп.
 Секретарши
 ответственные
 валенками топают.
 За хлебными
 карточками
 стоят лесорубы.

* * *

Богатые –
 ловче,
 едят
 у Зунделовича.
 Ни щей,
 ни каш –

бифштекс
с бульоном,
хлеб
ваш,
полтора миллиона⁹.

В фонде музея хранятся воспоминания соседки Владимира Владимировича Л.И. Стоговой. Она уточняет, что на 2-м этаже дома, где жил В. Маяковский, действительно была квартира известного в Москве профессора венеролога М.Д. Зунделовича. Она была зеркальным отражением квартиры Бальшиных. Его семья занимала всю квартиру. Маленькая комната у лестничной площадки была отведена под регистратуру, здесь находилась медсестра. В большой комнате был врачебный кабинет М.Д. Зунделовича, где он принимал посетителей. Остальные комнаты были жилыми. Жена Зунделовича хорошо готовила и действительно в период нэпа организовала у себя частную столовую для состоятельных людей. Л.И. Стогова вспоминала, что поэт был чрезвычайно доброжелательным и добросердечным человеком.

Как-то утром, выйдя из квартиры, она столкнулась на лестнице с Владимиром Маяковским. Он поднимался наверх и, увидев ее без шарфа, сказал, что на улице очень холодно и без шарфа идти нельзя. Снял с себя шарф и укутал ее.

Владимир Владимирович был чутким и заботливым человеком, особенно если это касалось болезни близких ему друзей или знакомых.

С большой теплотой он относился к журналисту О.С. Литовскому, работавшему в то время секретарем редакции «Известий». В 1921 году его жена умирала, ее лечили препаратами, содержащими алкоголь, который в то время трудно было достать. Осаф Литовский обратился к Владимиру Владимировичу за помощью. На следующий день поэт принес триста граммов спирта, на другой день притащил плетеную корзину, в которой была купленная им на Сухаревке курица. Он протянул ее О. Литовскому со словами: «Вот здесь... возьми для Лизаветы. Свари и отнеси».

Когда заболела жена поэта Семена Кирсанова, он отдал ей свое пуховое одеяло.

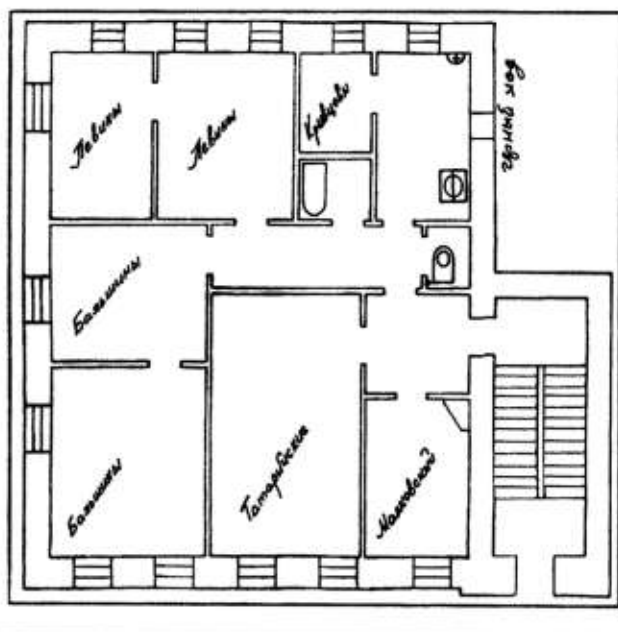
Лев Кассиль вспоминал, как однажды у знакомого Владимира Маяковского заболел зуб (поэт в то время был в командировке). Это случилось в два часа ночи. Владимир Владимирович достал из чемодана свою дорожную аптечку, вытащил ромашку, собственноручно заварил ее и заставил больного полоскать зубы. При чем делал все с такой страстью, что его знакомый обжигался горячей водой.

Что бы ни делал Владимир Маяковский, все было от души. Таких примеров можно приводить множество. Ему не нужно было благодарности, достаточно того, что он помог человеку, это было для него главным.

В 1926 году тяжело заболел профессор Б. Эйхенбаум (литературовед и теоретик искусства, преподававший в Ленинграде в Институте истории искусств). В то время он находился в тяжелом материальном положении. В. Маяковский послал ему из Москвы большую сумму денег. Б. Эйхенбаум узнал об этом много времени спустя...

В. Маяковский был настоящим, искренним и бескорыстным другом.

Известно, каким чистоплотным и мнительным был Владимир Маяковский. Он никогда не брался за ручку двери, а всегда открывал дверь ладонью или брался за дверную ручку своей квартиры носовым платком. Многие современники поэта, кто бывал в его комнате в Лубянском проезде, вспоминали, что Владимир Владимирович никогда не брался за перила, проходя мимо квартиры Зунделовичей, и всех предупреждал, что здесь живет врач-венеролог.

План коммунальной квартиры в Лубянском проезде, в которой жил Владимир Маяковский.

В квартире № 25 жили супруги Гавриловы. Надежда Алексеевна иногда помогала Маяковскому по хозяйству – готовила, убирала, а ее муж выполнял ремонтные работы (чинил розетки, электроприборы). Помимо платы за работу Маяковский отдавал им какие-то свои вещи: теплый шарф, журнальный столик. Так к Гаврилову перешли и его модные заграничные туфли. Владимир Владимирович был очень чутким и внимательным человеком, понимавшим нужды людей.

Передавая в музей мемориальные вещи, которые когда-то подарил Маяковский, супруги Гавриловы с большой теплотой вспоминали о поэте.

Рассказывая о его соседях, можно вспомнить один смешной эпизод. По соседству с Маяковским, в квартире напротив, жила семья Гурьянов. Как вспоминал Виктор Шкловский, у них было двое молодых людей, они относились к Маяковскому с большим уважением. Иногда поэт брал у них бритву «Жилетт». Их мать, очевидно, невзлюбила Владимира Владимировича. Как-то в очередной раз приходит к ним Маяковский, а она отвечает: «Занята бритва и очень, очень долго еще будет занята». – «Понимаю, – ответил поэт, – слона бреете». Эти слова Маяковского стали крылатыми, их часто употребляли в обиходе.

Всех, кто бывал в этой комнате, поражала скромная обстановка. Не случайно Лев Никулин подчеркивал аскетизм комнаты поэта: «...Он жил как пролетарий и не заводил декоративной библиотеки, мебели красного дерева из карельской

березы»¹⁰. Сам поэт в подтверждение этой мысли напишет строки, ставшие хрестоматийными в его биографии:

Мне
и рубля
не накопили строчки,
краснодеревщики
не слали мебель на дом.
И кроме
свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо¹¹.

Вначале комната Владимира Маяковского была обставлена мебелью черного цвета. У окна стоял черный резной стол, некогда принадлежавший отцу Осипа Максимовича Брика, купцу I гильдии Максиму Павловичу Брику, затем он перешел к Осипу Брику. Когда Маяковский переехал на Лубянку, стол был отдан Владимиру Владимировичу. Именно за этим столом была написана поэма «Про это». У стола стояло такое же резное черное кресло. Был куплен черный шкаф из мореного дуба с матовыми стеклами. По воспоминаниям Лили Юрьевны Брик, в комнате стояла непродолжительное время железная кровать.

Кровать.
Железки.
Барахло одеяло.
Лежит в железках.
Тихо.
Вяло.
Трепет пришел.
Пошел по железкам.
Простынь постельная треплется плеском¹².

Так документально точно описывает Владимир Маяковский свою комнату на Лубянке в поэме «Про это» (1922–1923 гг.). Действительно, какое-то время в комнате стояла железная кровать, затем ее заменил диван.

Из воспоминаний Эльзы Триоле мы можем представить себе, какой интерьер был в мемориальной комнате позднее. Как известно, в 1925 году поэт уехал в Америку. В его отсутствие Эльза Юрьевна приехала в Москву и жила в его комнате на Лубянке, об этом периоде она писала: «Комната находилась в общей квартире, в которой жили разные люди, но была изолирована и выходила в темную переднюю у самой входной двери, обои темные, большой темный письменный стол, стоящий перпендикулярно к окну, свет с левой стороны и узкий диван, крытый скользкой клеенкой. Было хорошо, тепло и просто, и всегда пахло немножко

бакалейным магазином. Черный диван служил кроватью, простыня скользила по холодной клеенке. На этой постели, вероятно, Маяковский получил свой ревматизм, он не догадывался стелить одеяло между клеенкой и простыней»¹³.

Комната была настолько мала для Владимира Маяковского, что Николай Асеев называл ее «недомерком на крупных плечах поэта»¹⁴. Сам Владимир Владимирович писал об этом в поэме «Про это»:

Был я сажень ростом.
А на что мне сажень?
Для таких работ годна и тля.
Перышком скрипел я, в комнатенку всажен,
вплющился очками в комнатный футляр¹⁵.

Он сравнивал себя с очками, которые втиснули в узкий футляр. Этот поэтический образ очень удачно передает физическое ощущение Владимира Маяковского, жившего в маленькой «комнатенке-лодочке». Он как бы складывал свои руки, как дужки от очков, и втискивался в комнату.

Единственным украшением комнаты был камин, облицованный темно-коричневой керамической плиткой. Он стоял в левом углу комнаты. Как утверждал М.Ю. Бальшин, камин находился в комнате еще до вселения Бальшиных в эту квартиру.

На письменном столе стоял телефонный аппарат черного цвета с двумя красными стрелками (фирменное клеймо). В поэме «Про это» есть такие строки:

Трубку из рук вон.
Из фабричной марки –
две стрелки яркие
омолнили телефон¹⁶.

Поскольку владельцем всей квартиры был Ю.Я. Бальшин, он имел личный телефон, и дополнительно в каждую комнату им была проведена телефонная розетка. Когда в эту квартиру вселился Маяковский, была договоренность с Ю.Я. Бальшиным, что Владимир Владимирович будет брать в свою комнату телефон по мере необходимости, а затем возвращать хозяину.

Согласно документам, хранящимся в рукописно-документальном фонде музея, личный телефон появился у Маяковского лишь с 16.XII.1926 г. и был занесен в книгу МГТС под № 73–88.

Ю.А. Бальшина Владимир Владимирович также увековечил в поэме в строках: «...и именно так их медвежий Бальшин, скуленьем разбужен, ворчит за стеной»¹⁷.

В лубянской комнате находился маленький глобус, очевидно, он был куплен поэтом до 1922 года перед поездкой за рубеж. Возможно, впоследствии Владимир Владимирович по этому глобусу намечал маршруты своих дальнейших зарубежных путешествий.

У окна
в жару встречаю день я.
Только с глобуса – гора Килиманджаро.
Только с карты африканской – Кения.
Голой головою глобус.
Я над глобусом
от горя горблюсь¹⁸.

В этой комнате за черным письменным столом и была написана поэма «Про это», ставшая вершиной любовной лирики Владимира Маяковского.

Как сам писал поэт, это была поэма «по личным мотивам об общем быте»¹⁹.

Л.Ю. Брик выступала за новый тип отношений, в котором не должно быть место ревности, отстаивала свободу поведения. Для Владимира Маяковского это было мучительным, он ревновал, страдал...

В одном из писем к Л.Ю. Брик 5 февраля 1923 года он писал: «...Любовь это жизнь, это главное. От нее разворачиваются и стихи, и дела, и все прочее. Любовь это сердце всего. Если оно прекратит работу, все остальное отмирает, делается лишним, ненужным. Но если сердце работает, оно не может не проявляться в этом во всем. Без тебя (не без тебя «в отъезде», внутренне без тебя) я прекращаюсь. Это было всегда, это и сейчас». (Б. Янгфельдт – В. Маяковский и Л.Ю. Брик: Переписка 1915–1930. С. 113)

По договоренности с Лилей Юрьевной, Владимир Владимирович не должен был появляться у Бриков, не мог видеть ее, не должен был разговаривать с ней по телефону в течение двух месяцев.

Поэт добровольно «заточил» себя в лубянской комнате, и это «заклучение» длилось с 28 декабря 1922 года до трех часов дня 28 февраля 1923 года.

Раздираемый противоречиями, Владимир Владимирович все свои чувства выразил в поэме «Про это». Поэт сравнивал себя с узником Редингской тюрьмы, в которой томился его любимый писатель Оскар Уайльд. Одна из глав так и называлась: «Баллада Редингской тюрьмы».

Он отправлял любимой записки через домработницу Аннушку и посылал цветы, а однажды послал Лиле Юрьевне клеста в клетке, напоминая тем самым, что и он томится на Лубянке, как и эта птица в клетке.

Владимир Маяковский в поэме размышляет о новом человеке, его морали, его любви и быте...

Работа над поэмой была напряженной. В одном из писем к Л.Ю. Брик поэт пишет: «Я работал по 16 и 20 часов в сутки буквально, я сделал столько, сколько никогда не делал и за полгода...»²⁰

Наряду с поэмой Владимир Владимирович в это время написал очерки и стихи о Париже, работал над циклом антирелигиозных крестьянских агитлуксов, объединенных впоследствии в два сборника «Ни знахарь, ни бог, ни ангелы бога – крестьянству не подмога», и т. д.

Здесь, в лубянской комнате, поэт много работал над рекламными плакатами. Мысленно перенесемся в те далекие послевоенные 1920-е годы, когда страна на-

чинала восстанавливать разрушенное войной хозяйство. С введением нэпа ожидалась частная торговля, и нередко ловкий лавочник, составив бойкую рекламу, перехватывал покупателя. Вот почему одним из острейших вопросов, ставших на повестку дня, был вопрос о создании новой советской торговой рекламы.

Владимир Маяковский утверждал: «Мы не должны оставить это оружие, эту агитацию торговли в руках нэпача, в руках буржуа-иностранца. В СССР все должны работать на пролетарское благо»²¹.

Владимир Владимирович стал основоположником советской торговой рекламы. Поэт работал вместе с художником Александром Родченко. Они называли себя «реклам-конструкторами». Александр Родченко вспоминал о Владимире Маяковском: «Утром он ходил и принимал заказы или сдавал, брал цифровой и тематический материал. Часто это было большое количество отчетов, скучных книг, которые он прочитывал и выписывал цифры, темы и прочее. Вечером, часов в 7, в 8, я приходил. Иногда он еще дописывал тексты при мне, иногда они уже были готовы. Текст был с рисунком, который он не мог не сделать, хотя каждый раз говорил, что «вот это я нарисовал, но тебе, конечно, не нужно, это я так, для ясности»²².

В лубянской комнате Владимира Маяковского рядом с письменным столом стояли рулон чертежной бумаги, чертежная доска, в письменном столе лежали рейшина, чертежный угольник, чертежные принадлежности. В ящиках стола размещались флаконы с цветной тушью, тюбики с красками, цветные карандаши, стальные перья. Все это по мере необходимости Владимир Владимирович Маяковский во время работы доставал из ящиков стола, а по окончании работы снова укладывал в стол, но сам вычерчивать рисунки к рекламе не любил, просил сделать это А. Родченко. В одной из записок поэт писал: «Родченко приходи ко мне сейчас же с инструментом для черчения. Немедленно. В. Маяковский...»²³.

А. Родченко вспоминал: «Придешь, оказывается, ему нужно написать текст или вычертить что-нибудь. Он не любил чертить и измерять. Он любил все делать от руки. Все сразу нарисует карандашом, без помарок, и после все обведет тушью, и уже потом раскрашивает. Видно было, что дается это ему легко и работать ему приятно, и он делался ласковым и нежным...

...Вся Москва украсилась нашей продукцией... Вывески Моссельпрома... Все киоски наши... Вывески Госиздата – «Черное, красное, золотое»... Резинотрест. ГУМ. «Огонек». Чаеуправление. Было сделано до 50 плакатов, до сотни вывесок, упаковок, оберток, световых реклам, рекламных столбов, иллюстраций в журналах и газетах»²⁴.

Не случайно комнату в Лубянском проезде называли рабочей комнатой поэта. Петр Незнамов вспоминал: «...В Лубянском же делалось и большинство плакатов для трестов. Обычно с этой работой приходилось спешить, отвлекаться было невозможно – и художники являлись к В. Маяковскому именно туда... я сам испытал это деловое «давление» Маяковского, когда делал в Лубянском библиографию для его 1-го тома»²⁵.

В начале 1923 года здесь, в лубянской комнате, состоялись первые заседания редколлегии только что вышедшего журнала «Леф», редактором которого был Вла-

дмир Маяковский. Сестра поэта, Ольга Владимировна, работавшая в то время на почтамте, приходила на Лубянку и вела первые протоколы заседаний «Лефа». Лубянский проезд, 3, кв. 12 – таков был адрес редакции, а впоследствии и «Нового Лефа». Не случайно в статье «Записная книжка «Нового Лефа» Владимир Владимирович писал: «Я всегда думал, что Лубянский проезд, на котором «Новый Леф» и в котором я живу, назовут-таки в конце концов проездом Маяковского. Пока что выходит не так»²⁶.

В одной из своих статей поэт рассказывал, что случались смешные казусы. Так однажды, он получил письмо – приглашение от какой-то художественной организации. На конверте был написан адрес: «Редакция журнала «Новый лес» В.В. Лубянскому».

Сюда, в Лубянский проезд, приходили к Маяковскому молодые поэты со своими стихами, и с легкой руки Владимира Владимировича многие из них получали путевку в жизнь. Порой на страницах журнала «Новый Леф» появлялись новые имена в «поэтической рубрике». Часто эта комната наполнялась голосами, здесь спорили о литературе и искусстве, приходили друзья поэта: кинорежиссеры Сергей Эйзенштейн, Дзига Вертов, Александр Довженко, бывали поэты Николай Асеев, Семен Кирсанов, Борис Пастернак, Илья Сельвинский, писатель Виктор Шкловский, художники: А. Лавинский, А. Родченко, Н. Денисовский, М. Черемных, Д. Моор, грузинская актриса Нато Вачнадзе, Юлия Солнцева и др.

В 1927 г. в этой комнате побывал известный мексиканский художник Диего Ривера, приехавший на празднование 10-й годовщины Октября, бывал он здесь у В. Маяковского и в 1928 году.

Гостеприимство Владимира Маяковского было поистине кавказским (ведь родился он в Грузии). Всегда в комнате были конфеты, фрукты (до сих пор в фондах музея хранится круглая картонная коробка от конфет «Абрикотин»).

Если нужно было купить торт, то Владимир Владимирович покупал два торта, если сыр, то головку сыра, если ягоды, то корзину ягод. Всегда все покупалось в большом количестве. Выросший в Грузии, поэт предпочитал водке сухие вина и шампанское. Когда приходили друзья, поэт всегда угощал шампанским «Абрау-Дюрсо», электрический чайник пытел на столе, разливался душистый чай, хранившийся в железной коробочке с китайским орнаментом. Одна из них сохранилась – это жестяная разрисованная драконами коробочка с клеймом «Чаяуправление», для которого поэт написал так много рекламных стихов.

Самая необходимая посуда стояла в маленьком шкафчике на камине. В. Маяковский любил пить чай из стакана, вставленного в серебряный подстаканник.

Поскольку Маяковский был очень чистоплотным человеком, он никогда не раздевался в общем коридоре. У дверей его комнаты, с внутренней стороны, были прибиты справа и слева по одному крючку. На них Владимир Владимирович вешал свое пальто и трость.

Его вещи всегда были в идеальном порядке.

Вероника Полонская вспоминала: «В своей комнате были у Владимира Владимировича излюбленные места. Обычно он или сидел у письменного стола, или

Владимир Маяковский за чтением газеты. 1928 год. Из архива И.Ю. Генс-Катаня.

необходимо ему так же, как умывание; читая прессу, делал пометки на полях, выписывал цифры и факты, необходимые ему для работы. Он постоянно следил за «пульсом» страны. Бывало, раздавался звонок из какой-то редакции:

- Владимир Владимирович, просим откликнуться на злободневную тему.
- Знаю, уже пишу.

Н.А. Брюханенко вспоминала: «...Владимир Владимирович, заканчивая стихотворение для редакции, работал часто на Лубянке. Редакции (в частности «Комсомольская правда») были рядом. Кончит – идет к машинистке, жившей тут же, за стеной, и диктует. Здесь он часто создавал шапки для «Комсомольской правды», стихи его занимали боевое место в странице, заполненной статьями на актуальные политические темы»²⁸.

«Комсомольская правда» была любимой газетой Маяковского, а красное удостоверение сотрудника газеты всегда лежало на его столе.

Сотрудник «Комсомолки» Н.М. Потапов часто заходил к поэту по редакционным делам. Однажды он принес В. Маяковскому письма от комсомольцев, пришедших в редакцию, в которых говорилось, что молодежь смотрит пошлые зарубежные фильмы, подражает заграничной «красивой» жизни и т. д. Необходимо было дать ответ на эти письма, и вскоре Владимир Владимирович написал целую серию сатирических стихов, которые были опубликованы в газете.

стоял, опершись спиной о камин, локти положив на каминную полку и скрестив ноги. При этом он курил или медленно отпивал вино из бокала, который стоял тут же на полке. Потом вдруг срывался с места, быстро куда-то устремлялся, приводя что-то в порядок, или записывал что-нибудь у письменного стола, а то просто прохаживался – вернее, пробегался – несколько раз по своей маленькой комнате и опять в прежнее положение»²⁷.

Утро всегда начиналось с чтения газет, которые Владимир Маяковский прочитывал «от доски до доски», чтобы быть в курсе событий. Он заранее заготавливал себе на тарелке бутерброды и «поглощал» их за чтением газет.

«Мир в бумажке» – так с любовью Владимир Владимирович называл газету. Он всегда выписывал большое количество газет и журналов.

Поэт подчеркивал, что каждое утро он «заряжается» современностью и это

В. Маяковский никогда не работал постоянно за письменным столом. Продумывая свои произведения, поэт шагал по комнате, как бы «вышагивая» свои стихи, часто он открывал двери своей комнаты и выходил в переднюю, затем в коридор и шагал туда и обратно. Пришедшие на ум строки он записывал в записную книжку или на бумагу (стопки бумаги лежали на полке письменного стола). Курил Владимир Владимирович много. На письменном столе лежала коробка любимых папирос «Герцеговина Флор». Его пристрастие к этим папиросам нашло свое отражение в рекламе:

Любым папиросам
даст фор
«Герцеговина Флор»³¹.

В декабре 1925 года Владимир Маяковский получил наконец отдельную квартиру в Гендриковом переулке, 15/13, в районе Таганки.

Таганка считалась в то время отдаленным районом Москвы, и поэт после получения отдельной квартиры оставляет за собой комнату в Лубянском проезде (как рабочий кабинет).

Лубянская комната располагалась в центре Москвы, и это было очень удобно. Отсюда, с Лубянской площади, начинался ежедневный маршрут поэта в редакции «Правды», «Комсомольской правды», «Известий», «Рабочей Москвы», «Крокодила», «Прожектора» и другие редакции, корреспондентом которых он был. (В Государственном музее В.В. Маяковского хранятся 14 корреспондентских удостоверений поэта.) Помните, в одном из своих стихотворений поэт писал:

Люблю Кузнецкий
(простите грешного!),
потом Петровку,
потом Столешников;
по ним
в году
раз сто или двести я
хожу из «Известий»
и в «Известия»³².

После переезда в квартиру в Гендриковом пер., 15/13 в 1926 году поэт заказал мебель для новой квартиры по рабочему кредиту, она была светлая, производилась на фабриках Мосдрев № 1 и № 3. В лубянской комнате также черная мебель была заменена на светлую. Черный письменный резной стол был передан семье Катанянов, которые только переехали из Закавказья и не успели обзавестись мебелью.

Светлая мебель была чрезвычайно рациональна и удобна. Поэт приобрел три письменных стола, которые назывались шведскими. Один стол стоял в лубянской комнате, два таких же находились в Гендриковом пер., 15/13 (в комнате В. Маяковского и комнате О. Брика). Это были двухтумбовые столы-бюро с удобной

Письменный стол В. Маяковского. 1930 год. ГММ.

закрывающейся на ключ крышкой-шторкой. На верхней крышке письменного стола – небольшая книжная полка. На ней книги, необходимые в данный момент для работы, это поэтические сборники и литературные журналы, присланные поэту для отзыва (на них обычно стоял штамп «Для отзыва»). Были здесь и книги Владимира Владимировича Маяковского, как рассказывала Н.А. Брюханенко, которые он получал из типографии, это его новые сборники стихов. Когда к поэту приходили знакомые, он брал с полки книгу, подписывал и дарил, что доставляло ему большую радость.

Справа на столе стояло небольшое бюро красного дерева, где хранились записные книжки и записки, полученные поэтом на вечерах³⁹. Черновики Владимир Владимирович Маяковский не хранил, периодически устраивал чистки. Два раза в месяц делал генеральную уборку. Иногда записные книжки ему дарили, зная его пристрастие к ним.

За письменный стол поэт садился, чтобы записать готовое. Все черновики после работы прятал в ящик стола, любил, чтобы стол был чист.

Мелкие вещи кочевали с Лубянки на Таганку и обратно. На письменном столе стояла зажигалка, и в черном прямоугольном баллончике был бензин для зажигалки. Он практически не пользовался этими вещами, но любил, чтобы они

стояли на столе. Дома всегда ходил в домашних туфлях. Привез их из Парижа. Это были мягкие удобные тапочки из шевровой кожи – две пары. Вероятно, одна была в квартире в Гендриковом переулке, другая – на Лубянке.

Письменный стол – за ним поэт работал не только над стихами. Иногда Владимир Маяковский делал сам иллюстрации к своим произведениям для новых сборников. Н.А. Брюханенко вспоминала: «...На Лубянке, подготавливая к изданию книгу «Грозный смех», Владимир Владимирович собирал Окна РОСТА. Ездил в архивы. Взял у Черемных фотографии – предложил мне по фотографиям заняться расшифровкой текста. Много было замазано и стерлось, Владимир Владимирович успокоительно говорил: где не будет хватать, я буду вспоминать»³⁴.

Слева на столе стояла четырехугольная плетеная коробка для корреспонденции. По центру – перекидной календарь, на котором поэт делал пометки.

Слева от окна стоял книжный шкаф из сборных секций. Такие шкафы пользовались большой популярностью в конце 1920-х годов. (Это была типовая мебель, такие же книжные секции стояли в кабинете В.И. Ленина в Кремле, были у поэтов Демьяна Бедного и Николая Асеева.) Между письменным столом и книжным шкафом стоял небольшой четырехугольный столик, на котором лежал «Толковый словарь» Владимира Даля.

Поэт расставлял мебель таким образом, чтобы рационально использовать каждый квадратный метр жилплощади. В связи с тем что шкаф для одежды в комнате не помещался, В. Маяковский привез из заграничной поездки большой синий кофр, он и выполнял функции гардероба и стоял перед книжным шкафом, занимая мало места.

Внутри кофра были карманы для обуви, полочки для белья, вешалки для одежды с клеймом французской фирмы «Innovation». Здесь хранились самые не-

обходимые вещи: чистые накрахмаленные рубашки, белье, пижамные комплекты и т. д.

Рядом стоял небольшой прямоугольный канцелярский столик с боковой выдвижной доской, часто использовавшийся Владимиром Владимировичем как обеденный. Когда приходили друзья, стол раздвигался, включался электрический чайник, и гостеприимный хозяин угощал сладостями, фруктами, которые у него всегда были про запас.

*Фото макета лубянской комнаты.
На камине – верблюдик. ГММ.*

Вероника Полонская в кинофильме
«Стеклянный глаз» 1929 год. ГММ.

На камине стоял маленький угловой шкафчик, вероятно, сделанный по заказу. Здесь Владимир Маяковский хранил тот минимум посуды, который был необходим ему в быту.

На каминной полке стоял графин, в котором всегда была кипяченая вода.

Здесь же был бронзовый верблюдик, который подарила Владимиру Маяковскому Лиля Брик в 1925 году. Как пишет В.В. Катанян, Л.Ю. Брик отдыхала в Италии, а В. Маяковский, возвращаясь из Америки, должен был встретить ее в Берлине. Лилия Брик приготовила ему в подарок иранского инкрустированного бронзой одnogорбого верблюда. Поэт очень его любил. Иногда он ставил его на стол в лубянской комнате, иногда на камин. Виктор Шкловский говорил, что было такое ощущение, как будто верблюдик жил на камине. Владимир Маяковский даже сочинил песенку:

У коровы есть гнездо,
У верблюда – дети.
У меня же никого,
Никого на свете³⁵.

(Верблюдик после смерти Маяковского находился у Л.Ю. Брик, впоследствии В.В. Катанян передал его в фонды Государственного литературного музея, где он находится в настоящее время.)

На камине также стоял кубок из чешского богемского стекла в виде конуса. Он был расписан орнаментом с позолотой и, вероятно, был подарен Владимиру Владимировичу в одной из зарубежных поездок. По обе стороны от него стояли бокалы такой же конусообразной формы. Бокалы были подарены Вероникой Полонской. Она рассказывала: «Как-то мы играли шути вдвоем в карты, и я проиграла ему пари. Владимир Владимирович потребовал с меня бокалы для вина. Я подарила ему дюжину бокалов. Бокалы оказались хрупкими, легко бились. Вскоре осталось только два бокала. Маяковский очень суеверно к ним относился, говорил, что эти уцелевшие два бокала являются для него как бы символом наших отношений, говорил, что, если хоть один из этих бокалов разобьется – мы расстанемся. Он всегда сам бережно их мыл и осторожно вытирал»³⁶.

В.В. Полонская рассказывала мне, что всегда, когда она бывала у Владимира Маяковского в лубянской комнате, он просил ее оставить какую-нибудь свою вещь в залог будущей встречи. Это могла быть перчатка, какая-нибудь мелочь и т. д. Однажды он подарил ей шелковый шейный платок и тут же разрезал его по диагонали на две равные части. Одну отдал ей, сказав, что она должна всегда его носить, другую половину платка повязал на абажур настольной лампы, стоящей на письменном столе. Это должно было символизировать частицу ее самой.

Владимир Владимирович любил чистоту, его комната всегда была убрана. После ухода гостей поэт сам подметал пол, сразу же выбрасывал из пепельницы окурки папирос. Художница Евгения Ланг вспоминала: «Чтобы по-настоящему знать Маяковского – надо его видеть у него дома. ...Он был аккуратен, очень «организован», и чистота у него царила буквально «лабораторная». Он говорил шутя: «Конечно, порядок не всегда признак организованной мысли. Держать свои вещи в порядке может и тупица, но зато «беспорядок» всегда является признаком беспорядка и в мыслях». Уезжая из дома на продолжительное время или даже просто уходя на несколько часов, он приводил все в абсолютный порядок, чистил пепельницы, проветривал комнату. Он говорил, что не выносит мысли – вернуться в неубранную комнату. ...Заботы о чистоте и порядке своей комнаты он не старался свалить на кого-нибудь»³⁷.

Когда проходили выступления Владимира Владимировича в Политехническом музее, толпы народа заполняли площадь, что затрудняло движение трамваев. Многие ожидали поэта во дворе, у подъезда, молодежь заполняла лестничную клетку, кто-то просил пригласительный билет, кто-то шумно приветствовал Владимира Маяковского. Окруженный восторженной толпой, поэт шел на свои поэтические вечера, также, окруженный молодежью, он возвращался домой. П.И. Лавут рассказывал, что Владимир Маяковский был похож на жоака, идущего на штурм во главе своей дружины.

В лубянской комнате компоновалась выставка «20 лет работы». Вероника Полонская вспоминала: «Близилась дни выставки...Комната его на Лубянке превратилась в макетную мастерскую. Он носился по городу, отыскивая материал. Мы что-то клеили, подбирали целыми днями. И обедать нам приносила какая-то домашняя хозяйка, соседка по дому. Пообедав, опять копались в плакатах. Потом я уходила на спектакль, к Владимиру Владимировичу приходили девушки-художницы и все клеили, подписывали»³⁸.

Как мне удалось установить, этими художницами были В.И. Аралова и ее подруга – И. Вилковир. В.И. Аралова показала мне около письменного стола, на парке, след от разрезанного ножом картона. Ведь материалы клеились на картон, который резали тут же, на полу... В благодарность за работу В. Маяковский подарил В.И. Араловой рисунок Делонэ, который до сих пор хранится в ее семье.

На Лубянку приносили все материалы, которые сортировались по темам, делали альбомы. Недостающие материалы разыскивались в архивах. П.И. Лавут вспоминал, что кое-что приходилось искать в музее Октябрьской революции.

Когда-то Владимир Маяковский привез в подарок П.И. Лавуту из-за границы брезентовый саквояж, в нем переносились книги на выставку. Сегодня он хранится в фондах музея. Редкие издания книг поэта доставал Алексей Крученых.

Владимир Владимирович тщательно собирал после выступлений все присланные ему записки. Как рассказывал мне П.И. Лавут, эти груды записок сортировались по темам и городам, тут же перепечатывались соседкой Маяковского Люсей Татарийской. Записки перепечатывались таким образом, что под каждой из них оставлялись интервалы для ответов Владимира Маяковского. Это была как бы будущая заготовка для работы над книгой. В «Записной книжке» «Нового Лефа» Маяковский писал о своем замысле: «Я собрал около 7 000 записок, поданных мне на лекциях за последнее полугодие. Записки разбираем, систематизируем и выпустим книгу универсальных ответов»³⁹. К сожалению, этот замысел не был осуществлен. (В фондах ГММ хранятся 4 435 записок к В. Маяковскому.)

14 апреля 1930 года поэта не стало. В 10 часов 15 минут прозвучал роковой выстрел, оборвавший жизнь поэта.

После смерти Владимира Маяковского лубянская комната по распоряжению Президиума Мособлисполкома от 24 июня 1930 г. была закреплена за Л.Ю. Брик. В ней сохранились все вещи поэта. В фондах музея хранятся документы Л.Ю. Брик по квартплате вплоть до апреля 1938 г.

В связи с открытием в 1938 году Библиотеки-музея и мемориальной квартиры В. Маяковского в Гендриковом переулке, 15/13, лубянская комната и охранная грамота на нее, а также все вещи, находящиеся в ней, были переданы Лилей Брик руководству музея.

В 1967 году состоялось решение Исполкома Моссовета «О Государственном музее В.В. Маяковского», который должен был создаваться в Лубянском проезде, дом 3/6. Мемориальную комнату поэта решено было восстановить в таком виде, в каком она была при Владимире Маяковском в последние годы его жизни, т. е. с 1926 по 1930 г.

В эти годы обстановка в комнате практически не менялась. Сохранились фотографии 1930 года, сопоставляли воспоминания современников, опрашивали всех, кто бывал в комнате Владимира Владимировича. Была проведена кропотливая работа реставраторов. Паркет был пронумерован и разобран для реставрации, затем заново настелен. Сохранена была внешняя проводка на стенах и батарея, которая была при В. Маяковском. Были опрошены многочисленные современники поэта и сделаны десятки образцов колера стен... Цвет стен – желтый, пастельного тона (любимый солнечный цвет Владимира Маяковского). К сожалению, подлинная облицовка камина не сохранилась, сохранились лишь фрагменты облицовки, по которой он и был воссоздан, согласно чертежам и фотографиям. Шаг за шагом медленно шла работа, скрупулезно подбирались и реставрировались экспонаты. Низкий поклон реставраторам ВГЦРМ им. Грабаря, они сделали все – от реставрации мебели до личных мемориальных вещей В. Маяковского. Все тканевые вещи поэта были промыты, очищены от пыли

и грязевых наслоений (ведь время неумолимо разрушает вещи – солнечный свет, атмосферные влияния и так далее).

После реконструкции дома 3/6 по Лубянскому проезду перегородки коммунальных квартир были снесены, а их место заняли большие, просторные экспозиционные залы. И вот, наконец, в 1974 году открылся Государственный музей В.В. Маяковского и принял первых посетителей.

С тех пор прошло более 30 лет. Поменялась экспозиция, но мемориальная комната до сих пор является пульсирующим сердцем музея. В ней ощущается аура поэта, и каждый, кто приходит сюда, подолгу стоит, затаив дыхание, потому что каждая вещь, находящаяся в комнате, незримыми нитями связана с ее хозяином, она продолжает жить своей жизнью, она живая...

бела раскален апарат.
она она!
лежи!

и!
ней!

ПРОУЛОК, МОЩЕННЫЙ СЛАВОЙ...

рынке.
коротко оговоро Барышники глаз,
и праздник работы за двук. -

«Я называл эту квартиру: «не квартира – порох» – настолько часто и страстно там скрещивались шпаги ума и взрывались на воздух репутации»
П. Незнамов

В очередь с ними дежурили Владимир Владимирович и Асеев – до утра играли в 66, пока нашли рабочих и начали ремонт»¹.

15 февраля 1926 года Владимир Маяковский получил разрешение на право производства капитального ремонта полуразрушенной квартиры №5 в деревянном двухэтажном домике № 15/13 по Гендрикову переулку, около Таганской площади, в те годы считавшейся далекой окраинной города. В ремонт квартиры В. Маяковский вложил не только большие средства – 3 069 руб. 32 коп. (по тем временам это была значительная сумма), но и составлял с производителем работ сметы и соглашения, добывал необходимые строительные материалы, вел расчеты с рабочими, вникая буквально во все мелочи ремонта.

Дома, как и люди, каждый имеет свою судьбу. С именем Владимира Маяковского связана еще одна квартира, как уже упоминалось, в Гендриковом пер. 15/13, в которой поэт прожил с 1926 по 1930 г. Этот дом имеет свою, полную трагических страниц историю.

Проживая в коммунальной квартире в Лубянском проезде, Владимир Владимирович мечтал об уюте, о тепле, о налаженном быте, о собственной квартире.

Большую помощь в получении отдельной квартиры оказал В. Маяковскому А.В. Луначарский. После долгих хождений поэту разрешили занять полуразрушенную квартиру в Гендриковом переулке. Лиля Брик вспоминала: «...Въехать было невыносимо. С потолка свисали клочья грязной бумаги, под рваными обоями жили клопы, а занять ее надо было немедленно, чтобы кто-нибудь не перехватил под покровом ночи: с жильем было тогда сложно. И вот Осип Максимович и приятель наш, художник Левин, взяли по пустому чемодану и «въехали», то есть провели 2–3 ночи без сна, сидя на этих чемоданах.

Гендриков переулок, дом № 15/13. Москва. Фото 1920-х годов. ГММ.

Согласно планировке Владимира Владимировича, выкроили крошечную прихожую, где поместили только вешалку и плетеную корзину для белья. Когда собиралось много людей, одежда не помещалась на вешалке и ее клали на бельевую корзину, гора одежды вырастала до потолка...

В. Маяковский, как вспоминал Н. Асеев, сам заключал договора с рабочими, относился к ним с большим уважением, считая их работу важной. В фондах музея хранятся все расписки об оплате, подписанные его рукой.

Поскольку стандартная мебель не могла уместиться в квартире, поэт заказал столяру И. Кузнецову шкаф для посуды, уместившийся в стенной простенок, платяной шкаф для своей комнаты с зеркалом и с откидывающейся полочкой для бритвенных принадлежностей, а также большую полку на всю стену для столовой. Владимир Владимирович сам сделал чертежи мебели с размерами, учитывая маленький метраж комнат. Для столовой специально были сделаны столяром две банкетки по размеру простенков.

В конце января 1926 года поэт отправился в лекционные поездки по городам Украины, Северного Кавказа и Закавказья. Оттуда вернулся в Москву только в начале марта. Во время его отъезда Л.Ю. Брик занималась устройством и ремонтом его квартиры. 20 февраля 1926 года Владимир Владимирович написал ей из Баку: «...очень тебя жалею, что тебе одной возиться с квартирой, и завидую, потому что с этим повозиться интересно»³.

Основной ремонт квартиры был закончен к 29 марта 1926 года. По ходатайству наркома просвещения А.В. Луначарского, 23 апреля 1926 года Исполком Моссовета специальным письмом закрепил за поэтом квартиру в Гендриковом переулке: «Принимая во внимание, что поэтом В. Маяковским в доме № 15 по Гендрикову переулку произведено переустройство квартиры и ремонт последней за свой счет, Управление Делами Президиума Московского Совета считает вполне справедливым оградить интересы просителя от мероприятий, связанных с возможностью переселения или уплотнения поэта Маяковского»...⁴

В конце апреля Владимир Маяковский переехал в новую квартиру и прописал туда Осипа Максимовича и Лилию Юрьевну Брик. В архиве В.В. Катаняна сохранилась фотокопия заявления Владимира Владимировича.

Передняя была покрашена в ярко-красный цвет, столовая – желтого, канареечного цвета, 14,77 м², комната Л.Ю. Брик – 10,10 м², ярко-синия, цвета ультрамарина, комнаты Осипа Максимовича – 9,74 м² и В. Маяковского – 9,82 м² были выдержаны в тоне

*Председ. Комиссии
д. № 13/15 по 22-му
кварталу переулку*
*Прошу прописать в
моей квартире Г.Г.
Л.Ю. Брик и О.М. Брик
В.В. Маяковский*

Заявление В. Маяковского
в жилищарищество.
Архив И.Ю. Генс-Катанян.

Комната В. Маяковского. 1938 год. ГММ.

ром Маяковским в 1916 году. Его история довольно интересна. Коврик расшит бисером, на нем изображены пестрые утки в камышах. Он был куплен поэтом в Москве как китч, чтобы посмеяться над образцом мещанского вкуса. Владимир Владимирович привез его в Петроград, где тогда жили Брики. Лиле Брик коврик понравился, и с тех пор он висел в ее комнате, а затем в Гендриковом переулке до 1930 года. (В настоящее время он находится у И.Ю. Генс-Катанян).

Во всех комнатах на потолке были укреплены белые, похожие на конторские, светильники на металлических цепочках. Василий Катанян вспоминал:

кофе с молоком. Вход был с улицы, крутая одномаршевая лестница, ведущая на второй этаж, была общей, так как напротив квартиры В. Маяковского, с медной табличкой

Брик Маяковский

была еще одна квартира. В этом же общем коридоре, слева, стояли стеллажи с книгами (закрытые на всяческие замки), с общей библиотекой В. Маяковского и О.М. Брика. Другая часть библиотеки располагалась в застекленных стеллажах в комнате Осипа Брика.

На стенах комнат не было никаких картин. Только в комнатах В. Маяковского и О.М. Брика – на стене, у тахты, висели пестрые мексиканские коврики (подарок художника Д. Риверы), привезенные поэтом из далекой Мексики. В комнате Лили Брик над тахтой висел коврик, подаренный Владимиром

Комната Л.Ю. Брик с ковриком, подаренным В. Маяковским. 1939 год. ГММ.

«— Откуда такие, — удивлялся кто-то.

— Поезда, седла, цвел, приобрел, — в Мосторге — отвечает Маяковский.»⁵

В Мосдреве по рабочему кредиту была куплена мебель, как уже упоминалось, два шведских письменных стола (один — в комнату В. Маяковского, другой в комнату О. Брига). В комнате Владимира Маяковского, у стола, стояло большое кресло. Слева — платяной шкаф с откидной полочкой для бритвы и зеркалом на уровне лица Владимира Владимировича, у стены — тахта, обитая полосатой пестрой тканью. Там же, в Мосдреве, были куплены три тахты (для 3-х спальных комнат). Стулья простые, с сидениями, на которых был выбит в виде небольших отверстий рисунок — пятиконечная звезда в круге.

В. Маяковский бреется. 1927 год. ГММ.

Столовая в квартире В. Маяковского. Акварель худ. В.Г. Сенькова 1948 год. ГММ.

Для прихожей была куплена вешалка с полкой для обуви; в столовой, посредине, стоял четырехугольный стол, который при необходимости раздвигался. Справа у окна – черный кожаный диван, на котором любил сидеть В. Маяковский. Над диваном широкая полка, в шутку названная «универмагом». Здесь одно время стояла пишущая машинка «Remington», привезенная из Америки, и рулетка, привезенная из Парижа. Иногда лежали книги, газеты, журналы.

В углу – ледник, прародитель нынешних холодильников. Он был обит железом и похож на сундук, внутрь него в два отсека клали продукты, переложенные льдом. По мере таяния льда, вода стекала по желобам и с помощью крана выводилась из ледника. На леднике, покрытом скатертью, стоял в виде небольшого чемоданчика радиоприемник с патефоном, вероятно, немецкого производства (к сожалению, он не сохранился).

Это были первые образцы, как сейчас сказали бы, музыкального центра. Ведь магнитофоны еще не были изобретены... Слушая радиоприемник, поэт «общался с миром».

Мы знаем, с каким пристальным вниманием следил Владимир Маяковский за техническими новинками. Как вспоминали современники, Владимир Владимирович был одним из первых литераторов, кто выступил у микрофона. Войдя в студию, он, кивнув на микрофон, спросил: «А много там народу?». Услышав в ответ: «Весь мир», он улыбнулся и сказал: – «Ну мне больше и не нужно». (В 1928 году Маяковский привез из-за границы в подарок матери и сестрам наушники, чтобы слушать радио). Он не мыслил себе жизни без этой технической новинки.

Но вернемся в «кают-компанию», как называли столовую в квартире Владимира Маяковского.

Скромные банкетки, покрытые полосатым тиком, стояли по обе стороны белой кафельной печи. Печь была установлена таким образом, что обогревала и столовую, и комнату Маяковского. Центрального отопления не было, оно появилось лишь с созданием Библиотеки-музея в 1937 году. Поэтому для тепла на пол положили пестрые украинские ковры. Один из них хранится в фондах музея.

В простенке, между окнами, стояла горка с посудой, сделанная столяром И. Кузнецовым. Для максимальной экономии места в стену шкафа были вкручены крючки, на которые вешались чашки. П.Н. Незнамов описал этот шкаф в шуточном стихотворении:

*Шкаф с посудой из квартиры
в Гендриковом переулке. 1938 г.
Из архива И.Ю. Генса-Катанян.*

Л.Ю. Брик в квартире в Гендриковом переулке. Конец 1920-х годов. Из архива И.Ю. Генс-Катанян.

У компактного буфета
Общее с поэтом Фетом:
Он скрипит и он
прозрачен.
Так его и обозначим.⁶

Решили покупать все новое, даже посуду. Л.Ю. Брик вспоминала: «Как много было тогда посуды в горке столовой. Я покупала ее так: «Дайте, пожалуйста, пять дюжин самых дешевых стаканов или тарелок»⁷. Ведь гостей всегда было много.

Большая часть посуды куплена на Кузнецком мосту в магазине НКВД, куда завозились первые образцы сервизов фарфоровых заводов Дулево и Вербилки. Вход в магазин был по пропускам. У Л.Ю. Брик был пропуск, и, как вспоминала жена художника Д.П. Штеренберга Надежда Давидовна, вместе с Лилей Юрьевной они покупали там сервизы, тарелки, пиалы и т. д. для квартиры в Гендриковом переулке. Здесь же был куплен

большой пузатый синий фарфоровый чайник, вызывавший восхищение друзей. Он стоял вместе с самоваром на леднике. Там же куплены синие чайный и кофейный сервизы Дулевского фарфорового завода с рисунком «мушель», их история довольно интересна. В начале 1920-х годов, когда в первые революционные годы проводили «чистку» фарфорового ассортимента, огромная масса рисунков была уничтожена. Мотивировали тем, что нужно освободить производство от «наследия прошлых эпох», прежде всего «от влияния буржуазного вкуса». Студенты ВХУТЕМАСа, проходившие практику на Дулевском заводе, занесли некоторые рисунки в альбомы, среди них был рисунок «мушель». Это – один из распространенных рисунков, часто воспроизводившихся на фарфоровых сервизах 1920-х годов. Фон сервизов – синий, а на боковых стенках фарфоровых чайников и чайных чашек и пиал, в белых виньетках, яркие, красно-бордовые цветы с зеленью. (Позже, в советское время, такие сервизы стал вновь выпускать Дулевский фарфоровый завод).

Мемориальный сервиз хранится сегодня в фондах ГММ.

Владимир Маяковский очень любил цветы. Он покупал гиацинты, розы. Приносил цветы в горшках, иногда ими заставляли всю полку в столовой и подоконники. Цветы в квартире были всегда.

Самая большая комната – столовая, «кают-компания». Здесь обычно собирались друзья и происходили споры. Спорщики оттесняли один другого в комнату В. Маяковского или комнату О.М. Брика, в комнату Л.Ю. Брик спорщики не допускались.

П.В. Незнамов вспоминал: «Я называл эту квартиру: «не квартира – порох!» – настолько часто и страстно там скрещивались шпаги ума и взрывались на воздух репутации»⁸.

Иногда устраивались тематические вечера. Если они были посвящены кино, то приглашались кинорежиссеры: В. Пудовкин, Д. Вертов, Л. Кулешов, С. Эйзенштейн, Э. Шуб, В. Жемчужный и др. Здесь же обсуждали фильмы С. Эйзенштейна («Броненосец «Потемкин» и «Октябрь»), говорили о фильмах В. Пудовкина, разбирали сценарий О.М. Брика «Потомок Чингиз-хана» и обсуждали сценарий фильма «Стеклянный глаз».

Если устраивались вечера, посвященные архитектуре, то звали архитекторов: А. Бурова, М. Гинзбурга, братьев Весниных, А. Родченко, А. Лавинского и др. Здесь бывали люди самых разных профессий – актеры: А. Хохлова, Б. Ливанов, Б. Барнет, В. Фогель, М. Яншин, В. Полонская, Рина Зеленая, З. Райх, Н. Розенель-Луначарская, режиссер Вс. Мейерхольд, композитор Матвей Блантер (в то время он работал в театре «Мастфор»), кинооператор А. Головня. Частыми гостями были Б. Пастернак, В. Шкловский, Н. Асеев, Л. Кассиль и М. Кольцов. Здесь, в Гендриковом, праздновали юбилей Кольцова (В. Маяковский называл его ласково «Колечкин»). Часто приходили И. Бабель, С. Маршак, которому Владимир Владимирович все время высказывал свое восхищение его детскими книжками.

Петр Незнамов вспоминал: «В Гендриковом вечерами поэты нередко читали стихи. Читали Асеев, Кирсанов, Маяковский, Пастернак и я. На отрыв-

Мемориальный сервиз с рисунком «мушель». ГММ.

ках из «Уляляевщины» прокатывал свой голос И. Сельвинский: ему был отведен целый вечер. Был еще раз два Н. Ушаков. Часто бывали кинематографисты. Однажды обедали Эйхенбаум и Пунин (из Ленинграда)»⁹.

Сюда приходили друзья Владимира Маяковского – Сергей Третьяков, автор драмы «Рычи Китай», и поэт Василий Каменский, который читал свои новые стихи и играл на баяне.

В квартире в Гендриковом переулке: В. Маяковский, В. Степанова, О. Бескин, Л. Брик. Москва. 1927 год. ГММ.

Частыми гостями были художники Д.П. Штеренберг и Н.Ф. Денисовский, А. Тышлер и В. Татлин, театральный художник В. Комарденков. В. Маяковский любил рифмовать его фамилию: «Комарденкова» — «морденка». Как-то, идя к умывальнику, сказал: «Пойду помою шею и Комарденкова»¹⁰.

Кроме деятелей культуры здесь бывали врачи, чекисты, инженеры — люди самых разных профессий. В один из вечеров 1929 года в гости к Владимиру Маяковскому пришел его давний знакомый инженер И.П. Хренов. Н.Ф. Денисовский вспоминал, что именно тогда И.П. Хренов рассказал поэту о тяжелом положении строителей, воздвигавших Кузнецкий металлургический комбинат. Со слов И.П. Хренова В. Маяковский написал стихотворение «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка».

Обстановка в маленькой квартире была предельно скромной. Н.А. Розенель-Луначарская рассказывала: «Вместе с Анатолием Васильевичем я несколько раз была у Маяковского в Гендриковом переулке, в его последней квартире... Запомнилась металлическая табличка на двери «Брик Маяковский», выполненная очень изящным шрифтом. Внутри квартиры — почти аскетическая простота и ослепительная чистота, как на военном корабле. Ничего лишнего...только в комнате Лили Юрьевны Брик — несколько украшающих вещей, главным обра-

Телефон в квартире в Гендриковом переулке. 1938 год. ГММ.

кал, он ставил его на полку над диваном (она была укреплена довольно высоко, по его росту).

20 сентября 1927 года в Гендриковом переулке состоялось первое чтение поэмы В. Маяковского «Хорошо». На читке присутствовал нарком просвещения А.В. Луначарский. Собралось человек тридцать. В.А. Катанян вспоминал: «Как разместились — не знаю. Сняли телефонную трубку, собаку Бульку устроили к кому-то на колени, к самому терпеливому. Маяковский стоял в углу, у двери в свою комнату. Поистине — написать вещь было для него как бы пол дела. Ее еще нужно было прочесть! Маяковский, читающий стихи, выражал себя наиболее полно. Чтение было прямым продолжением процесса создания вещи. В нем не было символистского подвыпания и скандирования и не было натурализма актерской читки, бессовестно ломающей стихотворную речь грубым переигрыванием «игровых интонаций». Маяковский держит в руке записную книжку, заложив в нее папек, но редко к ней обращается»¹².

Вскоре поэме «Хорошо» в Гендриковом переулке был посвящен веселый вечер, когда весь ее текст, подобно комедии Грибоедова, разносился на пословицы: «Место лобное — для голов не удобное», «Мы только мошки, мы ждем кормешки» и т. д.

Другой вечер был посвящен поэме Н. Асеева «Семен Проскаков».

зом, флаконы духов и вазы с цветами; две другие комнаты пустоваты и строгие. Все двери широко открыты настежь. В первой комнате на столе — бочонок с крюшоном, подносы с бутербродами, стопки тарелок. Ничего лишнего также в сервировке»¹¹.

Когда собиралось много людей, стол ставился по диагонали и раздвигался. На столе: крюшон, фрукты, бутерброды, иногда — шампанское. Почти никогда не было водки. Как правило, курили все, начиная с хозяина.

Когда устраивались читки новых произведений, читающий становился у печки. Гости усаживались на стулья, банкетки, диван. Иногда собиралось человек до 35. Когда читал Владимир Маяковский, он становился в дверях своей комнаты, у стола, лицом к столовой, дверь открывалась настежь. Часто гости расходились в 2–3 часа ночи. Если пили чай или вино, поэт пил только из своей чашки и из своего бокала. Чтобы случайно кто-то не взял его бо-

Как уточнял П. Незнамов, «по поводу «Хорошо» и асеевского «Семена Проскакова». В. Маяковский с удовлетворением и гордостью говорил: «К десятилетию Октября в советской литературе только мы с Колядочкой успели написать свои вещи»¹³.

Журнал «Новый Лесф», который начал издаваться с января 1927 года и выходил два года подряд, делался в основном в Гендриковом переулке.

Собрания литературно-художественной группировки «Реф», возникшей в середине 1929 года, проходили также на квартире Маяковского.

«Мы собирались в Гендриковом переулке вечерами. Разговоры происходили за чаем. Разговоры велись серьезные, но в веселой форме», – позднее писал Незнамов, опубликовав «Протокол организационного собрания «Рефа» в составе гг. Маяковского, Асеева, Кирсанова, Брик О. М., Брик Л. Ю., Ломова (Катаняна), Степановой, Незнамова, Жемчужного, Кассиля, Родченко от 15 сентября 1929 г.», отметивший момент оформления «Рефа».¹⁴

В Гендриковом переулке проходили встречи и с иностранными писателями, если было необходимо встретиться по линии ВОКСа (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей).

Здесь часто бывали зарубежные деятели культуры. Так, в дни празднования 10-й годовщины Октябрьской революции среди именитых зарубежных гостей были мексиканский художник Диего Ривера и американский писатель Теодор Драйзер. Как только Д. Ривера вошел в комнату В. Маяковского, первое, что он увидел – пестрый мексиканский коврик над тахтой Владимира Владимировича. Было видно, что ему очень приятно, и он сказал: «Эту вещь подарила Маяковскому в Мексике моя жена». Д. Ривера вспоминал: «В те дни в один очень холодный вечер Маяковский пригласил нас к себе в дом... Там было жарко, как в печи, и там действительно пылал энтузиазм тех, на чью долю выпали радость и честь воспользоваться гостеприимством гения. Нас было много в его доме... К Маяковскому пришли и люди, знаменитые уже тогда, и люди, которые стали знаменитыми впоследствии. Среди первых был Теодор Драйзер, автор «Американской трагедии»¹⁵. Драйзер сохранил об этой встрече самые теплые воспоминания и вскоре в своей книге очерков написал о В. Маяковском: «...динамичный, он выглядел как боксер и одевался как актер»¹⁶.

В. Маяковский в столовой в Гендриковом переулке. 1929 год. ГММ.

Ольга Третьякова, присутствовавшая на этой встрече, вспоминала: «Драйзер был очень оживлен и, стоя в тесной передней, одетый, продолжал говорить без конца. Маяковский ему сказал: «Хотите – мы поставим вам здесь кровать?». За обедом он восторгался икрой и сожалел, что не может взять с собой икры в Америку. Владимир Владимирович предложил приделать к осетру ручку – наподобие чемодана – и так везти его, а он будет метать икру по мере надобности. ...Уходил Драйзер в очень радостном настроении»¹⁷.

В разное время в этой квартире у В. Маяковского бывали американский писатель Синклер Льюис, французский историк кино Жорж Садуль, турецкий писатель Назым Хикмет и многие другие.

В 1928 году японский театр «Кабуки» впервые покинул свою страну и выехал на гастроли в СССР.

Инициаторами приезда театра в нашу страну были В. Маяковский и С. Эйзенштейн, входившие в правление ВОКСа. Поэт был на спектакле театра «Кабуки» в дни их гастролей.

В середине августа 1928 года в квартиру Владимира Маяковского в Гендриковом переулке приехали по приглашению поэта актеры японского театра «Кабуки» во главе с режиссером Итикавой Садандзи. Как известно, В. Маяковский очень интересовался игрой актеров театра «Кабуки» и вообще проявлял большой интерес к Японии. Он собирался посетить Японию во время своего кругосветного путешествия. В одном из своих стихотворений Владимир Владимирович писал:

Я
в долгу
 перед Бродвейской лампией,
перед вами,
 багдадские небеса,
перед Красной Армией,
 перед вишнями Японии,
перед всем,
 про что
 не успел написать¹⁸.

Как вспоминала Л.Ю. Брик, в тот день в Гендриковом разговаривали главным образом об игровом и неигровом кино...

В фондах ГММ хранится матерчатая набойка-реклама с портретом Итикавы Садандзи в одной из ролей спектакля «Кабуки». Возможно, она была подарена поэту во время их визита.

Рабочий день Владимира Маяковского обычно начинался в 9–10 часов утра. За завтраком поэт читал утренние газеты, затем шел в Лубянский проезд, где работал весь день. Часов в 5–6, если не было выступлений, он возвращался в Гендриков переулок. Сразу шел к телефону и начинал звонить друзьям. Телефон висел на стене и по просьбе Владимира Владимировича к нему был прикреплен длинный

шнур, что позволяло поэту свободно перемещаться по комнате. Он шутил над собой, декламируя строки А. С. Пушкина:

И днем, и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...

Если в столовой было шумно, Владимир Владимирович удалялся в свою комнату и продолжал беседу. Он не терпел одиночества, приглашал друзей, играл в карты, старался расслабиться. Однажды вернулся утомленный и хмурый после очередной «схватки» с критиками.

Это было осенью 1929 года. Л. Кассиль рассказывал, как поэт сидел на диване хмурый: «Заслонясь от всех газетой, он грустит о чем-то. Он жует папиросу, отчужденно молчит. Днем он недоругался с противниками. Сотнями мелких тупых уколов обидела его ругательная статья в критическом журнале. Поздний вечер. И вдруг окраинную тишину разрывают молодые голоса. Видно, рабфаковцы возвращаются домой. На мгновение снова все стихло, и вдруг дружный хор читает, переиначив по-своему, строки «Левого марша»:

Проулок, мощный славой!
Запомните адрес все вы...
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

Маяковский быстро встает к окну. Но уже все стихло, только слышны удаляющиеся шаги. Маяковский обернулся к сидящим в комнате и, сделав вид, будто ничего не произошло, с нарочитым спокойствием спросил: «Как это они прокричали?», и сам несколько раз повторил только что услышанные слова. Усталость как рукой сняло – он, радостный, оживленный, зашагал по комнате. И таким оставался весь вечер: услышал голос своих читателей»¹⁹.

Владимир Маяковский, возвращаясь из поездок по нашей стране или из зарубежных командировок, всегда отчитывался перед своими читателями. В афише указывалось, о чем пойдет речь в его выступлении. Каждая новая афиша Владимира Владимировича висела на стене в Гендриковом переулке два-три дня.

После каждой зарубежной поездки В. Маяковского в Гендриковом переулке собирались друзья. В комнате О.М. Брига был «склад» книг, буклетов, проспектов, которые Владимир Владимирович привозил из-за границы. После «отчета» о поездке все привезенное им раздавалось. А. Родченко, А. Лавинскому и Е. Семенову – монографии о художниках; кинематографистам Д. Вертову и С. Эйзенштейну – книги и проспекты о кино; архитекторам – книги об архитектуре. А. Родченко вспоминал: «Привез и подарил мне Володя монографии Гросса, Ларионова, Гончаровой, Делоне, «негров», Руссо, Пикабиа, Андре Лота, Б. Григорьева,

Пикассо. Таким образом, и печать, и нас он информировал о культуре и искусстве Запада»²⁰.

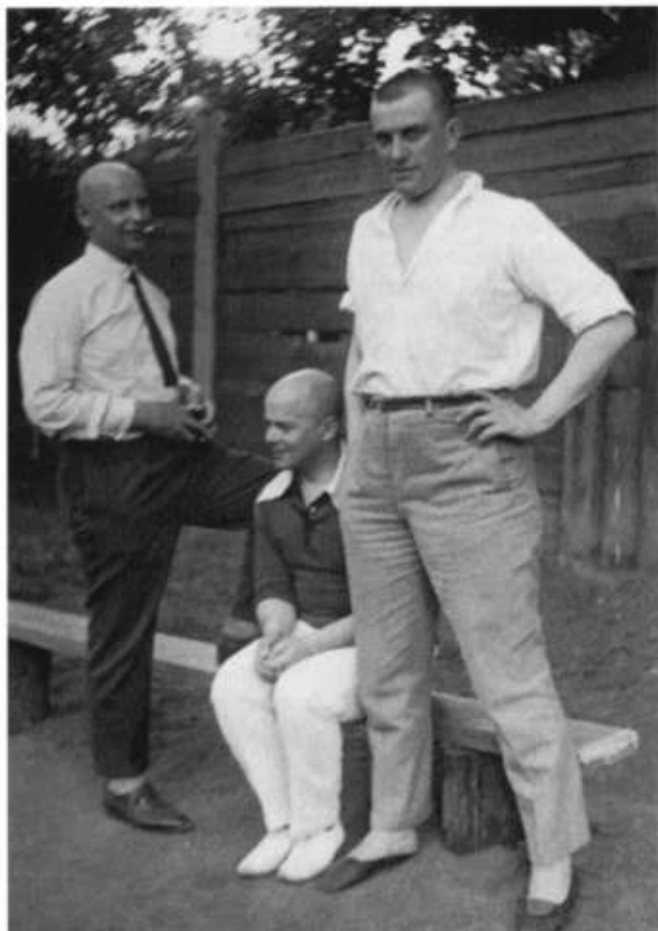
Александр Родченко подчеркивал, что Владимир Владимирович привозил не только искусство Запада, но и его жизнь, его дыхание со всеми недостатками и достоинствами.

Первыми слушателями пьес Владимира Маяковского были его друзья. 26 декабря 1928 года в Гендриковом переулке собрались писатели, поэты, актеры, художники, режиссеры и Владимир Владимирович прочел им пьесу «Клоп». Всеволод Мейерхольд в газете «Вечерняя Москва» 27 декабря 1928 года писал: «На чтении пьесы Маяковского присутствовало много писателей.

Пьеса имела единодушный успех. Многие отмечали, что новое произведение Маяковского – чрезвычайно яркое явление и в литературе, и на театре».

22 сентября 1929 года Владимир Владимирович прочел только что законченную пьесу «Баня». На читку вновь был приглашен А.В. Луначарский. Он говорил о шекспировской силе драматургии Маяковского. П.В. Незнамов также вспоминал, что на чтении «Бани» в Гендриковом переулке было много народу и Вс. Мейерхольд сравнивал Маяковского с Мольером. Присутствовали также М. Яншин с В. Полонской. Вероника Витольдовна вспоминала, что Михаил Яншин был в восторге и на следующий день убеждал всех в театре, что нужно ставить «Баню» в Художественном театре.

1 февраля 1930 года состоялось открытие выставки Владимира Маяковского «20 лет работы». В квартире на Таганке друзья устроили В. Маяков-

А. Родченко, В. Шкловский и В. Маяковский во дворе дома в Гендриковом переулке. 1926 год. ГММ.

скому чествование. Художник Н.Ф. Денисовский вспоминал, что все стены квартиры были увешаны афишами о выступлении Владимира Владимировича в разные годы. Всеволод Мейерхольд и Зинаида Райх привезли из театра много театральных костюмов. З. Райх гримировала выступающих. Семен Кирсанов написал кантату, которую исполняли для юбиляра, Николай Асеев читал пародии. Было весело и ничто не предвещало беды. До трагической гибели поэта оставалось три месяца. 14 апреля 1930 года в Лубянском проезде прозвучал роковой выстрел... Петр Незнамов вспоминал: «14 апреля он уже лежал мертвый на своей тахте в Гендриковом: удивительно красивый и удивительно молодой, «с чертой превосходства над всем, что вокруг»²¹. Отсюда, из своей квартиры, Владимир Маяковский отправился в свое последнее путешествие в вечность...»²²

После смерти Владимира Владимировича Брики прожили в Гендриковом переулке до середины 1930 года. Незадолго до смерти, 4 апреля 1930 года, В. Маяковский внес деньги в жилищный кооператив им. Красина. Именно в эту квартиру переселились Брики (Спасопесковский пер., д. 3/1, кв. 55, в районе Арбата). Квартира В. Маяковского в Гендриковом переулке 15/13 была заселена новыми жильцами. В целях сохранения обстановки и вещей из этой квартиры, все было вывезено и сохранено Бриками.

5 декабря 1935 года Моссовет вынес решение о создании Библиотеки-музея В. Маяковского в Гендриковом переулке, 15/13²³. (В дальнейшем БММ.)

В 1936 году началась работа по реставрации и восстановлению квартиры Маяковского. В этом же году к дворовому фасаду дома был пристроен читальный зал для библиотеки. Внутренняя перепланировка обоих этажей, ранее занятых коммунальными квартирами, была произведена в соответствии с новым назначением дома. Здание осталось деревянным, снаружи было оштукатурено «под камень», как и при жизни поэта. Квартира В. Маяковского не подвергалась перепланировке и восстановлена в таком же виде, как и была при жизни поэта.

Тогда же реставрировали мебель из квартиры в Гендриковом переулке, хранившуюся у Бриков. От них были приняты в музей и мемориальные вещи поэта.

2 января 1938 года были открыты читальный зал и библиографический кабинет. Открытие мемориальной квартиры состоялось 14 октября 1938 года. Для обозрения посетителей было представлено только 2 комнаты: комната Владимира Маяковского и столовая.

16 октября 1938 года Совнарком СССР постановил «хранение и разработку литературного наследия сосредоточить в Библиотеке-музее В. Маяковского».

В начале войны вместе с музейными материалами Библиотеки-музея были отправлены в эвакуацию на Урал в г. Молотов частные архивы Бриков (рукописи, документы, рисунки, фотографии В. Маяковского, в том числе три рукописи поэмы «Про это» и рубашка В. Маяковского, в которой он был в день смерти), а также архивы А. Родченко и В. Степановой, Н. Харджиева и др.

Чтобы уберечь мемориальные вещи поэта, оставшиеся в Библиотеке-музее, от возможной гибели (на случай бомбежки), их разложили в ящики и закопали

в траншее сада, на территории, прилегающей к дому-музею (внутри каменной ограды). Это были киноплёнки, записи его голоса, стекло (посуда из шкафа столовой), два электрических чайника Владимира Маяковского, настольные лампы, самовар, скульптура, мемориальная доска и другие вещи.

На протяжении всех четырех лет войны регулярно сотрудники музея вели дневник, куда записывали все, что происходило за это время с музеем и его сотрудниками. В дневнике был начерчен план сада и указано точно местонахождение 3-х ящиков с мемориальными вещами.

В первые три месяца войны стали делать художественную фиксацию мемориальных вещей поэта с указанием размеров, чтобы в случае утраты можно было их восстановить.

Пропагандистская работа не прекращалась.

Делали передвижные выставки, научные сотрудники читали лекции в госпиталях. На фронт отправлялись посылки с теплой одеждой для бойцов. Женщины чинили и штопали одежду. Некоторые сотрудники были призваны в действующую армию. Создавались бригады В. Маяковского. Сотрудники музея выезжали с лекциями на фронт.

Связь сотрудников БММ с фронтом была постоянной. В музей приходили письма бойцов с просьбой выслать книги со стихами В. Маяковского. Насколько это было возможно, сотрудники удовлетворяли просьбы фронтовиков. Сегодня в рукописном фонде музея хранится много военных треугольничков той поры, в которых бойцы рассказывали, как вдохновляли их стихи любимого поэта, с книгами которого они шли в бой.

Когда немцы подошли к Москве и начались налеты вражеской авиации, сотрудники БММ дежурили по ночам, тушили зажигательные бомбы.

В фондах музея сохранились осколки от шрапнельного снаряда, снятые с крыши музея, как напоминание о тех грозных, трудных военных годах. Весь коллектив БММ принимал участие в сборе средств на постройку танковой колонны имени В. Маяковского (они перечислили свой однодневный заработок).

9 мая 1945 года сотрудники Библиотеки-музея отмечали День Победы. В читальном зале собрались и те, кто воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Была откупорена бутылка шампанского «Абрау-Дюрсо», сохранившаяся с конца 1920-х годов и принадлежавшая Владимиру Маяковскому.

Библиотека-музей В. Маяковского, вошедшая во все литературные справочники Москвы и энциклопедии, с 1950-х по 1970-е годы была островком бурной литературной жизни столицы. Здесь формировалось не одно поколение молодежи.

В 1960-е годы в этом доме читал свои лекции Андрей Синявский, свои первые стихи выносили на суд зрителей Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, пел Булат Окуджава, бывали Борис Пастернак, Анна Ахматова и др. Известно, с какой теплотой Анна Андреевна относилась к Владимиру Маяковскому и как тяжело переживала его смерть. Приехав в Библиотеку-музей поэта, она прежде всего попросила сотрудников показать ей рукописи Владимира Владимировича.

Посещали мемориальную квартиру Владимира Маяковского многие зарубежные деятели культуры: Луи Арагон, Эльза Триоле, Рафаэль Альберти и др. В 1956 и 1965 годах вместе с женой приезжал Давид Бурлюк.

Здесь была устроена первая выставка русского авангардного искусства... Да, разве можно перечислить все?! (Надеюсь, что когда-нибудь кто-то напишет подробную историю жизни этого музея. Я не берусь сегодня рассказывать все, что связано с этим культурным центром Москвы. Архив огромный, и он ждет своих исследователей!).

Библиотека-музей В.В. Маяковского функционировала до 1972 года²⁴.

Как ни прискорбно констатировать, но сегодня музея уже не существует. Здание арендуется одной из фирм, а в мемориальной квартире Владимира Маяковского – офисные помещения. О былом существовании этой квартиры напоминает лишь мемориальная доска на здании...

Все материалы, связанные с жизнью и творчеством поэта, а также комплекс мемориальных вещей, находившийся в квартире в Гендриковом пер. 15/13 сосредоточены в настоящее время в Государственном музее В.В. Маяковского в Лубянском проезде.

Сегодня – это крупнейший литературно-мемориальный музей страны. Вернемся же вновь в комнату поэта в Лубянском проезде и снова продолжим наш диалог с Маяковским.

ДРУЗЬЯ ИЗ
«КОМНАТЕНКИ-ЛОДОЧКИ»

«Коллекция неразрезанных книг отвратительна. Иногда книга помогает мне, иногда я – книге».

В. Маяковский

Книги! Как много значили они в жизни Владимира Маяковского! Они были его постоянными спутниками во время путешествий и лекционных поездок по городам Советского Союза. Современники поэта вспоминают, что в какие-то относительные периоды отдыха, когда Владимир Владимирович не был занят выступлениями, он читал.

В 1926 году Н.С. Ашукин предложил писателям ответить на вопросы составленной им анкеты «Писатель и книга». Вот что ответил Владимир Маяковский.

«1. Имеется ли у Вас личная библиотека? Если да, то сообщите количество томов. – Библиотека общая с О.М. Бриком. 1000–1200 книг.

2. Какой состав Вашей библиотеки? В чем особенность личной Вашей библиотеки? Что в ней преобладает? – Теория литературы и социология.

3. Давно ли Вы собираете свою библиотеку? – Всегда имели книгу.

...6. Ваше отношение к собирательству книг? –

Хорошо, если нужны для работы. Коллекция неразрезанных книг отвратительна.

7. Книги и Ваша литературная работа? – Иногда книга помогает мне, иногда я – книге»¹.

Как мы знаем, действительно, в квартире Владимира Маяковского в Гендриковом переулке была совместная с Осипом Бриком библиотека. Здесь преобладали издания по теории литературы и социологии. К сожалению, при жизни Владимира Маяковского не было сделано полного описания этой библиотеки, что дало бы нам представление о широте его интересов и круге чтения. В 1938 году часть книг из этой библиотеки была передана О.М. Брик и Л.Ю. Брик в открывшуюся Библиотеку-музей В.В. Маяковского, эти книги составили ядро научной библиотеки, которая затем пополнялась сотрудниками.

В целостности сохранилась лишь рабочая библиотека Владимира Маяковского в его комнате в Лубянском проезде, что дает нам возможность судить о ее характере и круге чтения поэта.

Эта библиотека была небольшая и носила чисто деловой, рабочий, характер. На верхних полках стоят сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, сочинения В.И. Ленина, Г.И. Плеханова и Большая Советская энциклопедия. Все эти книги поэт получил по подписке.

В рукописном фонде музея хранятся подписные квитанции периодсектора Госиздата РСФСР, заполненные рукой Владимира Владимировича, на эти издания. Подписные издания заполнили несколько полок книжного шкафа.

На одной из полок стоят тоненькие, зачитанные поэтом произведения А.С. Пушкина, многие из которых Владимир Владимирович знал наизусть. Грузин-

Рабочая библиотека поэта
в лубянской комнате.
Москва, 1974 год. ГММ.

ская актриса Нато Вачнадзе, побывавшая как-то в гостях у поэта, вспоминала, что в его комнате на столе, у тахты, лежал томик Пушкина. Перехватив ее удивленный взгляд, Владимир Владимирович сказал: «Вот все на меня сердятся за мои стихи без ямбов, а ведь без Пушкина я не засыпаю – это моя любимая книга»².

В книжном шкафу Владимира Владимировича стояли тоненькие, брошюрочного типа, изданные для массового читателя, произведения А.С. Пушкина: «Пиковая дама», «Дубровский», «Драматические сцены», «Полтава», «Барышня-крестянка», «Поэмы»/1821–1824/, «Стихотворения», «Борис Годунов».

Организатор выступлений поэта по городам Советского Союза П.И. Лавут вспоминал, что часто во время поездок, в поезде, Владимир Маяковский мог часами читать наизусть «Евгения Онегина», «Медного всадника», сцены из «Бориса Годунова». Владимир Владимирович хорошо знал не только творчество А.С. Пушкина, но и творчество поэтов пушкинской поры. Об эрудиции Владимира Маяковского свидетельствуют воспоминания Н. Смирнова-Сокольского. Как-то он, находясь на гастролях в Ленинграде,

встретился с поэтом и им довелось жить в одной гостинице. Их пригласили в гости, где были Лев Никулин, Виктор Ардов, Валентин Стенич и др. Н. Смирнов-Сокольский вспоминал: «Мне в те дни посчастливилось, и я приобрел у одного старого библиографа его довольно значительную коллекцию альманахов и сборников XVIII и XIX столетий. Альманахи и сборники я всегда собирал с особенной страстью.

...В этом моем «заходе» были чудесные вещи: комплекты «Северных цветов» Дельвига, «Невского альманаха» Аладына, «Полярной звезды» Бестужева и Рылеева, «Мнемозины» Кюхельбеккера и Одоевского, «Для немногих» Жуковского, все литературные сборники Некрасова, редчайшие аль-

Книги А.С. Пушкина из библиотеки В. Маяковского.

манахи поэтов-радищевцев, сожженная царской цензурой «Вятская незабудка» и множество других, тех самых, о которых когда-то Пушкин сказал, что они «сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движениях и успехах».

За столом разговор некоторое время вертелся вокруг этой моей находки. Единомышленников по книжному собирательству не было ни одного, и все «испытанные остряки», во главе с самим Маяковским, подтрунивали над моей «страстишкой», называя меня «старьевщиком», «шурум-бурумщиком» и так далее. Поэт громкогласно процитировал самого себя:

«Ненавижу всяческую мертвечину –
Обожаю всяческую жизнь!»

Расстались за полночь, но, как пишет Н. Смирнов-Сокольский, ему с Маяковским было по пути, и Владимир Владимирович предупредил его, что идет к нему в гостиницу.

– Зачем, Владимир Владимирович? Четвертый час ночи!

– А вот, посмотрю, что за дрянь вы купили...

Зашли в номер. Альманахи и сборники были разложены у меня корешками вверх на огромном диване, на креслах, на полу.

Маяковский разделся, снял пиджак, выгрузив предварительно из карманов огромное количество папирос и вплотную подсел к книгам: – Не обращайтесь на меня внимания. Делайте свое дело!

Дела у меня не было никакого, и я вскоре просто заснул самым блаженным образом.

Утром, часов в 11, моим глазам представилась незабываемая картина. В комнате плавали облака табачного дыма. Порядок, в котором я уложил альманахи и сборники был полностью нарушен. Видно было, что их перелистали все до одного, а сидящий в той же позе Маяковский, набросав в пепельницу гору окурков, то что называется «добивал» последние альманахи...

Удивленный до крайности, я подсел к Владимиру Владимировичу и в ту же минуту имел удовольствие убедиться, что его знаменитое «Ненавижу всяческую мертвечину» – к старой русской книге, к ее творцам и создателям никакого отношения не имеет. Он не только уважал и любил старую книгу, но, что гораздо важнее, хорошо ее знал. Об имеющихся у меня альманахах он рассказал мне больше, чем знали многие специалисты.

Так, он тут же указал мне на весьма любопытную подробность, что в ряде альманахов, изданных после восстания декабристов (например, «Жасмин и роза» 1830 года), стихи казненного Рылеева, несмотря на строжайший запрет цензуры даже упоминать это имя в печати, неуклонно продолжали появляться за его полной подписью. Царская цензура явно «прошляпила», и имя огненного декабриста продолжало напоминать о себе в некоторых из этих маленьких, очаровательных, с ладонь величиной, книжках.

А ведь многие из альманахов с именем Рылеева, – сказал Маяковский, – выходили после декабрьских событий на правах «сборников песен для народа». Стоило бы на досуге разобраться – случайность ли это?..

Прощаясь, я шутливо спросил:

– А как же, Владимир Владимирович, ваши вчерашние «старьевщик» «шурум-бурумщик»?

– Маяковский ответил:

– Да ведь я же думал, что у вас, чертей-библиофилов, книги-то неразрезанные³.

Этот факт говорит о блестящей эрудиции Владимира Маяковского.

Отправляясь в лекционные поездки по городам Советского Союза, Владимир Владимирович часто брал с собой литературно-художественные журналы и тщательно изучал в них разделы поэзии и литературной критики.

Он выписывал большое количество журналов. На полках его книжного шкафа можно увидеть журналы: «Молодая гвардия» и «Октябрь», «Печать и революция», «Звезда», «На литературном посту», «Революция и культура» и др. Здесь же подборки журналов «Леф» и «Новый Леф», редактором которых он был.

Известно, как бережно относился Владимир Маяковский к молодым поэтам, как поддерживал их. Поэт радовался рождению каждого нового хорошего поэтического произведения. Не случайно в стихотворении «Послание пролетарским поэтам» Владимир Владимирович писал:

«А мне
в действительности
единственное надо –
чтоб больше поэтов
хороших
и разных»⁴.

Большое внимание он уделял поэтам из рабочей и крестьянской среды. Вот почему в его книжном шкафу были книжечки, изданные маленьким тиражом со стихами начинающих поэтов: это тоненький сборник стихов «За новую жизнь», изданный литкружком «Мотор» небольшим тиражом в г. Подольске, сборник «Песни селькоров» (тираж 3000 экз.), книга «Калиныч в песнях крестьянских поэтов» (изд. Вс. союз крестьянских писателей, М., 1925) и сборник «Ярче загорись» (песни селькоров), 1926.

Владимир Владимирович следил за развитием молодых дарований и в отдаленных уголках нашей страны. Он выписывал литературный журнал «Настоящее», издававшийся редакцией «Советская Сибирь» (на обложке журналов – лубянский адрес Владимира Маяковского).

Владимира Владимировича интересовали поэты не только Российской Федерации, он следил за развитием поэтических талантов и в национальных республиках.

Интересен и тот факт, что в библиотеке поэта помимо литературно-художественных журналов центральных издательств были литературные журна-

лы союзных республик: «Новая генерация» 1927 г. № 1 – журнал левой формации искусств, изданный на украинском языке, литературно-критический журнал «Расцвет» 1928 г. № 2 на белорусском языке с публикацией произведений П. Бровки и других белорусских поэтов, литературно-общественный журнал на латышском языке «Kreisa fronte» №№ 3–5 за 1928 г. Возможно, эти журналы были привезены им из поездок по городам Союза.

На одной из книжных полок – небольшой сборник «Поэты Грузии», изданный в Тифлисе в 1921 году. Вероятно, Владимир Маяковский часто обращался к нему, книга – с пожелтевшими зачитанными страничками. Как сказано в предисловии, это была «...первая попытка ознакомления русских поэтов и русской читающей публики с новой грузинской поэзией».⁵ Сюда вошли произведения наиболее ярких представителей грузинской поэзии: Тициана Табидзе, Галактиона Табидзе, Георгия Леонидзе и др.

Художественной литературы в библиотеке Владимира Маяковского не так много, но и по этим книгам можно судить о литературном вкусе Владимира Владимировича. Это: В.М. Гаршин – «Избранные рассказы», А.С. Грибоедов – «Горе от ума», Т.Н. Грановский – «Сочинения» и др. Известно, как Владимир Маяковский любил А.П. Чехова. По воспоминаниям современников, будучи в Крыму, поэт зачитывался письмами А.П. Чехова. Видимо, не случайно в библиотеке Владимира Владимировича появился пожелтевший от времени сборник товарищества «Знание» за 1904 год, посвященный памяти А.П. Чехова, куда вошли воспоминания С. Скитальца, И. Бунина, А. Куприна.

Владимир Маяковский следил за творческими успехами своих собратьев по перу. На книжных полках – книги Александра Жарова «Азиаты» (1925), Александра Фадеева «Разлив» (1924), Демьяна Бедного «Собрание сочинений», т. IV и др.

Здесь были новые произведения А.В. Луначарского: «Концерт» и две книжки наркома с надписями. На книге: «Искусство и революция» – «Поэту Маяковскому (знаменитому!) А. Луначарский» и на книге «Этюды» – «Владимиру Маяковскому от А. Луначарского».

Мы знаем, какое большое внимание уделял поэт работе над сатирическими пьесами и агитпьесами. Многие из них очень близки к русскому народному театру, уходящему своими корнями в далекое прошлое.

Достаточно вспомнить «Мистерию-Буфф», задуманную поэтом как народное театрализованное действие, эскизы костюмов к спектаклю созданы им самим. Как в этой пьесе, так и в его агитпьесах, осязательны традиции русского народного театра, а в эскизах костюмов и декораций явно ощущаются приемы и манера агитплаката из «Окон сатиры РОСТА», тяготеющие к русскому народному лубку.

Однако без знания народного русского искусства поэт не смог бы создать свои пьесы. Поэтому не случайно в книжном шкафу Владимира Маяковского мы видим книгу П. Богатырева «Народный театр», где детально анализируются репертуар русского народного театра, композиции пьес, костюмы, поэтические приемы и т. д. (эта книга была издана «Опоязом» в Берлине – Петербурге в 1923 г.).

На полках шкафа много журналов, освещающих жизнь кинематографа и театра. Рядом – книги по истории театра Н.В. Дризена – «Драматическая цензура двух эпох, 1825–1881», «Временник русского театрального общества» (1925) с большой статьей о В.Э. Мейерхольде.

Одной из центральных тем в творчестве Владимира Маяковского была тема героического прошлого нашей страны. Вот почему с большим энтузиазмом поэт в 1930 году по предложению Центрального управления госцирков написал текст для циркового представления на тему «1905 год», впоследствии получившего название «Москва горит». По поводу этого произведения поэт писал: «Я не изображаю Красную Пресню, – я даю общее представление о 1905 годе. Я хочу показать, как рабочий класс прошел через генеральную репетицию к сегодняшнему дню»⁶. Для того чтобы написать эту мелодию, В. Маяковскому необходимо было изучить исторический материал, познакомиться с произведениями поэтов и писателей, отразивших эти события до него в художественных произведениях. Так, в библиотеке Владимира Владимировича появляется объемистый сборник поэзии и прозы «1905 год в художественной литературе» (Госиздат, 1926 г.).

Наталья Брюханенко, работавшая в то время секретарем издания «Клубный репертуар», вспоминала: «Маяковского очень увлекало в цирке расширение постановочных возможностей по сравнению с театром. Редакцией «Клубного репертуара» Маяковскому было предложено приспособить «Москва горит» и для постановок в клубах»⁷.

Однако, без знания специфики клубного репертуара поэт не смог бы начать работу над мелодией. Вероятно, подготавливая текст «Москва горит» к изданию в журнале «Клубный репертуар», Владимир Владимирович ознакомился с книжкой В. Федотова «Клуб как он есть», стоящей на одной из полок шкафа, изданной в 1929 году, где подробно описывается специфика клубной работы и клубного репертуара, работа клубных работников среди молодежи и т. д.

Владимир Маяковский с энтузиазмом взялся за эту работу. «Значит, я должен добавить словесный материал и вылить воду? – спрашивал Маяковский», – пишет Наталья Брюханенко. Так, собственно, пьеса, как он назвал ее раньше, превратилась в «массовое действие с песнями и словами»⁸.

Процесс работы Владимира Владимировича над любым произведением был скрупулезным, он основательно углублялся в историю вопроса, досконально изучая материалы и документы. Такой кропотливой была работа над поэмой «Владимир Ильич Ленин». Поэт встречался с людьми, знавшими Владимира Ильича, снова перечитывал ленинские труды, мемуарную литературу о нем. Книги оказывали ему огромную помощь в работе.

В его личной библиотеке – 29 книг и брошюр о Ленине, эти книги самые разные. Помимо собрания сочинений В.И. Ленина – большое количество отдельно изданных ленинских работ. Здесь и воспоминания людей, близко знавших вождя: Н.К. Крупской «О Владимире Ильиче», П. Лепешинского «По соседству с Ильичем» и др., «Ленинский сборник», включающий материалы, охватывающие деятельность В.И. Ленина с 1914 по 1917 годы.

Маяковский изучает также лингвистические статьи и работы о языке В.И. Ленина. В его библиотеке появляется книга А. Финкеля «О языке и стиле В.И. Ленина», а также несколько экземпляров первого номера «Лефа» за 1924 год, в котором были опубликованы статьи известных ученых: В. Шкловского «Ленин как деканонизатор», Б. Эйхенбаума «Основные тенденции в речи Ленина», Ю. Тынянова «Словарь Ленина-полемиста», Б. Томашевского «Конструкция тезисов» и другие. Листая «Леф», обнаруживаем пометки поэта на полях статьи Л. Якубинского «О снижении высокого стиля у Ленина». Маяковский подчеркивает абзац, где говорится о том, что Владимир Ильич вел борьбу «с эмоционально-повышенным, высокостильным, пафосным, декламационным строем речи».

Рядом, на полях, рукой поэта простым карандашом сделана запись: «ломаться-декламация». Так под влиянием прочитанного рождается новая заготовка рифмы.

Известно, каким прекрасным критиком-полемистом был Владимир Маяковский, как много было им написано блестящих статей о поэзии и прозе, о драматургии и кино, об искусстве...

Но откликаясь своими статьями на современные злободневные вопросы, поэт не переставал обращаться к произведениям корифеев русской критики: В. Белинскому, Н. Добролюбову, Д. Писареву. Вот почему брошюры с их статьями стоят на книжной полке рядом со сборниками литературно-критических статей современников Владимира Маяковского. Поэт внимательно следил за развитием литературной критики. В его библиотеке много книг разных авторов, присланных ему на рецензию. Это книги: В. Полянского «Вопросы современной критики» (ГИЗ, 1927), Евгеньева-Максимова – «Очерки истории новейшей русской литературы» (М. – Л., ГИЗ, 1927), Георгия Горбачева – «Очерки современной русской литературы», где одна из глав была посвящена творчеству Владимира Маяковского. Вот один из сборников статей – «Голоса против» с подзаголовком «Критический альманах». Сюда вошли статьи Г. Горбачева, Г. Ефимова, Е. Мустанговой и др. Задача этого сборника, как утверждают авторы, указать на целый ряд болезненных явлений в нашей литературе и вскрыть причины этих явлений.

Перелистывая страницы сборника, видим корректорские пометки, сделанные черными чернилами рукой Владимира Владимировича.

Владимир Маяковский внимательно следил за новинками переводной литературы. Привлекают внимание две тонкие, брошюрочного типа, с аккуратно разрезанными листами книги – «Аванпост цивилизации» Джозефа Конрада и «Осман» Армина Вегнера.

Поэт проявлял большой интерес к французской литературе. Интересен и тот факт, что на вопрос одного из иностранных корреспондентов, сотрудничают ли иностранные писатели в русских издательствах, Владимир Маяковский первым называет фамилию Жоржа Дюамеля. На одной из полок его библиотеки книга Ж. Дюамеля «Отрешенные», изданная в 1925 году.

Маяковскому всегда импонировали люди деятельные, энергичные. Именно таким был французский писатель Жорж Дюамель. Хирург по профессии, он во время империалистической войны сделал раненым около 2000 операций. Впоследствии

он написал ряд книг, обвиняющих эту кровавую бойню. Являясь представителем комитета по амнистиям, он ездил по разным странам, боролся за облегчение судьбы борцов за лучшее будущее, томящихся в тюрьмах.

В 1927 году Ж. Дюамель приезжал в Москву, где читал лекции о французской литературе, вероятно, тогда Владимир Маяковский познакомился с ним. Сохранилась фотография, сделанная в Гостиме во время выступления Жоржа Дюамеля.

На книжной полке В. Маяковского стояли книги стихов еще одного французского литератора – Люка Дюртена, с которым поэт познакомился в 1927 году в Москве во время его пребывания в СССР. На одной из книг Люка Дюртена, подаренных Владимиру Маяковскому, надпись: «Поэту Маяковскому, связанному в нашей памяти с будущим Москвы. Дружески. Люк Дюртен». На другой книге – надпись: «Тому, кто соединяет юмор, фантазию и лиризм. Маяковскому с сердечной дружбой. 8.V.27. Люк Дюртен».

Доклад Ж. Дюамеля в Государственном театре им. В. Мейерхольда (около кафедры – Маяковский). Москва. 1927 год.

Впоследствии, будучи в Париже, Владимир Маяковский снова встречается с Жоржем Дюамелем, Люком Дюртеном и другими французскими литераторами на обеде, устроенном в честь его приезда во Францию. В своих «Парижских очерках» Владимир Владимирович пишет: «Это наши символисты, но в «мировом масштабе»: к ним же отошла «залитературившаяся» часть Кларта. Во главе этой группы – Жюль Ромен, Дюамель и др.»⁹ Интересен и тот факт, что, будучи в Париже, Владимир Маяковский просит друзей записать в его записной книжке фамилии популярных во Франции поэтов и писателей. Здесь записаны фамилии Марселя Пруста, Кокто, Реймона Радиго. Под каждой фамилией на французском языке указаны их наиболее известные произведения. Через несколько страниц записан адрес и телефон Жана Кокто. Об этом писателе Владимир Владимирович рассказывает: «Кокто, бывший дадаист, поэт, прозаик, теоретик, пайщик «Эспри Нуво», критик, драмщик, самый остроумный парижанин, самый популярный...»¹⁰

Большой интерес проявляет Владимир Маяковский к французскому кинематографу. В письмах домой в 1928 году он пишет, что каждый день ходит в кино. Известно, что в Париже поэт работал над киносценарием «Идеал и одеяло» и вел переговоры с режиссером Рене Клером о совместной работе.

Интерес к французскому кинематографу был неслучаен, ведь Владимиром Маяковским было написано 13 киносценариев...

В его библиотеке книга Жюль Ромена «Доногоо-Тонка или Чудеса науки», которая не могла не заинтересовать поэта. Эта книга по своему построению и сюжету напоминала киносценарий. Возможно, этим она и привлекала внимание Владимира Владимировича.

Некоторые книги в библиотеке Владимира Маяковского свидетельствуют о его эрудиции и разносторонности интересов. Так, на одной из полок стоит книга К.А. Тимирязева «Основные черты истории развития биологии в XIX столетии».

Большой интерес представляет книга немецкого общественного деятеля и публициста, выдающегося специалиста в области электрохимии Вальтера Ратенау «Механизация жизни», изданная на русском языке в 1923 году в Петербурге издательством «Атеней» и отпечатанная тиражом в 3000 экземпляров. В. Ратенау был одним из блестящих организаторов военной промышленности в Германии, а после 1918 года – один из руководителей немецкой иностранной политики, занимал пост министра иностранных дел. Эта книга – одна из наиболее популярных работ В. Ратенау, переведенная на все европейские языки, конечно же, не могла не привлечь внимание Владимира Владимировича.

Тоненькая, брошюрочного типа книжка с аккуратно разрезанными страничками заняла свое место на одной из книжных полок. В этой книге автор поднимает вопрос о необычайном росте потребностей масс, удовлетворение которых влечет за собой механизацию общественной жизни, искусства, промышленности, работающей на массового потребителя. Одна из основных мыслей автора заключается в том, что «такая бездушная механизация вызывает тоску об иной, более свободной жизни, не столь мертвенной и единообразной»¹¹.

Мысль о механизации жизни, высказанная немецким ученым, была близка Владимиру Маяковскому. В связи с этим интересна беседа поэта с американским писателем Теодором Драйзером, состоявшаяся в середине ноября 1927 года. Вероятно, разговор зашел о техническом прогрессе. Т. Драйзер писал о Маяковском в своей книге очерков: «Он безоговорочно приветствовал век машин и хотел, чтобы этот век наступил как можно скорее. Он считает, что это освободит энергию русских – интеллектуальную энергию – для лучших вещей. Что ж, может быть. У нас машинный век уже наступил, но я пока еще не вижу интеллектуального освобождения. В противовес некоторым он совершенно не боится, что его индивидуальность будет подавлена коммунистической пропагандой»¹².

К этой же проблеме обращается Владимир Маяковский в своей поэме «Летающий пролетарий», написанной в 1925 году. Она вся обращена в будущее, в XXX век, где механизация поставлена на службу человеку, но он не является ее рабом, он – хозяин вселенной, он покорил Космос, и перелеты на другие планеты для него стали явлением обыденным, привычным. Трудно представить себе, что все это было написано в то время, когда о полетах в космос говорили, как о фантастике. Тема космоса постоянно интересовала В. Маяковского. В одном из своих стихотворений поэт признается:

Если б я
 поэтом не был,
я бы
 стал бы
 звездочетом¹³.

В библиотеке Владимира Владимировича были две книги тогда еще мало кому известного калужского учителя К.Э. Циолковского: «Прошедшее земли» и «Общественная организация человечества», изданные маленьким тиражом – 2000 экземпляров. На обложке книг лаконичная надпись: «Склад изданий у автора». Адрес: Калуга, ул. Брута, 3. Издание автора. Калуга, 1928». Эти книги можно было получить лишь от автора, так как они не распространялись через торговую сеть. Трудно сказать, каким образом к Владимиру Маяковскому попали эти книги, а может быть, поэт лично был знаком с Циолковским?

Как известно в мае 1927 года в Москве открылась «Первая Всемирная выставка межпланетных аппаратов и механизмов», приуроченная к 70-летию со дня рождения К.Э. Циолковского. В этой выставке приняли участие зарубежные ученые исследователи, а также были представлены литература, фотографии и материалы для создания моделей и макетов ракеты и дирижабля К.Э. Циолковского, модели советских «пионеров космонавтики» А.Я. Федорова, Ф.А. Цандера и др.

Здесь же, на выставке, каждому посетителю вручали книги К.Э. Циолковского. Как вспоминали организаторы выставки, Владимир Маяковский дважды посещал экспозицию. После рассказа экскурсовода он, улыбнувшись, сказал: «Мы оба за будущее. Только есть между нами разница. Вы за изобретателей, я – за рабочий класс».¹⁴ Не случайно свою поэму о полетах на другие планеты он назвал «Летающий пролетарий». Он был поистине великим мечтателем. Может быть, появление книг К.Э. Циолковского в библиотеке В. Маяковского связано с этой выставкой?

Не только поэзия Владимира Маяковского, но и все его творчество было устремлено в будущее. В пьесе «Баня» одним из центральных персонажей является изобретатель Чудаков, создающий машину времени, которая должна перенести людей в век будущего. Как известно, Владимир Владимирович был увлечен теорией относительности Эйнштейна. В его библиотеке была небольшая брошюра с популярным изложением сущности теории относительности, написанная Эйнштейном. В фондах музея хранятся воспоминания Н.Ф. Рябовой, современницы Владимира Маяковского, в которых она рассказывает о том, как, будучи в гостях у поэта на Лубянке, они разговорились о литературе и на ее вопрос, что почитать, Владимир Владимирович взял с полки книгу Эйнштейна и подал ей.

В связи с этим интересно еще одно свидетельство.

Известный ученый Роман Якобсон вспоминал: «Весной 1920 года я вернулся в закупоренную блокадой Москву. Привез новые европейские книги, сведения о научной работе Запада. Маяковский заставил меня повторить несколько раз мой сбивчивый рассказ об общей теории относительности и о ширившейся вокруг

А может быть, это и не литературный заголовок, а подлинное прошение к химику ХХХ века?

И несется сквозь столетия голос Маяковского:

Воскреси
 хотя б за то,
 что я
 поэтом
 ждал тебя,
 откинул будничную чушь!
 Воскреси меня
 хотя б за это!
 Воскреси –
 свое дожить хочу.
 (т. 4, с. 184)

Тот же будущий институт человеческих воскрешений фигурирует в сатирической пьесе «Клоп» (сцена размораживания Присыпкина через пятьдесят лет).

Вероятно, под влиянием теории относительности А. Эйнштейна написаны сцены перенесения в век будущего в пьесе «Баня». На машине времени является фосфорическая женщина, которая уполномочена отобрать лучших для переброски в будущий век.

Интересен и тот факт, что Владимир Маяковский дает изобретателю машины времени в пьесе «Баня» фамилию Чудаков. Он сам объясняет это в одной из своих статей так: «Я выступал на съезде изобретателей и знаю, что изобретатель действительно прежде всего чудаковатый человек. Я знаю изобретателей как людей, занятых своей идеей...»¹⁶. (В сентябре 1929 года поэт принимал участие во Всесоюзном слете изобретателей.)

На одной из полок книжного шкафа – журнал «Изобретатель» № 10 за 1929 год, где на стр. 29 были опубликованы стихотворения поэта «Изобретательская семидневка» и «Апчар» (поэма об изобретательстве), вероятно, написанные под влиянием выступлений изобретателей на слете. Примечателен и еще один любопытный факт: в этом журнале на стр. 30 опубликована статья Ю. Милонова «Как вынашивать свое изобретение», где автор рассказывает, как рождались великие открытия и изобретения, как ученые обстоятельно описывали процессы своего творчества. Здесь высказывания Леонардо да Винчи, английского химика XVIII века Пристли, изобретателя Джеймса Уатта, немецкого ученого Г. Гельмгольца и др.

Увлекательно написанная статья не могла не заинтересовать Владимира Маяковского. Владимир Владимирович был человеком любознательным, и если его интересовали какие-то вопросы, он пытался их досконально изучить. Вот почему, вероятно, в его библиотеке появляется книга Ю. Милонова «История паровой машины», где подробно освещено изобретение парового насоса Томаса Сэвери и Томаса Ньюкомена, парового двигателя Джеймса Уатта и др.

Владимир Маяковский постоянно следил за развитием технического прогресса. Отправляясь в поездки по городам Советского Союза, он часто, как вспоминает П.И. Лавут, брал с собой технические журналы и внимательно прочитывал их.

Как-то на вопрос П.И. Лавута, все ли ему понятно в этих статьях, поэт ответил, что порой многие технические термины для него непонятны, однако, он считает для себя необходимым знакомиться с новинками науки и техники. Впоследствии эти знания пригодились Владимиру Маяковскому. Мы знаем, что во многих своих произведениях поэт обращался к новым открытиям ученых, к техническим вопросам; все это говорит о многогранности его интересов и эрудиции.

В 1928 году издательство «Вопросы труда» предложило В. Маяковскому принять участие в работе над плакатами по технике безопасности. Для этого ему необходимо было ознакомиться с условиями труда на предприятиях, вникнуть в сущность вопросов, о которых ему придется писать. Сотрудник института охраны труда Д.И. Рейтынбарг вспоминал, что заказы Маяковский всегда принимал сам – приезжал в музей и, если попадалась трудная тема, он не уходил до тех пор, пока не разбирался в ней до конца. Иногда приходилось вызывать для консультации специалиста-инженера...

Книги помогали Владимиру Владимировичу проникнуть в сущность того или иного вопроса.

На полках библиотеки Владимира Маяковского – целая серия книг по технике безопасности в горной промышленности, которые были выпущены издательством «Вопросы труда», и вероятно, присланы ему для работы.

Подготавливая тексты к плакатам, поэт был заинтересован в их обсуждении и всегда прислушивался к замечаниям.

Он постоянно следил за «пульсом» страны. Его день начинался с чтения газет и журналов, где он делал пометки, выписывал цифры и факты, которые необходимы были ему для работы. В его библиотеке – философские и общественно-экономические журналы: «Под знаменем марксизма», «Историк-марксист», «Мировое хозяйство и мировая политика», «На аграрном фронте» и др. На полках – книги: В. Куйбышев «5-летний план развития промышленности» (1929 г.), С.М. Сабсович «СССР через 15 лет» (1929 г.), «Стенограмма заседания народного комиссариата БССР по вопросу о 5-летнем перспективном плане народного хозяйства 1926/27–30/31 гг.». Поэт гордился успехами нашей страны, и как отклик на новые начинания передовых коллективов, как отклик на решения партии и правительства появились его стихи: «Урожайный марш», «Марш ударных бригад», «Марш 25 тысяч».

В одной из своих статей поэт дает такое объяснение созданной им в пьесе «Баня» машине времени: «Товарищи, то, что мы нашу пятилетку выполняем в четыре года, – это и есть своего рода машина времени. В четыре года делать пятилетку – это и есть задача времени... Это – машина темпа социалистического строительства»¹⁷. Почерпнутые из книг знания Владимир Владимирович применял в своей работе.

Создаваемые Александром Родченко и Владимиром Маяковским торговые рекламные плакаты, были рассчитаны не только на рабочий класс, но и на крестьян-

ские массы. Для этого Маяковскому необходимо было знать проблемы и запросы сельского жителя. По-видимому, в связи с этим и появляются в его рабочей библиотеке книги: М. Роги «По новой дороге» (из жизни кустарей), Я. Яковлев «Деревня как она есть», М. Вольф и М. Калманович «Батрачество и строительство совхозов» и небольшая брошюра М. Рубинчика «Технику в массы», где рассматривался вопрос внедрения техники в деревнях, о тяге крестьянства к техническим знаниям.

Мимо этой проблемы Владимир Маяковский тоже не мог пройти. Возможно, под влиянием этой брошюры он создает серию конфетных оберток «Наша индустрия», где в стихах агитирует за новую технику. Так рождаются стихи об автоплуге, грузовозе, тракторе, динамомашине. Вот как он характеризует ее:

Этою вот самую
машиною динамою
можно гору сдвинуть прочь,
горю нашему помочь¹⁸.

Стихи сопровождался рисунком динамомашин.

Поэт бережно относился к рифме. Сам он говорил, что его рифмы не найти ни в одном словаре рифм. Не случайно в одном из своих стихотворений поэт писал о тяжелом поэтическом труде:

Поэзия –
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды¹⁹.

Владимир Маяковский был великим реформатором русского языка. Им было создано много неологизмов.

О том, что Владимир Владимирович прекрасно знал русский язык, свидетельствуют воспоминания Николая Асеева. Он рассказывал, что Владимир Маяковский всегда защищал его, когда дело касалось поэтического творчества. В своих воспоминаниях он писал: «...защищал меня Владимир Владимирович, когда ругали меня за строку в стихотворении о Буденном, – было там что-то вроде «красного имени». В доказательство правильности ее Владимир Владимирович вытаскивал энциклопедию, разрыв даже какие-то летописи: «зачерпнем синего Дону».

Была у него всегда большая увлеченность в полемике, огромная темпераментность, быстрота реакции²⁰.

Вот почему совершенно не случаен в его библиотеке 4-х томный «Словарь живого великорусского языка» Владимира Даля под редакцией У. Бодуэна де Кур-

тене (4-е дополненное издание, вышедшее в Санкт-Петербурге в 1914 году). Это были большие фолианты с золотым тиснением на корешках. Как вспоминала Наталья Брюханенко, возможно, это издание помог приобрести Алексей Крученых.

Знакомая Владимира Маяковского Рита Райт, впоследствии известная переводчица, учила его немецкому языку. Как вспоминали современники, поэт мог общаться на немецком языке на бытовом уровне. Одним из его любимых немецких поэтов был Генрих Гейне. Эльза Триоле вспоминала, как в 1922 году в Берлине Владимир Маяковский носил с собой маленькую книжку, не больше записной. Это были стихи Гейне. «...Володя Гейне очень любил, – писала Э. Триоле, – и книжечка жила у него в кармане, вынет и читает, с зычным акцентом»²¹.

К сожалению, эта книжка не сохранилась. Но в лубянской библиотеке Владимира Владимировича была другая книга Г. Гейне – «Диспут», большого формата (изд. «Безбожник», М. 1923 г.) с прекрасными иллюстрациями художника Д.С. Моора.

Собираясь в очередную командировку, поэт тщательно готовился к каждой зарубежной поездке.

На одной из полок – учебники немецкого и французского языка, рядом – два русско-французских словаря. Как известно, поэт не владел иностранными языками. Однако в одной из анкет перед поездкой за границу в графе «Какими языками владеете» Владимир Владимирович указывает французский, возможно потому, что любил этот мелодичный язык.

Владимир Владимирович из-за границы привозил большое количество книг на иностранных языках.

Вероника Полонская вспоминала: «Дома у себя – на Лубянке – он показывал мне свои книги. Помню, в этой комнате стоял шкаф, наполненный переводами стихов Маяковского почти на все языки мира. Он показал мне эти книги»²².

Действительно, на полках – антологии русской и советской поэзии и прозы на немецком и английском языках, где были опубликованы произведения поэта, его книги, изданные за рубежом, а также маленькие книжки нью-йоркского издательства «Ньюс Уорлд Пресс» (1925 г.): «Мое открытие Америки» и «Необычайное приключение» с рисунками Д. Бурлюка и др.

Здесь же каталоги выставок, проспекты, журналы. Один из них – «Русские художники в Америке», где были опубликованы статьи о Н.К. Рерихе, С. Судейкине, С.А. Сорине, С.Т. Коненкове и других русских художниках.

В этом шкафу было много монографий и альбомов с репродукциями зарубежных художников. С каждой книгой были связаны воспоминания об увиденном. Все это впоследствии находило отражение в произведениях Владимира Маяковского.

Скромная рабочая библиотека поэта... У каждой книги своя большая судьба, тесно связанная с судьбой поэта. Порой под влиянием прочитанного рождались новые строки, новые образы. Книги были его настоящими друзьями, с которыми он в «комнатенке-лодочке проплыл три тыщи дней».

ово тов. Маяковский
двигат. № 77/1375, пр
другому лицу с разр
свидетельство может

МАЯКОВСКИЙ «ОТ КУТЮР»

Казначей

(подпись)

Имидж любого известного человека складывается из многих составляющих. Это: его квартира и ее интерьер, вещи, которые повседневно окружают в быту, это его круг чтения, то, как человек проводит свой досуг, его автомобиль, какую одежду он носит и т. д.

Сегодня, как и тогда, в 1920-е годы, некоторые критики обвиняют Владимира Маяковского в том, что в те тяжелые для страны голодные годы он мог позволить себе ходить в модных добротных вещах, что, уезжая в командировки за границу, покупал себе дорогую обувь (которой у него никогда в юности не было).

Это было продиктовано не желанием выделиться среди окружающих, а стремлением бороться за новый быт, за умение одеваться, не переступая грани, когда в погоне за модой теряют чувство меры. Современники подчеркивали, что В. Маяковский никогда не надевал кричащих вещей. У него всегда было чувство меры, продиктованное безупречным вкусом. Он пропагандировал культуру одежды не только в своих стихах, но и с эстрады. Поэт мечтал видеть всех людей красивыми, как и его любимый писатель А.П. Чехов. Он хотел, чтобы в человеке все было гармонично: и душа, и одежда, и мысли.

Еще с юношеских лет Владимир Маяковский, как сказали бы сейчас: «работал над своим имиджем». Даже та нужда, которая выпала на долю молодого поэта в юности, переносилась им с легкостью. Корней Чуковский в своих воспоминаниях подчеркивал эту черту характера Владимира Владимировича: «Мало кому известно, что Маяковский в те годы чрезвычайно нуждался. Это была веселая нужда, переносимая с гордой осанкой миллионера и «фата». В его комнате единственной, так сказать, мебелью был гвоздь, на котором висела его желтая кофта, и тут же приютился цилиндр. Не было даже стола, в котором, впрочем, он в ту пору не чувствовал надобности. Обедал он едва ли ежедневно...»¹

После смерти Владимира Константиновича, отца Владимира Маяковского, семья нуждалась. Володя одет был очень бедно. По воспоминаниям современников, у него была одна рубашка, которую мать, Александра Алексеевна, вечером стирала, а утром гладила. Было несколько потрепанных блуз, которые Маяковский менял. Как любой юноша в его возрасте, он хотел хоть как-то обратить на себя внимание окружающих. Этим объясняются его странные, порой нелепые одеяния тех лет.

Перед нами фото 17-летнего Владимира Маяковского, ученика Училища живописи, ваяния и зодчества. Сосредоточенный взгляд из-под хмурых бровей, в руках театральным жестом зажата сигарета. На нем свободного покроя блуза, пере-

*Я сошью себе черные штаны
из бархата голоса моего.
Желтую кофту из трех аршин заката.
По Невскому мира, по лощеным полосам его,
профланирую шагом Дон-Жуана и фата!*

В. Маяковский

В. Маяковский – ученик Строгановского училища. Москва. 1910 год. ГММ.

Испытанный способ – украшаться галстуком. Нет денег. Взял у сестры кусок желтой ленты. Обвязался. Фурор. Значит, самое заметное и красивое в человеке – галстук»².

В этих словах горькая ирония и вместе с тем суровая правда. Действительно, чтобы как-то украсить свой скромный костюм, идя на какой-то вечер, Владимир Владимирович взял у сестры Ольги кусок желтой ленты и повязал в виде банта. Так и запечатлен поэт на этой фотографии.

А однажды он попросил Ольгу сделать ему галстук в виде кашне из черных и желтых квадратов, расположенных в шахматном порядке. Купили черный и желтый атлас, и Ольга сшила красивое кашне-галстук с переливающимися цветными квадратами. Это кашне хранится в фондах музея и сегодня выглядит очень стильно.

Такие импровизированные «галстуки» часто скрывали потертые места на сатиновых блузах, которые носил В. Маяковский.

Сохранилась еще одна фотография того же периода, где Владимир Владимирович запечатлен в широкополой шляпе, в накидке-крылатке.

поясанная шелковым шнуром, вместо галстука повязан бант. Волосы как будто специально взлохмачены, что придает его «прическе» небрежность.

В этом пареньке столько юношеской бравяды! Он как бы всем своим внешним видом хочет показать, что он причастен к художественной богеме. На замечания товарищей, которые советуют ему причесаться, отвечает, что на время причесываться не стоит труда, а вечно причесанным быть невозможно.

В то время у Владимира Маяковского было собственное мнение о понятиях красоты и приличия, не всегда совпадающее с авторитетными мнениями.

В автобиографических очерках Владимира Владимировича есть такая запись, относящаяся к этому периоду: «Костюмов у меня не было никогда. Были две блузы – гнуснейшего вида.

Шарф, сшитый сестрой Ольгой по просьбе В. Маяковского. Публикуется впервые. ГММ.

Под накидкой та же блуза с желтым шелковым бантом. Знакомая поэта И. Хвас вспоминала: «Маяковский в старомодной пелерине, широкополой фетровой шляпе, выцветшей, черно-зеленого цвета, с небрежно повязанным бантом-галстуком... – одним словом, ни дать ни взять – иллюстрация к роману из жизни парижской богемы»³.

Молодому юноше был присущ своеобразный эпатаж, стремление выделиться среди окружающей его толпы. Он, сильный, красивый, желающий перекроить мир, бросит вскоре вызов этой толпе:

Невероятно себя нарядив,
пойду по земле,
чтоб нравился и жегся,
а впереди
на цепочке Наполеона поведу, как мопса⁴.

Маяковский в период пребывания в Училище живописи, ваяния и зодчества. Москва 1911 год. ГММ.

В Училище живописи, ваяния и зодчества (ВХУТЕМАС) Владимир Маяковский познакомился с Давидом Бурлюком, ставшим впоследствии «отцом русского футуризма». Этой дружбой Владимир Владимирович очень дорожил и до конца своей жизни поддерживал связь с Д. Бурлюком. Не случайно в своем автобиографическом очерке «Я сам» поэт напишет: «Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель Бурлюк сделал меня поэтом. Читал мне французов и немцев. Всовывал книги. Ходил и говорил без конца. Не отпускал ни на шаг. Выдавал ежедневно 50 копеек. Чтоб писать не голодая.

На Рождество завез к себе в Новую Маячку...»⁵.

Д. Бурлюк всегда относился к Владимиру Маяковскому с заботой и любовью. Понимая бедственное положение семьи Маяковских, он старался ненавязчиво помочь своему другу. В то время у Маяковского не было даже теплого пальто.

М.Н. Бурлюк вспоминала: «Володя Маяковский и во вторую осень нашего

знакомства был опять плохо одет. А между тем начались холода. Увидев Маяковского без пальто, Бурлюк в конце сентября 1912 года в той же Романовке в темноте осенней, перешагнувшей за полночь, на Маяковского, собиравшегося уже шагать домой (на свою Большую Пресню), надел зимнее ватное пальто своего отца. – Гляди, в пору... – Оправляя по бокам, обошел кругом Маяковского и застегнул заботливо и крючок у ворота, и все пуговицы... – Ты прости за мохнатые петли, но зато тепло и в грудь не будет дуть...»⁶.

На фото 1913 года после появления альманаха «Пощечина общественному вкусу» Владимир Маяковский запечатлен в группе с друзьями братьями Бурлюками, В. Хлебниковым, Г. Кузьминым и С. Долинским. Своим внешним видом он выделялся среди присутствующих. На нем: пальто, широкополая шляпа, надвинутая на брови, а для солидности он отпустил также усики и маленькую бородку. Возможно, на нем надето то самое пальто, подаренное Давидом Бурлюком.

В семье Владимира Маяковского бережно хранили все, что было связано с Владимиром Владимировичем. По завещанию старшей сестры поэта Людмилы Владимировны в музей была передана и эта широкая желтая лента, некогда украшавшая «скромный наряд» В. Маяковского, потертая от постоянной носки, и кусочек полосатой бумазеи от знаменитой желтой кофты.

Желтая кофта Маяковского! Сколько статей было написано о ней критиками тех лет, сколько создано легенд!

Тем не менее история ее проста и забавна. Как вспоминали родные поэта, желтый цвет был любим в семье Маяковских, он напоминал им солнечную Грузию. Почти у каждого члена семьи были какие-нибудь вещи желтого цвета. Кстати, может быть и не случайно, комната Владимира Маяковского на Красной Пресне была оклеена обоями желтого цвета. Может быть, также не случайно родилась и эта желтая кофта. Помните, в одном стихотворении Владимира Владимировича есть такие строки:

Я сошью себе черные штаны
из бархата голоса моего.
Желтую кофту из трех аршин заката.

Верхний ряд, слева направо: Н. Бурлюк, Д. Бурлюк, В. Маяковский. Внизу, слева направо: В. Хлебников, Г. Кузьмин, С. Долинский. Москва. 1913 год. ГММ.

По Невскому мира, по лошеным полосам его,
профланирую шагом Дон-Жуана и фата!⁷

Шел 1913 год. Должно было состояться одно из первых публичных выступлений Владимира Маяковского в Политехническом музее. Поскольку семья Маяковских жила бедно и, как вспоминал Василий Каменский, у Владимира Владимировича не было даже пиджака, решено было сшить ему желтую кофту для выступления. Во-первых, это было протестом против существующих правил появляться перед публикой во фраках и сюртуках, во-вторых, это был вызов, своего рода эпатирование буржуазной публики. В-третьих, дешево стоило, и желтый цвет был любимым цветом Маяковского.

Бенедикт Лившиц в своих воспоминаниях писал: «Решив, что наряд его примелькался, он потащил меня по мануфактурным магазинам, в которых изумительные приказчики вываливали нам на прилавок все самое яркое из лежавшего на полках. Владимира Маяковского ничего не удовлетворяло. После долгих поисков он набрел у Цинделя на черно-желтую полосатую ткань неизвестного назначения и на ней остановил свой выбор»⁸. Это была тонкая бумазея с рисунком: чередующимися между собой широкими полосами черного и желтого цветов.

Владимир Владимирович принес бумазею матери и попросил ее сшить ему кофту, мотивируя свою просьбу таким образом: «Я ведь не могу пойти в своей черной блузе! Меня швейцары не пустят. А этой кофтой заинтересуются, опешат и пропустят. Мне обязательно нужно выступить сегодня!»⁹.

Александра Алексеевна сшила кофту, удовлетворив просьбу сына.

В своем автобиографическом очерке «Я сам» поэт писал о желтой кофте: «Очевидно увеличишь галстук, увеличится фурор. А так как размеры галстуков ограничены, я пошел на хитрость: сделал галстукую рубашку и рубашковый галстук. Впечатление неотразимое»¹⁰.

(Действительно, впоследствии, поэт украсил полосатую желтую кофту черным бантом, вот и получилась «галстуксовая рубашка и рубашковый галстук»...).

Популярность кофты возрастала с каждым днем. Владимир Маяковский выступал в ней во многих городах России. Желтая кофта создала поэту настолько скандальную славу, что московская полиция запретила ему выступать в ней на вечерах. Об одном таком вечере Корней Чуковский вспоминал, что у входа в Политехнический музей «стоял пристав и впускал Маяковского только тогда, когда убеждался, что на нем был пиджак. А кофта, завернутая в газету, была у меня под мышкой. На лестнице я отдал ее Владимиру Владимировичу, он тайком облачился в нее»¹¹.

Желтая кофта была предметом постоянных нападок газетчиков. Чего только не писали о ней, как только не называли, изощряясь в сравнениях. Когда Владимир Маяковский приехал в Тифлис, в газете «Кавказ» за 29 марта 1913 года один из журналистов написал: «... отставной якобы коллежский асессор Владимир Маяковский набросил на себя желтого цвета распашонку кухарки». Кстати, в одной из статей был даже описан фасон желтой кофты. Так, харьковская

Группа футуристов. Слева направо: А. Крученых, Д. Бурлюк, В. Маяковский, Б. Лившиц, сзади – Н. Бурлюк. 1914 год. ГММ.

И. Северянин и А. Крученых очень сильное и приятное. В. Маяковский был в желтой блузе с бантом. Костюм этот мне очень понравился. У В. Маяковского огромный убедительный голос, он высок, строен, прямо элегантен. Вообще, он произвел на меня прекрасное впечатление. Общее мое мнение о Крученых, о Маяковском и Кульбине самое приятное – это талантливая, умная и серьезная публика.

Как бы там ни было, но интерес к футуристам огромный, публика идет не только из-за скандала, публика изголодалась, публика ждет новизны... Костюм этот (желтая кофта) положительно элегантен, гораздо лучше подлого

газета «Утро» 16 декабря 1913 года, сообщая о выступлении футуристов, писала: «В половине девятого вечера появились на эстраде лекторы... У каждого в петлице странные длинные цветы. Привлекала внимание публики и знаменитая желтая кофта Маяковского. Желтая кофта оказалась обыкновенной блузой без пояса, типа парижских рабочих блуз, с отложным воротником и галстуком. На красивом, смуглом и высоком юноше блуза производила очень приятное впечатление». А вот еще одно свидетельство современника поэта.

Сохранилась дневниковая запись начинающего литератора И. Евдокимова, датированная 30 ноября 1913 г., сделанная под впечатлением выступления футуристов и особенно В. Маяковского: «Впечатление на меня произвели В. Маяковский,

пиджака. И плохо делают футуристы, что не ходят в нем постоянно – это был бы символ их группы»¹².

Действительно, именно с костюма началась публичная известность футуристов. Их костюм воспринимался как пощечина общественному вкусу, а желтая кофта Владимира Маяковского, украшенная черным бантом, словно шарж, ассоциировалась с обликом Александра Блока. Вместо цветка в петлице, как у денди, футуристы использовали пучки редиски, морковку, деревянные ложки; а цилиндр, атрибут денди, еще больше усиливал эту карикатурность. Желтый цвет давал повод газетчикам на тему «желтого дома», а для футуристов этот цвет стал цветом авангарда. (Желтые блузы носили Д. Бурлюк, В. Шершеневич, желтые нашивки были на пиджаке В. Каменского). Футуристический костюм был формой саморекламы. Не случайно свой сборник стихов той поры Владимир Владимирович хотел назвать «Кофта фата».

Публика не пыталась понять заумные творения Алексея Крученых или Василия Каменского. Более всего ее поражали эпатажные прогулки футуристов по улицам города, шокировавшие благовоспитанных горожан. Вот как описывала необычное шествие газета «Утро» (Харьков) 1913 г. 14 декабря: «Вчера на Сумской улице творилось нечто сверхъестественное: громадная толпа запрудила улицу. Что случилось? Пожар? Нет. Это среди гуляющей публики появились вожди футуризма – Бурлюк, Каменский, Маяковский. Все трое в цилиндрах, из-под пальто видны желтые кофты, в петлицах воткнуты пучки редиски... Какая-то экспансивная девица поднесла футуристам букет красных роз...».

Как известно из воспоминаний современников, Владимир Маяковский мог выглядеть и франтом. Он брал напрокат смокинг, цилиндр и трость из дешевого магазина на Сretenке, когда ему это было необходимо.

Поэт знал, когда и как ему одеваться. Совершенно другим увидела его петроградская актриса Ийя Ильешенко, игравшая «Незнакомку» А. Блока. Она вспоминала: «...Однажды позвонил мне по телефону [Маяковский] и пригласил на поэтический вечер. Я долго не соглашаюсь: «Не хочу, если вы в желтой кофте!». Но он ответил: «Я знаю, как надо заезжать за дамами», – и повесил трубку. Вечером приходит совсем незнакомый – причесанный, в смокинге. Я не смогла скрыть удивления: «Володя, вы ли это?». Выходим на улицу, а у крыльца – рысак под сетью. Потом, уже в зале, мы шли по проходу к своим местам, а публика шептала: «Маяковский с Незнакомкой!». Хорошо помню и прыжок Маяковского на сцену, когда объявили его выступление, и смех в зале...Я его тогда спрашивала: «Почему футуристы себя так ведут? Красками лица разрисовывают, и эта ваша морковка в петлице..», а он отвечал: «Вы думаете легко читать стихи, когда тебя осмеивают? Так вот, это тренировка...»¹³.

Желтая кофта действительно эпатировала буржуазную публику. Зато сам поэт позднее в поэме «Облако в штанах» признается:

Хорошо, когда в желтую кофту
душа от осмотров укутана!¹⁴

В ноябре 1914 года Владимир Маяковский опубликовал в газете «Новь» обращение к читающей публике: «Довольно! В прошлом году вам нужна была желтая кофта (именно вам, а не мне), нужна была вспыльчивость, где дребезгами эстрадного графина утверждаешь правоту поэтической мысли...

Правда, у нас было много трюков только для того, чтобы эпатировать буржуа. Но ведь это ж только противодействие желанию истребить нас, а значит и все молодое... Теперь мы ежедневно будем показывать вам, что под желтыми кофтами гаеров были тела здоровых, нужных вам, как бойцы, силачей»¹³.

В фондах музея хранится небольшой кусок черно-желтой полосатой бумаги. Все, что осталось от «желтой кофты» Владимира Маяковского. К сожалению, сама кофта не сохранилась. В конце 1914 года Владимир Владимирович собрался ехать в Петроград. Как вспоминала Людмила Маяковская, денег на дорогу не было, Володя пригласил старьевщика и отдал ему старые вещи, среди них была и желтая кофта. Сестра поэта, смеясь, впоследствии справедливо заметила, что кофта обошлась всего в 1 руб. 20 коп., но сколько же на ней заработали газетчики...

Но легенды о «желтой кофте» слагаются и сегодня. В журнале «Журналист» №12 1993 г. была опубликована статья В. Скорятина об обстоятельствах гибели Владимира Маяковского – «Сретенка, Малый Головин, 12». Среди иллюстраций к ней был помещен рисунок Д.Д. Бурлюка с пояснительным текстом: «Малоизвестный рисунок Д. Бурлюка, сделанный им после встречи с поэтом в Америке в 1925 году. Полпред советской поэзии... в арестантской робе?!». Действительно, поэт был изображен в полосатой одежде, напоминающей арестантскую робу. У читателя, не очень осведомленного в биографии Владимира Владимировича и подстегнутого усиленным утверждением автора статьи, могло сложиться впечатление, будто Давид Бурлюк действительно предвидел в Владимире Маяковском будущего заключенного. Между тем это впечатление не соответствует фактам...

Подлинник рисунка Д. Бурлюка и несколько его вариантов находятся в коллекции тамбовского коллекционера Н. Никифорова. Портрет Маяковского на фоне Кремля был сделан, как верно сказано в «Журналисте», «после встречи с поэтом в Америке в 1925 году». Возможно, Владимир Владимирович видел этот рисунок, так как он был впервые опубликован Давидом Бурлюком в газете «Нью Йорк Таймс» 11 октября 1925 года в период пребывания Владимира Маяковского в Америке. В 1930 году, чуть изменив задний план, Д. Бурлюк снова публикует рисунок в газете «Русский голос» вместе со своей статьей «Пожар сердца Владимира Владимировича Маяковского окончился». В этой статье есть фраза: «Он (В. Маяковский) взирал на мир из своей «кофты фата» с гордой демонической улыбкой горечи и пре-

*Кусочек ткани от желтой кофты
В. Маяковского. Публикуется впервые. ГММ.*

В. Маяковский. Рисунок Д. Бурлюка. 1925 год.
Из коллекции Н. Никифорова.

заработанных денег. Он находился в прекрасном настроении и со свойственной ему щедростью одарил нас подарками. Меня не было дома. Он взял с собой в магазин сестру. Сестра выбирала необходимые ей вещи, маме Володя подарил чайный сервиз, мне – красивый письменный прибор. Кроме того, Володя принес целую гору всевозможных сладостей, всем по вкусу. Это был настоящий праздник. Нам было приятно, что Володя стал зарабатывать»¹⁶. (Письменный прибор сегодня можно увидеть в экспозиции музея).

Владимир Владимирович никогда не забывал о подарках для своих родных. Где бы он ни был, всегда маме и сестрам были заготовлены подарки.

К футуристическому турне поэт готовился тщательно. Как вспоминал Д. Бурлюк: «Маяковский оделся с иголочки. Он привел себя в порядок для выступлений

зрения. Таким он изображен мной на прилагаемом здесь портрете». Кстати, в «Журналисте» рисунок чуть срезан, и за кадром, внизу, осталась книга в руках поэта с названием «Futurism». Какие еще нужны доказательства тому, что в замысле Бурлюка и намек не было на «арестантскую робу»?

В свое время о «желтой кофте» ходило немало легенд. Похоже, на наших глазах может родиться еще одна. А толчок к этому – фраза под иллюстрацией, явно продиктованная на «злобу дня».

В конце декабря 1913 года Владимир Маяковский вместе со своими друзьями Давидом Бурлюком и Василием Каменским отправились с выступлениями по городам России.

Л.В. Маяковская вспоминала: «Накануне отъезда брат, очевидно, получил какую-то сумму

в провинции. Заказал трость с набалдашником; хотя и на короткое время, он мог забыть нужду, забыть проклятый вопрос каждодня»¹⁷.

В феврале 1914 года Владимир Маяковский, Давид Бурлюк и Василий Каменский приехали в Казань. Решено было сфотографироваться в лучшем фотоателье — сделать рекламные фотографии. Наметанный глаз фотографа сразу определил в своих клиентах артистов: — Прежде всего нужна эффектная поза. В ней залог вашего успеха в жизни и на сцене. Ни одна женщина в мире не пройдет мимо вашего портрета моей работы.

Маяковский надел цилиндр и перчатки. Одну руку засунул в карман, а другую, в лайковой перчатке, обвил шнурком стека, зажав между пальцами элегантною жестом длинную тонкую папиросу.

Фотографии получились на славу. На фото была подпись: «Футурист Владимир Маяковский». Позируя фотографу, Владимир Маяковский как бы сам любит себя. Он, как актер перед выходом на сцену, проигрывает свою роль.

Вспоминаются строки поэта:

У меня в душе ни одного седого волоса,
и старческой нежности нет в ней!
Мир огромив мощью голоса,
иду — красивый,
двадцатидвухлетний¹⁸.

В. Маяковский. Казань. 1914 год. ГММ.

В. Маяковский. Казань. 1914 год. ГММ.

поэт был в розовом муаровом смокинге с черными атласными отворотами, жилет из плотного красного атласа с темнокрасными бархатными цветами.

В одном из писем к сестре Людмиле поэт действительно писал, что сшил себе смокинг из розового муара, и в письмо был вложен кусочек ткани розового цвета. Так что теперь мы имеем представление об этом костюме. А история этой фотографии довольно интересна.

Находясь в Казани, Владимир Маяковский, Давид Бурлюк и Василий Каменский жили в одном гостиничном номере. К ним пришел один из почитателей, у него был фотоаппарат и он предложил всем сфотографироваться. Фоном фотограф выбрал ширму, находящуюся тут же в номере. К ней подходили по очереди. Когда настала очередь Владимира Маяковского, он стал в непринужденную позу, положив руки в карманы. Во рту торчали две сложенные сигареты. Он был одет, очевидно, в белую рубашку с галстуком. Сверху надет тот самый жилет с красными цветами и розовый муаровый смокинг с атласными черными отворотами.

Когда настала очередь Василия Каменского, он бросился к зеркалу и нарисовал на лбу фигурку скачущей лошади, а на щеке Давида Бурлюка появилась нарисованная пунктиром собачка с поднятым хвостом.

Не случайно он однажды одной из поклонниц подпишет эту фотографию: «...от жгучего красавца Маяковского».

Действительно, это был один из лучших снимков поэта. С фотографии смотрел жгучий красавец...

Но история сохранила для нас еще одну фотографию той поры.

Футуристический период поэта был характерен постоянным поиском своего имиджа. Владимир Владимирович чего только ни придумывал! Во время футуристического турне он носил бархатный, малинового цвета жилет, сделал себе огромного размера визитные карточки. Носил пиджак из блестящей ткани, таким он и изображен на одной из фотографий. Сохранилась фотография, на которой Владимир Маяковский запечатлен в розовом фраке и малиновом жилете. К сожалению, фото черно-белое, но благодаря воспоминаниям современников мы можем уточнить цветовую гамму костюма. В своих воспоминаниях И. Хвас утверждает, что

Д. Бурлюк и В. Маяковский (фрагмент фотографии). Москва. 1915 год. ГММ.

Что касается моды на раскраску лица, то она также пошла от футуристов, ее родоначальником стал лидер лучистов – художник Михаил Ларионов. В 1913 году он провозгласил в московских газетах о своем решении «популяризировать лучистую раскраску лица». («Аноним. Раскрашенный Ларионов». // Московская газета. 1913. 9 сентября).

В этом же году Михаил Ларионов и Илья Зданевич опубликовали в №12 журнала «Аргус» футуристический манифест «Почему мы раскрашиваемся». Весной 1914 года Петербург познакомился с футуристической модой, так как в кабаре «Бродячая собака» И. Зданевич прочел доклад «Раскраска лица», а затем последовали прогулки футуристов по Москве и Петрограду с раскрашенными лицами. Все это вызвало широкое распространение новой моды. Сами футуристы утверждали, что их грим не преследовал цели румянить черты лица. «Мы раскрашиваемся, потому что чистое лицо противно», – писали они в своем манифесте. По их мнению, чистую поверхность лица необходимо декорировать. Рисунки на лицах футуристов порой напоминали раскраску и татуировку первобытных народов, наносивших на свое тело символические орнаменты. С раскрашенными лицами ходили В.В. Маяковский, Д.Д. Бурлюк, В.В. Каменский, А.Е. Крученых и другие. Поэт Василий Каменский часто на лице изображал

аэроплан, вероятно, желая подчеркнуть свою причастность к авиации (как известно, он был одним из первых русских авиаторов и владелец собственного аэроплана).

Как вспоминали современники, после футуристической поездки костюм Владимира Маяковского стал другим. Вновь обратимся к воспоминаниям Иды Хвас: «До сих пор он был одет более чем скромно. Правда, и блуза, и галстук были всегда чисты, и в кармане блузы был всегда пузырек с одеколоном. После поездки в Казань, кажется в 1913 году, где он читал доклад о футуризме и заработал порядочно денег, костюм Маяковского стал другим.

Как-то прихожу домой. Взволнованная горничная Настя, захлебываясь, рассказывает: – Что было! Приходил Владимир Владимирович в новом пальто, в блестящей высокой шляпе, в красном пиджаке, в перчатках кожаных, оставил вот это, сказал, что вечером опять придет. Я не поверила. Но вещественное доказательство – визитная карточка (!), длинный, прозрачный, изысканный картон с длинными желтыми буквами, заставил меня поверить словам Насти. Вечером является: новехонькое английское пальто с черным бархатным воротником. Розовый муаровый смокинг с черными атласными отворотами, жилет из плотного красного атласа с темно-красными бархатными цветами, цилиндр, лайковые перчатки, палка с дорогим набалдашником и всякие «предметы роскоши» вроде портсигара, бумажника и прочего.

Впечатление от нового туалета Маяковского было потрясающее. Цилиндр впервые появился в нашем доме. До сих пор я видела его на витринах и на сцене, а тут вдруг в нашей скромной передней, рядом с измятыми студенческими фуражками и потрепанными фетрами художников.

Вся семья окружила Маяковского, осматривала как музейную редкость. Мама деловито оценивала добротность жилета – бархат от Сапожкова, – и новое оформление Маяковского было принято»¹⁹.

В связи с этим уместно вспомнить еще один эпизод той поры – так называемый «спор двух цилиндров». В Петербурге с 21 по 28 ноября 1913 года находился на гастролях популярный французский актер немого кино Макс Линдер. Он выступал в театре «Зон» в скетче собственного сочинения «Танго». Бенедикт Лившиц вспоминал: «Однообразная мимика, которую Линдеру никогда не удалось поднять до уровня маски, и конвульсивная жестикуляция, смешившая первых зрителей снематографа, будучи перенесены на подмостки, утрачивали последний смысл, а экранные трюки, от которых Линдер не нашел нужным отказаться и на сцене, разоблачаясь, превращались в убогую клоунаду»²⁰. Комментируя выступления Макса Линдера, Б. Лившиц далее пишет о том, что публика аплодировала не столько представлению, сколько «хлопала сногшибательного покрова фраку, цилиндру невиданного фасона, альпийской белизне гетр...»²¹. В это же время в Петербурге выступали В. Маяковский, Д. Бурлюк и В. Каменский, эпатируя публику своим внешним видом. В отличие от привычного сочетания «цилиндр-смокинг или фрак» футуристы носили цилиндр в шокирующем сочетании с одеждой совсем иного стиля. Особенно этим сочетанием выделялся В. Маяковский,

носивший цилиндр с полосатой желтой кофтой. Таким увидели его петербуржцы в «Бродячей собаке».

Сравнивая Макса Линдера с Владимиром Маяковским – парижский шик с бюджетным эпатажем, как писал Бенедикт Лившиц, «умопомрачительный фрак парижанина перечеркивала доморощенная полосатая кофта, и в поединке двух цилиндров – «цилиндра как такового» и цилиндра бюджетного – победил В. Маяковский».

2 декабря 1913 года состоялось первое представление трагедии «Владимир Маяковский» в театре «Луна-парк» в Петербурге.

Главную роль поэта исполнял сам Маяковский. Как вспоминали современники, Владимир Владимирович играл в собственной одежде и был, как всегда, красивый, величественный и самоуверенный. На нем было пальто горохового цвета и мягкая шляпа.

Пальто было куплено накануне. Это был новый облик Маяковского к которому он еще не успел привыкнуть. Вот каким увидел поэта Б. Лившиц, встретив его на одной из улиц Петербурга: «Маяковский был детски горд переменой в своей внешности, но явно еще не освоился ни с новыми вещами, ни с новой ролью, к которой обязывали его эти вещи.

Гороховое в искру пальто... и сверкающий цилиндр резко изменили его привычный облик. Особенно странное впечатление производили в сочетании с этим щегольским нарядом – голая шея и светло-оранжевая блуза...

В сущности все это было более чем скромно... и дешевый со слишком длинным ворсом цилиндр, и устарелого покроя, не в мерку узкое пальто, вероятно, приобретенное в третьеразрядном магазине готового платья, и жиденькая трость, и перчатки факельщика... Но Володе его наряд казался верхом дендизма – главным образом оранжевая кофта, которой он подчеркивал свою независимость от вульгарной моды»²².

В 1915 году поэт окончательно порвал со своим футуристическим прошлым. Распрощавшись со своими цветными футуристическими костюмами и с желтой кофтой, В. Маяковский устроил прощание и со своим цилиндром. На выставке «1915 год», которая

В. Маяковский. Москва. 1914 год.

открывалась 23 марта в Москве, экспонировался «Самопортрет» Владимира Маяковского. Он представлял собой разрезанный пополам цилиндр на фоне стены, раскрашенной черными полосами и с приклеенной к ней черной перчаткой. Этот контррельеф был прощанием поэта-футуриста В. Маяковского со своим гардеробом. К счастью, сохранился еще один цилиндр поэта, который в настоящее время находится в фондах Государственного центрального музея современной истории России. Он был бережно сохранен поэтом-футуристом А.И. Пучковым, от которого и поступил в музей. Возможно, он был куплен Владимиром Владимировичем перед футуристическим турне.

Цилиндр обтянут блестящей черной тканью, внутри, на подкладке, клеймо фирмы «Extra Quality Max Sharf firma Joesterreich St. Petersburg»... Сравним фото В. Маяковского, сделанное в Казани (в цилиндре и смокинге), и фото 1914 г., где поэт запечатлен в пальто, желтой полосатой кофте, выглядывающей из-под воротника пальто, и цилиндре. Форма цилиндра на второй фотографии абсолютно идентична цилиндру, хранящемуся в Государственном центральном музее современной истории России. Возможно, это тот самый цилиндр, который Владимир Владимирович носил с желтой кофтой. Цилиндр в сочетании с полосатой кофтой выглядел действительно вызывающе по отношению к фракам и смокингам.

Но с футуризмом покончено. Нет пестрых одежд, от которых шарахались прохожие, нет взлохмаченной черной шевелюры. Июль 1915 года...

Цилиндр В. Маяковского. Государственный центральный музей современной истории. Публикуется впервые.

И вновь обратимся к автобиографическому очерку «Я сам», в котором поэт пишет: «Знакомлюсь с Л.Ю. и О.М. Бриками»²³. Начался мучительный, трудный роман, длинный в жизнь. Любовь, ревность... все переплелось и отразилось во многих произведениях В. Маяковского. И вот перед нами фотография Лили Брик и Владимира Маяковского, сделанная в Петрограде в 1915 году.

Еще одна веха в жизни поэта. Облик Владимира Владимировича совершенно изменился. Позади футуристические шалости. С фотографии смотрит красивый юноша, одет с иголочки. Модное пальто и кепи, белоснежная рубашка и галстук-бабочка. Его взгляд – взгляд уверенного в себе человека. Начинается новая жизнь, полная неизвестности, борьбы и побед.

Л.Ю. Брик и В. Маяковский обменялись перстнями-печатками. На ее пер-

Л. Брик и В. Маяковский. Петроград. 1915 год. ГММ.

стие были выгравированы инициалы Л. Ю. Б. По кругу они читались как «люблю». На перстне В. Маяковского она заказала гравировку по латыши «WM» (впоследствии В. Маяковский будет свои вещи помечать этими латинскими буквами). Кстати, на одном из выступлений Владимир Маяковский получил записку в которой было написано: «Маяковский! Вам кольцо не к лицу!». На что Владимир Владимирович мгновенно парировал, что именно поэтому он носит его на пальце, а не в носу. (Оба кольца хранятся в Государственном литературном музее).

В декабре 1917 года – после окончания действительной воинской службы, которую поэт проходил в автомобильной роте в Петрограде, В. Маяковский возвратился в Москву.

В это время он много говорил о кинематографе, который только начинал возрождаться. Он понимал и предвидел, какие возможности несет в себе этот новый массовый вид искусства. Писатель С.Д. Спасский вспоминал, как В.В. Маяковский говорил: «Я никогда никому не завидовал. Но мне хотелось бы сниматься для экрана. И он со вкусом расписал с эстрады все удовольствия такого занятия. – Хорошо бы сделаться Мозжухиным...»²⁴ Естественно, что в нем зародилось желание

Кольца, которыми обменялись Л. Брик и В. Маяковский. Фото из архива И.Ю. Генс-Катанян.

во что бы то ни стало делать все самому: писать сценарии, быть режиссером, играть в своих фильмах главные роли, делать рекламные киноплакаты. Поскольку кинематограф еще не был национализирован, пришлось прибегнуть к услугам супругов Антик, имевшим частную киностудию «Нептун».

Владимиром Маяковским было написано 13 киносценариев и только 3 из них были воплощены в кино.

Как известно, для первого фильма поэт выбрал роман Джека Лондона «Мартин Иден», он видел в главном герое этого романа что-то общее с самим собой. Как и герой Д. Лондона, Владимир Маяковский, выросший в бедной семье, благодаря своему упорству и силе воли, благодаря своему таланту достигает всемирной славы, становясь известным поэтом.

Сам облик поэта Ивана Нова в фильме нам кажется знакомым, узнаваемым. Если сравнить фотографии раннего В. Маяковского (1910–1911 гг.), то мы поймем, что это действительно так. Взяв за основу роман Д. Лондона, Владимир Владимирович как бы переносит его на русскую почву, переделывает на свой лад и сам в этом фильме играет главную роль – русского поэта Ивана Нова. Уже в самом имени героя – заключена игра слов – Иван Нов – новый Иван, новый герой... О неистовой работе В. Маяковского вспоминал Л. Гринкруг, снявшийся в фильме в небольшой роли: «Режиссером картины был Н. Туркин, оператором Е. Славинский. Туркину было чуждо новаторство В. Маяковского. По поводу каждой сцены, каждого движения у В. Маяковского было свое мнение, и с первых же съемок он начал вмешиваться буквально во всю работу режиссера, оператора, художника. Туркину, естественно, это не понравилось, он сердился, настаивал на своем, но переспорить В. Маяковского тоже было нелегко, а в результате вся работа проходила в постоянных спорах и пререканиях... Он всегда сам торопил всех, никогда не уставал, трудоспособность его была удивительна. И этим он заражал всех участников съемок»²⁵.

С костюмами в то время было очень сложно. Обратимся к воспоминаниям Яна Нивинского: «Маяковский вникал во все процессы, начиная с декораций, делал эскизы костюмов, вни-

В. Маяковский в фильме «Не для денег родившийся». Москва. 1918 год. ГММ.

кал в процесс их ношения. Задуманные В. Маяковским костюмы не могли быть реализованы даже с конгениальным Лопушанским, потому что шла война, не из чего было шить, но жажда выражать все на свете по-новому, несомненно была... Тогда у каждого актера был свой собственный гардероб. Чем лучше актер, тем пышнее костюмы. Путем обмена на револьвер я добился фрака, а также темного выходного костюма и вследствие этого являлся специалистом по фильмам «из высшего света» — «болезнь» тогдашнего кино...»²⁶.

Тем не менее, несмотря на сложность приобретения тканей и создания костюмов для фильма, на сохранившихся фотографиях мы видим Маяковского в роли Ивана Нова в щегольском модном костюме, в цилиндре и плаще, с тростью, в брюках по моде тех лет. Умение носить вещи дано не каждому. Главное — оставаться в них самим собой. Владимир Владимирович умел носить одежду и знал в ней толк. Дело в том, что в те годы были модны визиточные брюки из полосатой ткани — приделен (ткань серого цвета в мелкую полоску, чаще черную, реже — белую). К визитке не полагалось брюк из ткани того же цвета. Цилиндр и визитку можно было взять на прокат, с брюками было сложнее. По росту Маяковского кунить дорогие брюки не было возможности, да и денег тоже. Как же Владимир Владимирович вышел из этого сложного положения? Ответ на этот вопрос мы находим в письме В. Маяковского к Л. Брик, написанном в апреле 1918 года: «Картину кинемо кончаю. Еду сейчас примерять в павильоне Фрелиховские штаны. В последнем акте я денди»²⁷.

В. Маяковский в фильме «Не для денег родившийся». Москва, 1918 год. ГММ.

Оказывается, брюки В. Маяковский одолжил у товарища О.М. Брика по гимназии – актера Олега Николаевича Фрелиха, который снимался в соседнем павильоне и был одного роста с Маяковским. Несмотря на все сложности, поэт выглядит так, словно всю жизнь принадлежал к высшему свету. Его осанка и уверенный взгляд говорят о том, что он «вжился» в образ своего героя. Подчеркнутая элегантность, аристократическая манера поведения – все это соответствовало данному образу. Сестра поэта Л.В. Маяковская вспоминала, что он с большим удовольствием работал в кино: «После съемок в киностудии он возвращался домой, ходил по комнате, ухмылялся и говорил: «А здорово интересно, когда видишь себя со стороны. Играл он без грима и выбирал пьесы, в которых мог выразить свое отношение к жизни и самого себя. В фильме «Не для денег родившийся» он отождествлял себя с Мартином Иденом. И некоторые жизненные ситуации очень похожи. Многие говорят о том, что образ Мартина Идена был близок Володе»²⁸. Премьера фильма состоялась в кинотеатре «Модерн» (ныне «Метрополь»), присутствовало много народа, приехал сам нарком А.В. Луначарский. Впоследствии фильм шел по всей стране и имел оглушительный успех. Несмотря на это, поэт был недоволен своей работой, хотя именно ему стали предлагать сниматься в других фильмах.

Кадр из кинофильма «Барышня и хулиган». Москва, 1918 год. ГММ.

Почти в это же время Владимир Маяковский снимался в фильмах «Барышня и хулиган» по повести Э. д'Амичиса «Учительница рабочих» и «Закованная фильмой», созданному по своему оригинальному сценарию, где сыграл вместе с Л.Ю. Брик (к сожалению, от этого фильма до нас дошел лишь крохотный кусочек, а фильм «Не для денег родившийся» до сих пор не найден)...

Более счастливая судьба у фильма «Барышня и хулиган». Это единственный фильм с участием Маяковского, который дошел до нас полностью. В этом фильме поэт сыграл просто

деревенского парня с рабочей окраины, одетого в косоворотку и дешевый пиджак. В плане выбора костюмов для этой роли было проще. В одном из писем к сестре Ольге из Петрограда Владимир Владимирович писал: «Дорогая Олечка! Обрадовался очень твоему письму, здоровы и сыты, чего же еще? У меня к тебе колоссальная просьба: разыщи в тех вещах, которые ты у меня взяла, костюм старый – брюки, пиджак и жилет, затем найди какого-нибудь не очень дорогого портного и снеси все это ему, пусть перелицует. Если брюки слишком порваны, то пусть он сделает вставки из жилета. Жилет мне не нужен. Все это нужно сделать немедленно, так как в четверг или пятницу, т. е. дня через четыре, я буду в Москве, пробуду там дня два, не больше, и хочу его, т. е. костюм, взять с собой. Поторопи его, пожалуйста. Остановлюсь я скорее всего у вас, думаю, не запротестуете. Если захотите меня привести в умиление – сделайте в мою честь вареники с вишнями. Расходы возмещу первым же заработком. Пока у меня все в будущем. Целую крепко Мамочку, Людочку и тебя. До скорого свидания. Ваш Володя. 31 августа 1918 года. Портной чтоб был не плохой, где-то есть на Пресне. Если все будет готово, с меня магарыч»²⁹.

По манере двигаться, по свободной походке поэта мы можем составить себе впечатление о том, каким он был в жизни. В свете прожекторов поэт сохранил свои жесты, походку, даже привычки. Так, в кинофильме есть эпизод, где зайдя в трактир, хулиган пьет из стакана. Но прежде чем выпить, он просматривает стакан на свет, проверяет, чист ли он. Таким был поэт и в повседневной жизни. Приходя в ресторан, Маяковский просматривал бокалы на свет, если они не были чистыми, просил протереть или сам протирал чистым носовым платком или салфеткой.

А его удивительно пронзительный взгляд, его мимика, жесты – все естественно! Ведь не случайно великий режиссер В.Э. Мейерхольд высоко оценил игру Владимира Владимировича и считал его блестящим актером. Он даже хотел осуществить постановку романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» и предложить Маяковскому роль Базарова. К сожалению, этот замысел не был осуществлен. Действительно, Маяковский всей своей мощной фигурой, всем своим естеством, бунтарским началом напоминал Базарова... В фильме «Барышня и хулиган» особенно потрясает сцена, где смертельно раненный хулиган в предсмертной агонии просит мать пойти к учительнице и попросить ее прийти, чтобы попрощаться. Владимир Владимирович как бы сам сыграл свой трагический конец. Невозможно без волнения смотреть эти кадры. Тем, кто видел фотографии поэта, сделанные в первые часы после его смерти – это сходство очевидно.

1919–1921 гг. были годами напряженной работы Маяковского в «Окнах РОСТА». Мастерская РОСТА находилась недалеко от Лубянки в Милютинском переулке. Сюда поэт приходил каждый день работать над плакатами. Как рассказывал художник М.М. Черемных, Владимир Владимирович работал с большим энтузиазмом. Он разрабатывал до 80 тем в день и рисовал до 50 плакатов за ночь в среднем. Поэт придавал этой работе огромное значение. Как известно, им было создано 6000 подписей к плакатам и 3000 рисунков. Не случайно сам он называл эту работу вторым собранием своих сочинений.

В. Маяковский. Пермь.
1928 г. ГММ.

шапка была у М.М. Черемныха. Фотограф запечатлел И. Малютина, М. Черемныха и В. Маяковского на фотографии 1920 года. (У В. Маяковского и М. Черемныха одинаковые шапки).

На многих фотографиях поэт запечатлен в этой каракулевой шапке. Вероятно, он любил ее и носил до конца жизни. Об этом свидетельствует фотография 1928 года. Сегодня эта шапка хранится в фондах ГММ.

Уже после первых зарубежных поездок Маяковского его облик изменился.

Он имел возможность покупать хорошие, добротные и модные вещи. Имидж Владимира Маяковского постоянно менялся. Уже возмужавший, обремененный славой, он преобразился: стал элегантно одеваться, но в его внешнем виде не было ничего общего с пижонством и фатовством. Он стал образцом вкуса и элегантности.

Перед нами берлинская фотография поэта 1922 года. Белоснежная рубашка с галстуком в полоску, темный пиджак, на голове – модная шляпа с широкими полями.

У Владимира Владимировича шляпы были разной формы, велюровые и фетровые. В фондах сохранилось 3 шляпы В. Маяковского: серая, черная и светло-коричневая. Он умел их носить с особым шиком. Случайный угол наклона шляпы может придать владельцу растерянный вид. Шляпа Владимира Маяковского надето точно под рассчитанным углом, что придает его лицу изысканную элегантность.

Грузинская киноактриса Александра Тоидзе пишет: «Никакого украшения, ни в комнате, ни на нем самом. И вместе с тем какая артистичность! Вглядитесь в его фотопортреты, как, например, носил он шляпу. Он знал, если чуточку выше или ниже положенной линии, то выдаст свое неуменье»³⁴.

В. Маяковский. Берлин. 1922 год. ГММ.

Интересна еще одна деталь: Владимир Владимирович на внутренней стороне кожаной подкладки шляпы всегда прикреплял маленькую овальную металлическую пластину со своим инициалом «М». На многих фотографиях В. Маяковский запечатлен в шляпах – в Мексике, Америке, Франции и т. д.

Менялась мода, менялась форма полей и тульи. Владимир Владимирович всегда следовал моде. Но больше всего поэт любил носить кепки. В фондах музея хранится одна из кепок, привезенная В. Маяковским из зарубежной поездки. Сшита она из шерстяной ткани светлого тона. Козырек по мере необходимости пристегивался на кнопку к кепке. В этой кепке поэт запечатлен на фото на Красной площади в 1928 году.

В 1920-е годы кепки были чрезвычайно модны, в них ходили многие поэты и писатели той поры. (Вспомним фотографии И. Ильфа и Е. Петрова и др.). У В. Маяковского кепки были разных фасонов и раз-

В. Маяковский на Красной
площади. Москва. 1 мая
1928 года. Фотография
Б.В. Игнатовича. ГММ.

Пластина с инициалом
на подкладке шляпы
В. Маяковского.
Публикуется впервые. ГММ.

ных цветов, соответствовавшие тону верхней одежды. Можно сказать, что в основном, в быту, в поездках Владимир Владимирович часто ходил в кепках, о чем свидетельствуют многочисленные фотографии поэта.

Маяковский любил спорт, купание, прогулки, спортивные игры. На лето он обязательно стриг наголо свои густые волосы. А. Дейнека вспоминал, что в голубой безрукавке, с голыми руками, загорелый, с коротко остриженной головой Маяковский был похож на мощного молотобойца, изображенного на плакате.

Таким мы видим его на фотографии в Нордернее, в августе 1923 года. Невольно вспоминаются строки поэта:

Можно и кепки,
 можно и шляпы,
можно
 и перчатки надеть на лапы.
Но нет
 на свете
 прекрасней одежды,
чем бронза мускулов
 и свежесть кожи³⁵

На Маяковском – традиционный закрытый купальник. Верхняя часть без рукавов, напоминает майку. Нижняя часть – удлиненная, переходящая в трико. Купальник черного цвета с белой окантовкой. Он и сейчас хранится в мемориальном фонде. На этой фотографии поэт действительно напоминает спортсмена, его сразу можно узнать.

Отдыхать – не означало бездельничать. Поэт работал везде и всегда.

Даже сидя на пляже Нордернея, у него слагались строки будущего стихотворения. Наблюдая за сытыми и сильными мира сего, поэт пишет:

Но пляж
 буржуйкам
 ласкает подошвы.
Но ветер,
 песок
 в ладу с грудастыми.
С улыбкой:
 – как все в Германии дешево!-
валютчики
 греют катары и астмы³⁶.

Понятия спорт и Маяковский были неотделимы друг от друга. И хотя Владимир Владимирович не был профессиональным спортсменом, он всегда развивал свои мускулы, точность броска или выстрела, всегда стремился во всем быть первым. Эту черту характера поэта подметил еще в 1920-е годы кинооператор А.Д. Головня. Снимали фильм «Стеклоплавильный глаз» и в связи с этим на даче в Пушкино собрались сотрудники Межрапомфильма. А.Д. Головня вспоминал, что между ним, В. Маяковским и В. Пудовкиным разгорелся спор, кто лучше стреляет из духового ружья. Стреляли в цель. Из 100 очков 96–98 выбил А.Д. Головня. Владимир Маяковский расстроился и сказал, что у него нет возможности постоянно тренироваться. В. Пудовкин ему ответил, что А. Головню нельзя считать победителем, так как он профессионал, он 5 лет занимался карабином и винтовкой. «Но все-таки я чувствовал, – рассказывал мне А.Д. Головня, – желание (Маяковского) не только быть первым, дело не в этом, а все, что ни делать, – делать отлично»³⁷.

Второй раз Анатолий Дмитриевич наблюдал за Маяковским в Доме актера, как поэт играл на бильярде. «Нужно сказать, что я видел многих людей,

В. Маяковский в Нордернее.
Германия. Август
1923 года. ГММ.

которые, может быть, искуснее играли, чем Маяковский, техничнее, – продолжал рассказ А.Д. Головня, – но когда играл на бильярде Маяковский (а он всегда играл в «американку»), это играл артист, причем артист поставленный. Он не мог загнать шар вообще, лишь бы загнать в лузу. Шар должен лечь красиво, со звоном. Положивший не менее 4–5 шаров с кия, т. е. подряд, Маяковский останавливался и смотрел, как наблюдавшие люди реагируют на его игру. И эта удивительная увлеченность для меня характеризует Маяковского. Только при такой увлеченности, при таком отношении можно говорить, что и в творчестве делает это не инфантильный человек. Это мужик – сильный, здоровый, смелый»³⁸.

Маяковский был очень азартным игроком, быстро загорался, играл блестяще в бильярд. По воспоминаниям современников, его почти никто не мог обыграть. Помните, в поэме «В.И. Ленин» поэт пишет о вожде:

Знал он
слабости,
знакомые у нас,
как и мы,
перемогал болезни.
Скажем,
мне бильярд –
отрачиваю глаз,
шахматы ему –
они вождам
полезней»³⁹.

Владимир Владимирович иногда обыгрывал своего постоянного партнера И. Уткина и очень этим гордился, так как И. Уткин некоторое время был профессиональным маркером. По этому поводу поэт острит: «А маркера обыграть – все равно что Шопена перешопенить».

(На даче в Сокольниках у Владимира Маяковского был свой бильярд, где он оттачивал свое мастерство. После переезда на новую квартиру в Гендриков переулок его отдали в рабочий клуб).

Часто Маяковский бывал в клубе театральных работников в Старопименовском переулке, где играл в бильярд.

Б. Филиппов вспоминает, что иногда играли на «строчки» с И. Уткиным. Это обозначало, что проигравший должен уступить победителю предстоящий гонорар за свое вновь опубликованное стихотворение.

Неоднократно в клубе бывал и А.В. Луначарский, очень увлекавшийся игрой в бильярд. Между ним и В. Маяковским происходили баталии. Нарком, проигрывая, нервничал, а поэт хладнокровно укладывая в лузы шары, приговаривал, что наркому, мол, неудобно выигрывать у простых смертных:

– «Нарком, если даже честно выигрывает партию, то все равно его обвинят в том, что он потворствует подхалимажу!»⁴⁰. Но однажды в клубе состоялся необычный

турнир. Сюда зашел один из самовлюбленных критиков, неодобрительно отзывавшийся о «Клопе» В. Маяковского. Поэт «решил отыграться» за бильярдным столом и предложил ему сыграть партию. Б.М. Филиппов вспоминал: «Критик даже в бильярдной разговаривал со всеми свысока, несмотря на свой низкий рост. Недаром старый клубный маркер Захар Иванович, склонный пофилософствовать, говорил по поводу этого «мастера пера», что он страдает «мантией» величия. Критик считался приличным игроком, но Маяковский дал ему фору при условии, что проигравший должен будет трижды пролезть под бильярдным столом. Партнер вначале не соглашался, но явное преимущество в шарах и соблазн видеть Маяковского в смешном положении поколебали его обычную чопорность. Кажется, впервые я видел Маяковского за игрой в напряженно-серьезном состоянии.

Слух об этой партии мгновенно разнесся по клубу и собрал в бильярдную массу болельщиков. Все были на стороне Маяковского и подбадривали его сочувственными репликами. Вскоре самоуверенный критик вынужден был лезть под стол, сопровождаемый ревом всех присутствующих.

– Рожденный ползать писать не может! – изрек Маяковский. – Может быть, вы хотите отыграться? – спросил он у своего партнера, но тот потерял всякий аппетит к игре»⁴¹.

(В клубе долго хранился кий Маяковского. Сегодня он является экспонатом ГММ.)

Бильярдные баталии поэта могли длиться сутками. Вот как вспоминал об одной из баталий его современник Л. Никулин: «Он был неутомим и свеж, хотя был уже поздний час и у его противника двоились в глазах шары на зеленом поле, а он сохранил энергию и желание продолжать турнир... Мне кажется, отчасти правы были те, кто говорил, что эта игра отвлекала его, была отдыхом после долгих часов непрерывной работы мысли не только за письменным столом или в редакции, а всюду – даже на прогулке, даже во сне, в полусне, когда мозг продолжает работу»⁴².

В те годы была еще одна популярная игра – ма-джонг. Эта китайская игра появилась в Москве в 1925–1926 годах. По воспоминаниям В.А. Катаняна, ма-джонг привезла в Москву из Лондона мать Лили Брик. О. Брик и Луэлла Краснощекова перевели на русский язык правила игры. «Игра хитрая, – вспоминал В.А. Катанян, – за которую когда-то в Китае рубили головы. Мандарины, говорят, проигрывали друг другу целые провинции. Минимальная выигрышная комбинация стоит 22 очка; максимальная, самая ценная и красивая, со всеми присвоенными удвоениями, – 3800... Мы играли, ограничивая себя определенным лимитом, то-есть заранее уславливаясь о максимуме, который можно проиграть – выиграть за одну игру. Первыми игроками в маджонг были Маяковский, Асеев, Лилия. Потом научились Родченки, Левидов, Жемчужный, Джон Левин, Кирсанов и даже ни в какие игры не игравший Третьяков»⁴³.

Часто на даче в Пушкино у Владимира Маяковского жили Л. Кулешов, А. Хохлова и ее сын, тоже увлекавшийся игрой в ма-джонг. Играли на три стола. А. Родченко вспоминал, что тогда еще в магазинах эта игра не продавалась и он напил из старых подрамников 144 плашки, а его жена Варвара их раскрасила, «бес-

пошадно упростив драконов и пирамиды». Играли за большим обеденным столом (дома, на даче, в гостях)... Это было повальное увлечение. Маяковский был очень азартным игроком. Во что бы он ни играл, он играл до последнего... Кинорежиссер В. Жемчужный вспоминал: «Никогда не забуду одной партии в ма-джонг. Все уже легли спать, всем надоело, а мы всю ночь напролет, при керосиновой лампе, шепотом говоря, играли. Он меня не отпускал. Я говорил, что не могу больше, а он шепотом: «еще, еще, еще».

На даче все в пинг-понг играли – страшный был азарт. Мы бросали все дела, оставались вдвоем на даче и целый день с утра до вечера играли. Это был запой»⁴.

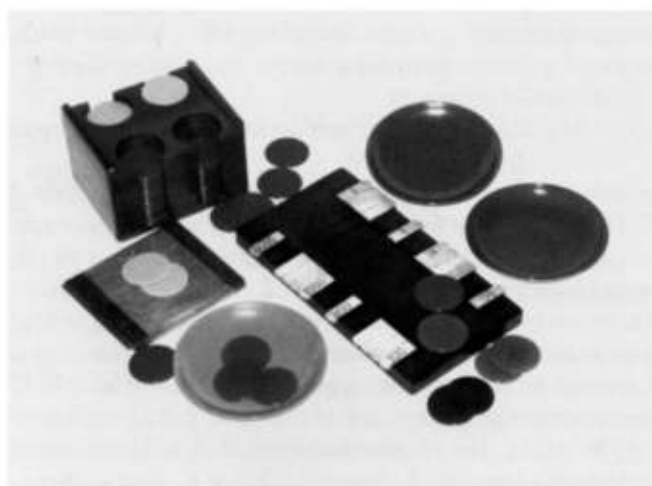
С таким же азартом играли в городки.

Художник Н. Денисовский рассказывал, что Маяковский быстро входил в раж, даже когда не было под рукой никаких игр, например, когда шел по улице, он мог сыграть на номера денежных купюр, на «чет и нечет», мог вытащить монету и, подбросив ее вверх, спрашивал: «орел или решка?». Играли на количество боро-

датых мужчин, которых встречали на пути («чет или нечет») и т. д.

Маяковский с увлечением играл в карты. Адольф Гофмейстер, чешский художник, вспоминал, как в Праге в 1927 году они с Владимиром Маяковским играли в карты: «Он играл в покер, как чемпион мира, и ликовал, когда вынуждал противника сдаться при картах», – отмечал А. Гофмейстер⁵.

В квартире поэта в Гендриковом переулке

Игральные принадлежности В. Маяковского: фишки и линейка для подсчета очков. Публикуется впервые. ГММ.

был небольшой ломберный складной стол. Иногда играли в столовой, тогда стол ставили к кожаному дивану, а когда играли в комнате Маяковского, стол стоял перед тахтой. Баталии длились часами. Н. Асеев вспоминал, что поэт любил сидеть за письменным столом. Из стола выдвигалась боковая выдвижная доска, на которой играли в карты. Когда Маяковский и Асеев садились наскоро перекинуться в «тысячу» на квартире в Гендриковом переулке, туловище Николая Асеева помещалось уже в столовой, так как комната Владимира Владимировича была чрезвычайно мала (от тахты до письменного стола было всего два шага, в ширину и того меньше). Играли на строки. Н. Асеев выиграл у В. Маяковского главу из поэмы «Летающий пролетарий» (имелся ввиду гонорар за главу). Владимир Маяковский выиграл у Николая Асеева 800 строк из его агитационных

вещей: «Рассказ о том, путем каким с бедой управился Аким», «Ткачи и пряжи». Все это Николай Асеев писал под «нравоучительными» наставлениями Маяковского. Как вспоминали современники, играли с азартом. Иногда поэт заставлял проигравшего стать в углу на колени и прочитать «Птичку божью» 15 раз или нужно было пролезть на четвереньках под столом. Он и сам, проигрывая, не раз за этим занятием занозил спину...

Для Владимира Маяковского, игравшего в любую игру, будь то бильярд, пинг-понг, городки или карты, главным был не денежный интерес, а чисто спортивный азарт. Ведь играли на позор (пролезть под столом или с чувством прочесть «Птичку божью»). Во время игры Маяковский всегда острил, был в ажиотаже, формулировал фразы кратко и своевременно.

Как рассказывала В. Полонская, если Владимир Владимирович проигрывал, то вытаскивал из письменного стола карандаши, коробочки, ключи, всякие мелкие предметы и клал около себя на столе. Иногда брал на колени Бульку и приговаривал: «Это на счастье, вот теперь мне повезет». У него были очень красивые игральные принадлежности, очевидно, привезенные из Парижа: большая черная рулетка с металлическими шариками, пластмассовые фишки (круглые, плоские), укладываемые в специальную четырехугольную коробку с четырьмя ячейками. Там лежали стопкой красные, розовые, бирюзовые и зеленые фишки. Таких же цветов были маленькие пластмассовые тарелочки для фишек. Поэт всегда любил брать себе красные фишки, часто спорил из-за них с игроками. На стол клались также дощечки для подсчета очков. Они были прямоугольной формы. По обе стороны по длине доски, с боков, были укреплены чуть выступающие плоские тонкие пластинки с нанесенными на них цифрами. Пластинки отгибались при подсчете очков.

Из последней поездки в Париж, как вспоминал В.А. Катанян, В. Маяковский «привез рулетку в виде карманных часов – можно в мимолетной встрече испытать счастье: красное – черное?»⁴⁶.

Всегда в ящиках письменного стола лежали карты. Сохранился красивый футляр из коричневого сафьяна с двумя колодами карт. На передней части съемной крышки – тисненые золотом три карты: семерка пик, бубновый туз и восьмерка треф. Одна из колод распечатана...

После того как в его крохотной комнатенке в Гендриковом переулке заканчивали играть, ломберный стол складывался и ставился за тахту, В. Маяковский открывал форточку, выносил сам все пепельницы. «Мы еще в передней влезали в галоши, – вспоминал В.А. Катанян, а В. Маяковский уже приносил из кухни щетку и подметал пол»⁴⁷.

Отдых поэта был всегда относительным. Его мозг не отдыхал. Даже во время самой азартной игры он мог встать и записать на бумаге какие-то пришедшие на ум строки, если не было под рукой бумаги, то записывал сторевшей спичкой на спичечном коробке или на коробке от сигарет. П. Незнамов вспоминал, что писал Владимир Владимирович всегда и везде. Это был «круглосуточный писатель», который уже даже в полудремотном состоянии, засыпая, мог...писать. «Однажды, играя в городки в Пушкино, он успел сделать запись даже между двумя ударами

рюхой. Пиджак его остался в комнате, блокнота с ним не было и он нацарапал эту заготовку углем на папиросной коробке»⁴⁸.

20 октября 1928 года В. Маяковский в письме к Л.Ю. Брик из Парижа пишет «...сегодня еду на пару дней в Ниццу...»⁴⁹.

В записной книжке № 64 1928 г. появляются заготовки рифм к стихотворению «Монте-Карло»:

Дворцы
и палаццо
монацкого принца...
Бараны мира,
пожалте бриться!⁵⁰

Из этих строк ясно, что поэт имел в виду крупнейший игорный дом, открытый в 1863 г. на территории Монацкого княжества в Монте-Карло. И хотя стихотворение «Монте-Карло» датируется 1929 годом, не исключено, что впервые Владимир Владимирович побывал там в 1928 году, ведь Ницца от Монте-Карло расположена очень близко, а соблазн увидеть «вертеп мировой буржуазии», как назвал игорный дом Лев Никулин, был велик...

В литературной хронике В.А. Катаняна зафиксировано, что Владимир Маяковский был в Монте-Карло в конце марта – начале апреля 1929 года. Монте-Карло произвело на Маяковского неизгладимое впечатление. От него не ускользнул ни один типаж. Напряженная обстановка игорного зала выкристаллизовалась в строки:

Обеспечены
годами
лет
на восемьдесят семь,
дуют
пиковые дамы,
продуваясь
в сто систем.
Демонстрируя обновы,
выигравших подсмотрев,
рядом
с дамою бубновой
дует
яро
дама треф.
Будто
горы жировые,
дуют,
щеки накалив,

В своих воспоминаниях он пишет: «Сколько трагических новелл, романов, фильмов о рулетке вышло в свет и служило рекламой игорному дому, казино Монте-Карло, коммерческого предприятия государства-карлика! Вернувшись в Москву, я впервые прочитал стихи В. Маяковского о рулетке и «монтекарликах» и поразился точности описания...»⁵⁴.

Действительно, правду говорят, что «пути господни неисповедимы» и человеческие судьбы совершенно неожиданно пересекаются в самых неожиданных местах. Недавно стало известно, что владелец доходных домов в Лубянском проезде (в одном из которых жил Владимир Владимирович) – купец Н.Д. Стахеев, один из династии известнейших русских купцов, был заядлым картежником. Как рассказывал его правнук П.Д. Карсон, прадед поехал попытать счастья в Монте-Карло. Это был период его расцвета, когда он был богат. Он стал завсегдатаем игрового дома. Из-за его больших проигрышей казино Монте-Карло дало ему квартиру в Монако и назначило пенсию. П.Д. Карсон утверждал: «Этот факт зафиксирован там на мемориальной доске, а моя бабушка вспоминала встречу на скамье в парке с крупье казино, который подтвердил эту историю»⁵⁵. Очевидно, похоронен он был в Монте-Карло, но ни даты смерти, ни других каких-либо сведений о Н.Д. Стахееве не известно. Вот еще одна судьба нашего современника, достойная романа. Жаль, что об этом не узнал В. Маяковский, увековечивший его фамилию в строках:

Несется
жизнь,
овесвая,
проста,
суха.
Живу
в домах Стахеева я
теперь
Веэсэнха⁵⁶.

Поэт писал: «Мне необходимо ездить. Обращение с живыми вещами почти заменяет мне чтение книг»⁵⁷. Многочисленные поездки Маяковского по городам Советского Союза и за рубеж давали большой материал для творческой работы. Отправляясь в очередную командировку, поэт брал с собой минимум вещей, только то, что могло понадобиться в поездке.

Владимир Владимирович очень любил многофункциональные вещи. Такой любимой его вещью был красный сафьяновый портфель-подушка. Внутри портфеля были ватные боковины, сверху обшитые сафьяном. В портфель можно было положить какие-то вещи, а при необходимости он превращался в дорожную подушку.

Поэт никогда не расставался с дорожным набором: в кожаном футляре лежали складные нож, вилка, ложка, которые легко раскладывались и складывались. Все это укладывалось в металлический плоский стакан, затем в кожаный футляр. Такие комплекты дорожных наборов Маяковский часто привозил из Парижа

Дорожный набор В. Маяковского. Государственный литературный музей.

в подарок своим друзьям. Однажды он подарил такой набор П.И. Лавуту со словами: «Вам без него как без рук».

Поскольку в 1920-е годы у нас в стране не было еще хороших качественных вещей, имея возможность ездить в командировки за границу, В. Маяковский покупал себе самое необходимое, рациональное. По воспоминаниям современников, у него в квартире никогда не было нагромождения ненужных вещей.

Как вспоминал П.И. Лавут, уезжая в командировки по городам Союза, Владимир Владимирович всегда брал с собой небольшой желтый кожаный чемоданчик с тисненными на крышке буквами WM. Это был праобраз современного несессера. В нем лежали: бритвенный прибор, помазок, зубная щетка в футляре.

В. Маяковский очень любил хороший парфюм. Привозил из Парижа флаконы с аткинсоновской лавандой и жестянки с тальком для бритья «Пальмолив», которые также лежали в несессере. Тут же была аптечка в картонной коробке, на крышке которой надпись: «Дорожная аптечка. Химико-фармацевтический завод им. Н.А. Семашко в Москве». Коробка разделена на девять отделений. Здесь лежали в маленьких флакончиках и пробирках все необходимые лекарства: бактерицидный пластырь, бинт, горчичники, набор булавоч, свинцовая примочка, аспирин, кровоостанавливающая вата в пробирке, эфирно-валериановые капли, нашатырный спирт и т. д.

Чистоплотность Владимира Маяковского, его до болезненности тщательное мытье рук и посуды удивляли современников. Часто, находясь в лекционных поездках по городам Советского Союза, он, утомленный жарой, просил воды. Ему давали воду и стакан, но Владимир Владимирович всегда вытаскивал из кармана свой «походный» стакан и пил из него. Не случайно в поэме «Во весь голос» В. Маяковский скажет о себе, что он был «певец кипяченой и ярый враг воды сырой»³⁸.

В его дубянской комнате всегда на столе стоял графин с кипяченой водой.

Однажды во время пребывания Владимира Владимировича в Ростове, где он выступал с лекциями, прорвало канализацию, и, как писал поэт в письме к Л.Ю. Брик 29 ноября 1926 года: «...соединились в одно канализационные и водопроводные трубы! Сейчас сырой воды не пьют, а кипяченую советуют пить не позже, чем через 4 часа после кипения – а то, говорят, что какие-то осадки... Я и пил нарзан и мылся нарзаном, и чистился – еще и сейчас весь шиплю. Чаев и супов не трогал целых три дня... Придется кипятить нарзан и мыть им посуду, а как узнать – кипит ли нарзан или нет, раз он всегда шипит и пускает пузырьки?!»⁵⁹.

Как вспоминал П.И. Лавут, всегда у В. Маяковского была в чемодане чистая накрахмаленная простынь. В те годы не всегда в гостиницах было идеально чистое белье. Она была белоснежная, шуршащая от крахмала.

Он всегда брал с собой комплект пижамного белья (у него было 4 пижамных комплекта), любил ходить в нем в гостиничном номере.

Н.А. Брюханенко вспоминала: «В августе... я встретила с Маяковским в Евпатории. Узнала я о его приезде курьезным образом. Я жила в санатории и пошла в парикмахерскую гостиницы. Взглянув через окно во двор, я увидела сохнувшие после стирки большие голубые пижамы, и у меня сразу мелькнула догадка: «Наверное, это приехал Маяковский». Так и оказалось»⁶⁰.

Не только в гостинице, но и дома тоже Владимир Владимирович по утрам носил пижаму и легкие тапочки из шевровой кожи, купленные в Париже. По воспоминаниям П.И. Лавута, из-за границы В. Маяковский также привез махровый халат, который надевал после купания в море. В Сочи, где гостиница была в ста метрах от моря, он не одевался, а шел в халате до гостиницы.

Предметом первой необходимости для Владимира Владимировича были и часы. Кроме того, они являлись одним из модных аксессуаров мужского туалета. Часы были не только нужной, но и крайне необходимой для В. Маяковского вещью. Сразу вспоминаются его рекламные плакаты для ГУМа:

Человек –
только с часами.
Часы
только Мозера.

*В. Маяковский в пижаме (фрагмент фотографии).
Ялта. Август
1928 года. ГММ.*

Мозер
только у ГУМа⁶¹.

В другой рекламе поэт призывает:

Самый деловой,
аккуратный самый,
в ГУМе
обзаведись
мозеровскими часами⁶².

Как только Владимир Маяковский стал зарабатывать, он купил себе часы.

Историческая справка

В дореволюционной России не было своей часовой промышленности. Часы импортировались в Россию из-за рубежа или собирались в мастерских вручную из иностранной фурнитуры. Такие предприятия, занимавшиеся сборкой часов принадлежали известным промышленникам: П. Буре, Г. Мозеру и др. После революции 1917 года все было национализировано и передано в ТОЧМЕХ (трест точной механики). Зарубежные контакты с иностранными фирмами почти прекратились, в 1926 году запасы фурнитуры и часов истощились.

На повестке дня стоял вопрос об обеспечении часами служащих армии и флота, необходимы были часы и Наркомату путей сообщения, а также простым советским гражданам. 21 декабря 1927 года Совет труда и обороны решил вопрос о выпуске часов в СССР.

Зарубежные фирмы объявили бойкот советскому государству. В США нашли несколько разорившихся фирм, которые предложили выкупить у них законсервированное оборудование, фурнитуру и инструменты. Таким образом, американская фирма «Дюбер Хелептон» стала фундаментом часовой промышленности в СССР.

Первые 50 штук часов появились 5 ноября 1930 года, они были собраны целиком из деталей, сделанных в СССР. С этого времени начали выпускаться часы карманные, наручные (мужские и женские), а со временем и авиационные бортовые часы, морские хронометры и т. д. История часовой отечественной промышленности довольно богата фактами и историческими деталями.

В. Маяковского. Реклама часов. ГММ.

Но вернемся к В. Маяковскому. В 1914–1917 годах большую популярность приобрели карманные часы. Это был основной тип часов в те годы. Они подразделялись на дорогие и дешевые. Дешевые имели стальные корпуса, вороненные, никелерованные. Такие дешевые карманные часы были у Маяковского, очевидно, он купил их в начале 1910-х годов. Это были часы белого металла с воронением, с довольно крупным циферблатом и маленьким секундомером. Как вспоминала сестра поэта Людмила Владимировна, в 1915 году Владимир Маяковский, вероятно, возвратившись из футуристической поездки по городам России, заработав некоторую сумму денег, купил себе новые карманные часы. На циферблате часов латинскими буквами было написано: «THIEL». Это были крупные карманные часы с большим циферблатом. Старые часы Владимир Владимирович оставил матери и сестрам. (Обе пары часов сегодня хранятся в музее В. Маяковского).

В последующие годы, выезжая в зарубежные командировки, Маяковский имел возможность покупать себе часы новых моделей, более дорогие и усовершенствованные.

Согласно моде тех лет, часы носили в левом кармане жилета или в левом верхнем кармане пиджака (как носил поэт) на кожаном ремешке, продетом в пуговичную петлю борта пиджака. Так запечатлел А. Родченко Владимира Маяковского в своей известной фотографии 1924 года.

Но есть еще одна фотография, где Владимир Владимирович запечатлен с Д. Бурлюком на пляже в Америке. Он стоит в профиль, из кармана его брюк отчетливо видна толстая свисающая цепочка, прикрепленная к петле пояса брюк, вероятно, на брелке. К сожалению, сведений о марках часов, купленных Маяковским в конце 1920-х годов, мы не имеем.

Другим модным аксессуаром в начале XX века была трость. Вспомним фото Маяковского во время пребывания в Казани, где он во фраке, цилиндре, с тростью (февраль 1914 года). С такой же тонкой тростью (с желтым набалдашником в верхней части) мы видим Владимира Маяковского на снимке 1918 г. (кадр из фильма

*В. Маяковский. Москва. 1924 год.
Фото А. Родченко. ГИМ.*

В. Маяковский на репетиции спектакля «Двадцать пятое». Ленинград. 1927 год. Фото В.К. Буллы. ГММ.

которую она собирается поглотить. Вокруг основания головы закреплена петля из кожи для руки. Трость раскрашена яркими красками, что создает неповторимый национальный мексиканский колорит. Все, кто приходил к В. Маяковскому в Гендриков переулок, обращали внимание на эту трость, она всегда привлекала внимание своим экзотическим видом. Рассказывали мне о ней Вероника Полонская и художник Н.Ф. Денисовский. Владимир Владимирович никогда не ходил с этой тростью, она хранилась у него как реликвия, как напоминание о чудесной далекой стране Мексике, где он побывал в 1925 году. Впоследствии В. Маяковский подарил эту трость Н.Ф. Денисовскому. (Сегодня ее можно увидеть в экспозиции музея).

Но какова была ее история? Ведь каждая вещь имеет свою легенду, с ней что-то связано, кто поэту подарил эту трость? На эти вопросы долгое время ответов не было. Однажды я обратилась к директору музея-квартиры Сергея Эйзенштейна Н.И. Клейману, с надеждой, что он поможет мне в моих поисках. Ведь С. Эйзенштейн снимал видовой фильм о Мексике и проработал в этой стране бо-

«Не для денег родившийся»). В 1982 г. жена М.М. Яншина передала в музей такую же трость. Согласно легенде, поэт подарил эту трость матери Яншина. У нее болели ноги и она ходила с ней. После ее смерти в 1963 г. трость вновь вернули М.М. Яншину, и он берег ее как реликвию. Не с этой ли тростью Владимир Владимирович играл в фильме «Не для денег родившийся»? Возможно, он берег ее как ностальгию по тем годам, ведь вещи несут в себе сильную энергетику воспоминаний.

Шли годы, менялась мода, и на смену стеку пришли новые трости. С одной из них В. Маяковский запечатлен на фото В.К. Буллы в 1927 г. Эта трость была привезена поэтом из-за границы. Рукоятка в виде полукруга, сделана трость из единого куска дерева. Это была любимая трость В. Маяковского.

Была у Владимира Владимировича еще одна трость, привезенная из Мексики. Она сделана из цельного куска дерева, вручную, на ней вырезаны изображения животных: черепахи, змеи, ящерицы, тропических птиц и т. д. Рукоятка сделана в виде головы змеи, в пасти которой находится корпус трости,

*В. Маяковский в столице Мексики.
Июль 1925 года. ГММ.*

делались для губернаторов, национальных героев или особо почетных граждан и гостей Мексики. Делали их обычно каторжники, умеющие резать по дереву («гарантией качества» служило их нежелание возвращаться к каторжным работам).

С. Эйзенштейн мог получить трость в подарок либо от президента страны Ортиса Рубио (с которым он встречался), либо от губернатора одного из штатов, где он снимал фильм, либо от кого-либо из знаменитых мексиканцев (от Риверы?). Вопрос О'Хиггинса «Откуда у Серхио этот жезл?» – первый заданный и произнесенный с большой экспрессией как бы в изумлении, остается открытым. Для нас эти сведения очень ценны, так как можно предположить, что Владимир Маяковский получил эту трость в подарок от Диего Риверы, с которым он очень подружился в Мексике. Диего понимал по-русски. «Я раньше только слышал, – писал В. Маяковский, – будто Диего – один из основателей компартии Мексики, что Диего – величайший мексиканский художник, что Диего из кольта попадает в монету на лету. Еще я знал, что своего Хулио Хуренито Эренбург пытался писать с Диего»⁶³.

Вместе они прямо с вокзала поехали в мексиканский музей, где Владимир Владимирович мог познакомиться с историей и культурой страны. Д. Ривера был близок поэту по духу (как художник-монументалист). Об этом В. Маяковский впоследствии напишет в своем очерке «Мое открытие Америки». Ведь он всегда мечтал о том, что когда-нибудь наступит такое время, когда будут делать росписи на стене. И здесь, в далекой Мексике, он увидел воплощение своей мечты. Д. Ривера расписывал стены здания мексиканского министерства народного просвещения, где, по словам В. Маяковского, показал «прошлую, настоящую и будущую историю Мексики»⁶⁴. Поэт был в восторге и впоследствии первым познакомил со-

лее полугода (к сожалению, фильм так и не был закончен). Каково же было мое изумление, когда Н.И. Клейман показал мне такую же точно трость, привезенную С. Эйзенштейном из Мексики. Н.И. Клейман рассказал мне, что в 1968 году в квартире-музее С. Эйзенштейна побывал друг и ассистент Д. Риверы художник Пабло О'Хиггинс. Увидев эту трость, он оживился и стал рассказывать о ней много интересного. Он утверждал, что она не могла быть куплена, так как представляет собой «жезл» с гербом Мексики (орел со змеей в клюве) и символическими изображениями животных (черепашка, ящерица, змея и т.п., в значении которых он не очень уверен, а поэтому не берет-ся расшифровывать). Такие «жезлы»

ветских людей с творчеством великого мексиканского художника. (Свой рассказ о Мексике В. Маяковский иллюстрировал фотографиями фресок Д. Риверы).

Д. Ривера сопровождал поэта во многих поездках не только в столицу, но и в ближайшие от Мехико-сити селения, побывали они и в Куэрнаваке – старинном городе штата Морелос. У В. Маяковского было много встреч с поэтами, писателями, художниками, он встречался с министром народного просвещения Мексики, революционерами и т. д. Вероятно, такое большое количество встреч побудило В. Маяковского заказать в Мехико-сити визитные карточки. В фондах ГММ хранится небольшая коробочка белого цвета с клеймом типографии на крышке и надписью по-мексикански. В коробке на плотной белой бумаге – 11 визиток, на которых написано: VLADIMIR MAJAKOVSKY.

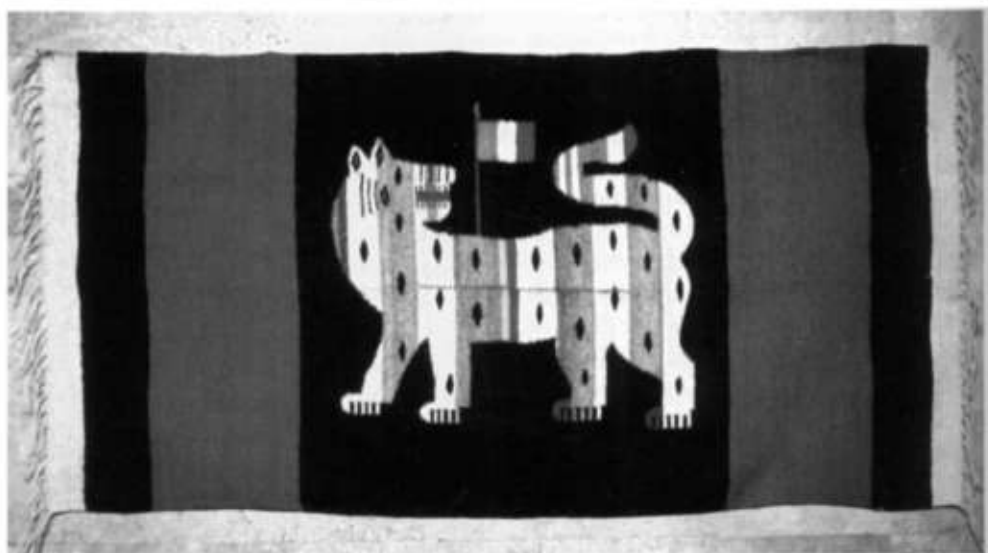
Страницы воспоминаний Диего Риверы, хранящиеся в музее В. Маяковского, рассказывают, какой неизгладимый след оставил советский поэт в сердцах многих мексиканцев.

«Маяковский для Мексики был метеором по краткости своего пребывания и ослепительности своего гения. Но свет этого метеора не угас в нашей стране, – он озаряет всех нас и сегодня. Маяковский недолго жил среди нас, но тем не менее мы чувствуем, что он принадлежит и нам, потому что его гений породил расцвет многих мексиканских талантов»⁶⁵, – восторженно отзывался о Маяковском известный мексиканский художник Диего Ривера.

Привез поэт из Мексики два ярких цветных коврика, которые висели на стенах квартиры в Гендриковом переулке – это был подарок Диего Риверы. Один из ковриков был соткан из цветных вертикальных полос, в центре ковра – цветные ромбы. Другой коврик был зашит посередине декоративным швом красного цвета. Это было не что иное, как сарапе – часть национальной верхней одежды мексиканских крестьян. Впоследствии поэт напишет в одном из своих стихотворений о Мексике:

В какую
 огромную лупу,
в какой трушебе
 теперь
 найдешь
сарапе и Гваделупу?⁶⁶

Сарапе – яркий домотканый коврик, в центре которого изображен койот, на спине которого укреплен национальный флаг Мексики, состоящий из трех цветов: зеленого, белого и красного. В дальнейшем В. Маяковский в очерке «Мое открытие Америки», в главе «Мексика», расскажет (может быть и со слов Д. Риверы) о происхождении мексиканского флага: «Арбузом» называется мексиканское знамя. Есть предание: отряд повстанцев, пожирая арбуз, думал о национальных цветах. Необходимость быстрой переброски не дала долго задумываться. – Сделаем знамя – арбуз, – решил выступающий отряд. И пошло: зеленое, белое, красное – корка, прослойка, сердцевина»⁶⁷.

Коврик, подаренный Д. Риверой Маяковскому в 1925 году. ГММ.

В. Маяковский. Рисунок Д. Риверы. 1956 год. ГММ.

Действительно, яркий мексиканский коврик для Владимира Маяковского стал символом Мексики. До конца жизни поэта он висел в его квартире. В фондах музея хранится альбом видовых фотографий, привезенных поэтом из Мексики. Ведь поэт часто иллюстрировал свои произведения материалами, которые привозил (это были фото, буклеты, репродукции и т. д.).

В 1956 году Диего Ривера побывал в Библиотеке-музее В. Маяковского и в книге отзывов с гордостью написал: «С волнением вспоминаю величайшего поэта революции Маяковского, другом которого я имею честь называться».

В память об этом посещении художник оставил портрет В. Маяковского, сделанный по памяти, где поэт был изображен на фоне кактусов. На портрете была надпись: «Таким я помню Маяковского в Мексике».

30 июля 1925 года Владимир Маяковский прибыл в Нью-Йорк, где был осажден американскими журналиста-

ми. Приехав в Америку, поэт сразу же встретился с Д. Бурлюком. Эта встреча была долгожданной и радостной. Д. Бурлюк сопровождал поэта во многих его поездках. Специально для выступлений В. Маяковского он отпечатал небольшие книжки со стихами Владимира Владимировича: «Американцам» (для памяти), а затем «Открытие Америки» и «Солнце».

Д. Бурлюк рассказывал об издании этих книг: «Маяковский на всех своих выступлениях продавал в публике свои книги. Сначала он издал сборничек «Американцам», он был напечатан в типографии «Нового мира», на титульном листе был помещен портрет Владимира Владимировича Маяковского. Но вскоре 10 000 экземпляров этой книги разошлись полностью, а слушатели требовали книжку

на память, да еще с автографом любимого поэта. Тогда Маяковский предложил мне взять на себя работу по напечатанию двух книжечек «Солнце» и «Открытие Америки». Книжки печатались в типографии «Нового мира». К книжкам я сделал рисунки. Я сам верстал и делал корректуру. Маяковский для набора дал собственноручные списки этих замечательных поэм. Не обошлось без казуса. Вместо «Солнце» я поставил на обложке «Солнце в гостях у Маяковского». Володя сердился, но поправить уже было нельзя. Я не раскаивался в своем «промахе». Я поставил, как думал: у этого великого человека солнце «гостило неизменно, а он был нашим кратким гостем»⁶⁸. (В. Маяковский очень любил эти маленькие книжки и, как рассказывала мне Н.А. Брюханенко, всегда

В. Маяковский в Нью-Йорке на Wall Street. Сентябрь 1925 год. ГММ.

Д. Бурлюк и В. Маяковский на пляже в Раковей-бич (под Нью-Йорком). 8 августа 1925 года. ГММ.

предупредил, что шляпу нужно носить до середины сентября, иначе ее сорвут и продырявят на голове. Объяснение этому мы находим в очерке В. Маяковского «Мое открытие Америки», где в главе «Нью-Йорк» поэт пишет: «15-го на углах перед шляпными магазинами стоят банды, сбивающие соломенные шляпы, пробивающие шляпные твердые днища и десятками нанизывающие продырявленные трофеи на руку. Осенью ходить в соломенных шляпах неприлично. На соблюдении приличий зарабатывают и торговцы мягкими шляпами и соломенными». И с присущим ему юмором он подытоживает: «Что бы делали фабриканты мягких, если бы и зимой ходили в соломенных? Что бы делали соломенные, если бы годами носили одну и ту же шляпу?»⁷⁰.

На одной из фотографий запечатлен В. Маяковский и Д. Бурлюк в брюках, белых рубашках на пляже Раковей-бич (под Нью-Йорком). На Д. Бурлюке и В. Ма-

они стояли на книжной полке письменного стола в Лубянской комнате).

В Америке Владимир Владимирович много выступал. Вот как писал об одном из выступлений В. Маяковского «Новый мир»: «Вот он, Маяковский! Так же прост и велик, как сама Советская Россия. Гигантский рост, крепкие плечи, простенький пиджачок, коротко стриженная большая голова... Он стоит и ждет, чтобы смолкли аплодисменты...»⁶⁹.

Владимир Маяковский был действительно очень скромно одет. Поэт (как всегда летом) остриг свои густые волосы и по совету Д. Бурлюка купил себе канотье – соломенную шляпу с маленькой тульей и небольшими полями, в которой ходила в то время вся Америка. Д. Бурлюк

яковском – канотье. (Интересен тот факт, что в России канотье исчезло из обихода в конце 1930-х годов. В. Маяковский носил канотье только в Америке).

Владимир Владимирович привез в Америку для Д. Бурлюка серебряный рубль 1924 года. Жена Д. Бурлюка, Мария, рассказывала, что В. Маяковский отдал ей этот рубль на память о тех 50 копейках, которые Давид Давидович давал молодому ученику Училища живописи, ваяния и зодчества, чтобы Володя «писал не голодая». Владимир Владимирович сказал, что это новая валюта России. Мария Бурлюк прикрепила серебряный рубль к цепочке вместе с солдатским номерком сына Никиты и носила долгое время как браслет. Сегодня этот серебряный рубль на цепочке вернулся в музей и хранится в фондах, как и плоский стеклянный стакан, который Маяковский возил с собой, выступая в Америке. Как-то переодевая рубашку в доме Бурлюков, он выложил его из кармана. Обнаружили стакан после отъезда Владимира Владимировича.

В 1956 году супруги Бурлюки приехали в СССР. Их встречал тамбовский коллекционер Н.А. Никифоров, который долгие годы переписывался с Д. Бурлюком. Давид Давидович отдал ему для домашнего музея эти вещи поэта. К 100-летию В. Маяковского Н.А. Никифоров передал в московский музей поэта дорогие реликвии. Но вернемся вновь в 1925 год в Америку. Как известно, в Америке В. Маяковский познакомился с Элли Джонс, она сопровождала поэта в некоторых его поездках, бывала на его выступлениях. Начался роман, в результате которого родилась дочь В. Маяковского – Патриция.

Свое свободное время поэт проводил с Элли Джонс и, конечно, с Давидом Бурлюком. Элли Джонс вспоминала, что когда она шла с В. Маяковским, то при ходьбе у него звенели металлические набойки на туфлях, когда он ступал на мостовую. Возможно тогда, гуляя с Э. Джонс по Бродвею, у поэта созрели строки:

Асфальт – стекло.
Иду и звеню.
Леса и травинки –
сбриты.
На север
с юга
идут авеню,

Элли Джонс. 1920-е годы. ГММ.

на запад с востока –
стриты⁷¹.

Как всегда, Маяковский покупал подарки для друзей и родных. Элли Джонс вспоминала, что он попросил ее помочь ему выбрать подарки. Возможно, тогда и был куплен маленький дорожный утюжок со складными ручками для Л.Ю. Брик. Сегодня он хранится в Государственном литературном музее. Не забыл поэт и о маме. Вспомнил, что она плохо видит и ей нужна машинка для вдевания ниток в иглу. Привез ей это приспособление.

Поэта всегда интересовали все технические новинки. Он радовался, когда видел хорошо сделанные рациональные вещи. Не забывал он и об А. Родченко. В то время он увлекался сборкой маленьких радиоприемников. У нас в стране не было еще электрических паяльников, и Маяковский купил ему в Америке электропаяльник, (сегодня он хранится в фондах ГММ).

В другой раз А. Родченко потребовались конденсаторы для сборки четырехлампового радиоприемника. У нас в стране не продавали ни конденсаторов, ни радиодеталей, и Владимир Маяковский купил в Париже для А. Родченко два конденсатора. Но он боялся, что на таможене их могут отобрать. Тогда он пошел

на хитрость: один конденсатор он положил в чемодан, другой – в карман пиджака. Оба конденсатора были доставлены в Москву благополучно. (Сегодня один из них хранится в фондах ГММ).

Маяковский был очень внимательным, он не мог отказать в просьбе своим знакомым и друзьям, которые порой давали ему массу поручений.

Так однажды произошло и с А. Родченко. Он попросил своего знакомого купить ему в Париже новый фотоувеличитель. Тот купил его и не захотел везти в Москву, оставив

Дорожный утюжок, привезенный В. Маяковским в подарок Л. Брик из Америки. Публикуется впервые. Государственный литературный музей.

в нашем посольстве, где он пролежал целый год. И вот когда Владимир Маяковский ехал за границу, Родченко попросил его на обратном пути захватить фотоувеличитель в Москву.

Как рассказывал А. Родченко, после приезда Владимир Владимирович позвонил ему и сказал: «Иди, получай, привез, но замучился с этим увеличителем. Он такой тяжелый».

Когда Александр Михайлович увидел этот увеличитель, он все понял. Ему стало неловко, что он заставил поэта тащить такую тяжелую и громоздкую вещь.

Из каждой поездки Владимир Владимирович обязательно привозил подарки для своих друзей и близких.

Нато Вачнадзе вспоминала, как однажды она встретила с В. Маяковским в Берлине и он попросил ее помочь выбрать ему подарки. Половине Москвы, по его словам, он должен был что-нибудь привезти. В то время были специальные магазины подарков. Задача могла казаться нетрудной, но Маяковский каждому хотел выбрать что-нибудь соответствующее его характеру.

Поэт размышлял вслух: «Этой надо что-нибудь повеселее, – говорил он, – она девушка. А что касается той вот, – говорил он, – то надо всерьез обсудить, что ей повезти, она ведь семейная, и не просто семейная, а с Кавказа». По вещам, которые выбирал Маяковский, можно было создать себе довольно ясное представление о тех, кому они предназначались.

Владимир Владимирович все время старался окружить заботой мать, Александру Алексеевну, и сестер.

Из заграничных командировок он привозил им подарки с учетом их интересов. Маме – красивый сервиз (он и сегодня стоит в квартире в Студенечком переулке), сестре Ольге, игравшей в любительских спектаклях, из Мексики привез кастаньеты, старшей сестре, художнице Людмиле, из Германии – коробку акварельных красок и красивую кожаную пудреницу на молнии. (Эти подарки можно увидеть в экспозиции ГММ).

Л.Ю. Брик из Мексики привез пестрые коврики и коробку гаванских сигарет всех цветов, чтобы подходили ко всем ее нарядам (в то время Лиля Юрьевна курила).

Себе Владимир Маяковский покупал самое необходимое. Как вспоминали современники, в основном все деньги он тратил на подарки друзьям и знакомым. Его чемоданы были до отказа набиты книгами и подарками.

1926 год. Владимир Маяковский только вернулся из Америки. На одном из выступлений слушатели доклада поэта «Мое открытие Америки» прислали ему записку такого содержания: «Вы одеты довольно демократично – не похожи на человека, побывавшего за границей. Обычно оттуда являются, как с картинки. Что это – оригинальничание или подделка под господствующую мораль?»⁷².

Действительно, поэт, уезжая в Америку, был очень стеснен в средствах. У него не было денег, чтобы купить приличное пальто. В Нью-Йорке он купил себе дешевую курточку с брезентовым верхом, отделанную внутри овечьим мехом и таким же меховым воротником.

Впоследствии Владимира Маяковского сфотографировал в Париже в этой куртке известный фотограф П. Шумов, и этот снимок стал очень популярен⁷³.

В. Маяковский любил добротные вещи. Поскольку он часто подвергался простудным заболеваниям, то нередко шутил: «Апрель называется... Разве это апрель? Гибну, как обезьяна, привезенная из тропиков».

Владимир Владимирович привез из Америки шерстяную домашнюю куртку в серо-голубую клетку, на пуговицах, которую очень любил и носил дома, в Гендриковом переулке. На одной из фотографий он запечатлен в куртке с собакой Булькой на руках.

Из Америки были привезены еще такие же две куртки, но другого цвета. Одна – в подарок О. Брику, другая для Л. Кулешова. А. Хохлова рассказывала мне,

В. Маяковский. Париж. 1925 год. Фото П. Шумова. ГММ.

В. Маяковский признается, что на обратную дорогу денег с трудом удалось наскрести. Если в Америку он ехал в первом классе, то обратно – в совершенно других условиях:

Я в худшей каюте
из всех кают –
всю ночь надо мною
ногами куют.
Всю ночь,
покой потолка возмутив,

что Л. Кулешов носил эту куртку очень долго.

Вообще, выбирая подарки, В. Маяковский всегда учитывал интересы и вкусы того или иного человека. Так, Льву Кулешову он привез из какой-то очередной поездки небольшой красивый чемодан, учитывая, что жизнь кинорежиссера проходит большей частью в командировках. Для него же поэт купил бритву «Жилетт», которая в 1920-е годы, как и сегодня, пользовалась большим спросом. А. Хохлова говорила, что с этой бритвой А. Кулешов никогда не расставался. Даже когда появились электрические бритвы, он всегда возил с собой «Жилетт», ведь в те годы часто отключали электричество, а этой бритвой всегда можно было бриться. Пользовался ей Лев Владимирович, как и чемоданом, до конца жизни.

В. Маяковский в домашней клетчатой куртке с любимой собакой Булькой. Москва, 1926 год. ГММ.

несется танец,
стонет мотив:
«Маркита,
Маркита,
Маркита моя,
зачем ты,
Маркита,
не любишь меня...»⁷⁴

Спустя несколько месяцев поэт, объясняя, почему он не может уплатить подоходный налог, в письме в Мосфинотдел фининспектору 17-го участка 26 августа 1926 г. писал: «...Находясь в заграничных поездках, я не использую их в целях наживы от выступлений и лекций, я выступаю только по предложению наших полпредств или иностранных рабочих и партийных организаций – или бесплатно, или по расценкам, едва покрывающим организационные расходы»⁷⁵.

«...Я земной шар чуть не весь обошел...»,⁷⁶ – писал Маяковский. Действительно, значительная часть его жизни

проходила в лекционных поездках по городам Союза и за рубежом. Учитывая то, что Владимир Владимирович вообще любил ходить пешком, а от постоянного «передвижения» обувь быстро снашивалась, он предпочитал хорошую прочную обувь.

Маяковский тщательно следил за своим внешним видом. Его обувь всегда была начищена до зеркального блеска. Поэт Николай Асеев вспоминал, что, выходя утром из дома, Владимир Владимирович ежедневно останавливался на углу у одного и того же чистильщика сапог. Тот всегда оценивал клиента на своем языке: «Который человек ходит чистым местом, такой человек чистит сапоги, который ходит грязным местом, тот запускает сапоги!»⁷⁷.

В. Маяковского он считал образцовым клиентом. В.В. Полонская рассказывала, что Владимир Владимирович всегда пользовался рожком для обуви, но когда его не было под рукой, использовал вместо рожка свернутую газету. С детства у В. Маяковского была мечта об удобной обуви. Он всегда на кухне забивал гвозди, которые ранили ногу, пестиком или каким-то тяжелым предметом.

Я знаю –
гвоздь у меня в сапоге
кошмарней, чем фантазия у Гете!⁷⁸

Наверное, эти строки из поэмы «Облако в штанах» навеяны воспоминаниями детства.

После разлуки Гражданской войны «коммуновы лавки» были пусты, промышленность не могла так быстро наладить производство обуви и одежды. У Маяковского был большой размер обуви. Как обувь, так и костюмы с его ростом было невозможно купить в магазинах. Вот почему Владимир Владимирович имел своего сапожника и портного.

В период работы в «Окнах РОСТА» работали много, но и зарабатывали много. Жена художника М.М. Черемныхх Нина Александровна вспоминала, что М.М. Черемныхх, как и Владимир Владимирович, любил хорошо одеваться. Однажды Маяковский повел М.М. Черемныхх к своему сапожнику, где они заказали себе обувь. Когда Черемныхх пришел забирать свою обувь, сапожник жалобно сказал: «Вот не взял Владимир Владимирович ботинки – малы ему. А куда же я лодки такие дену?».

Проблема с обувью для Владимира Маяковского была постоянной. Вот почему, отправляясь в заграничные командировки, в свободное от выступлений время, поэт ходил в обувные магазины в поисках добротной дорогой обуви.

Голландский журналист Нико Рост вспоминает, как встретил В. Маяковского в Берлине случайно на Курфюрстендамм. Он сразу же отметил его в толпе: «Свободная, напоминающая боксера в стойке, его фигура была приметна среди пешеходов», – вспоминал Нико Рост. «Он шагал широко, раскачиваясь, как моряк на суше... Он быстро подошел ко мне, сильно пожал мне руку, так что я непроизвольно попытался поскорее высвободиться, и очень энергично сказал по-немецки: «Schuhe – kaufen» (Ботинки – покупать). Мы зашли в один из больших обувных магазинов, и я перевел продавцу желание поэта. Принесли десяток пар разнообразных туфель, но взгляд его не задержался ни на одной из них до тех пор, пока ему не показали пару невысоких темных спортивных ботинок на толстой двойной подошве. «Самые дорогие, – сказал продавец, – лучшее из того, что мы получили». Он заметил, как придирчиво и внимательно Маяковский выбирал обувь – в этом не было ничего нарочитого или высокомерного, он неизменно оставался добродушен и любезен. Выбрав темные спортивные ботинки на толстой подошве, он сразу же надел их и, когда мы вышли из магазина, сказал, показывая на свои прекрасные новые туфли: «Большие, дорогие и крепкие, как сама Россия». Тогда я инстинктивно понял, но до конца осознал значительно позже, что этот поэт любил Россию и свой народ больше всего на свете, что он всю свою жизнь писал, творил и боролся за то, чтобы все 150 миллионов имели такие ботинки, большие, хорошие и крепкие, как его Советская Россия»⁷⁹.

Единственная страна, где поиски обуви оказались безуспешными была Латвия. Как впоследствии Владимир Владимирович рассказывал, здесь невозможно было купить обувь, так как женщины носили очень большие размеры, а мужчины – маленькие.

Во время поездки в Америку Маяковский посетил русскую колонию. Не удивительно, что там его заинтересовал маленький обувной магазин. Русский эмигрант,

владелец магазина, обрадовался, что за три года пребывания в Америке впервые он увидел русского. Поэт напишет об этом в своем очерке «Мое открытие Америки»: «Владелец маленькой сапожной, усадив на низкий стул для примерок, демонстрировал фасоны башмаков... Меня перехватил бельещик, продал две рубашки по два доллара по себестоимости (один доллар – рубашка, один – дружба)»⁸⁰.

В одном из писем к Л.Ю. Брик из Парижа в 1924 г. Маяковский пишет: «Я постепенно одеваюсь под андреевским руководством и даже натер мозоль от примерок, но энтузиазма от этого дела не испытываю»⁸¹.

Возможно, тогда и были куплены Владимиром Маяковским знаменитые туфли фирмы «Вэстон».

Обувная фирма «Вэстон».

Обувная фирма «Вэстон» известна во всем мире. Она была основана в 1894 году Эдуардом Бланшаром. Марка «Вэстон» стала олицетворением стиля жизни и индивидуальности. Обувная мануфактура Э. Бланшара в Лиможе обеспечивала узкий круг состоятельных буржуа только в пределах Франции. В 1904 году его сын, Эжен Бланшар, едет в США на обучение к американским обувщикам, а с 1919 года возглавляет семейный бизнес.

В 1927 году фирма была переименована в J. M. WESTON (название происходит от города Вестон, где Эженом Бланшаром были приобретены профессиональный опыт и технология изготовления обуви. Происхождение инициалов «J.M.», как гласит легенда, – это признание молодого француза в любви к своему делу. (По-французски эти буквы читаются как j'aime, что означает «я люблю». j'aime WESTON – я люблю Вэстон). Главное в производстве обуви – это кожа. Здесь никогда не используют заменителей, подделок, имитаций. Обувь изготавливается только из телячьей, шевро, верблюжьей, страусиной, акужьей кожи, кожи кенгуру и других экзотических животных. Эти кожи хорошо носят и со временем покрываются благородной патиной.

Изготавливается обувь только вручную (нет места литью, склеиванию, автоматизации), используется только ручной шов. Кожа для подошвы вымачивается в специальном составе, затем дубится (на это уходят месяцы). В результате – кожа обретает необыкновенную прочность, сохраняя при этом всю свою эластичность и способность дышать. В настоящее время у фирмы имеются филиалы в Бордо, Лионе, Женеве, Нью-Йорке, Токио, Осаке... Туфли фирмы «Вэстон» стали знаком принадлежности к узкому кругу избранных, самые знаменитые модели воплощают свой уникальный стиль.

Туфли фирмы «Вэстон», купленные поэтом в Париже. Публикуется впервые. ГММ.

Сегодня обувь делают по индивидуальному заказу, в результате чего добиваются перчаточного облегающего стоп. Благодаря особому крою, обувь легко разбирается на составные части таким образом, что изношенные части могут быть заменены, что удлинит срок службы обуви. Среди почитателей фирмы есть такие, которые носят одну пару обуви не один десяток лет, заменяя верх, либо какие-то детали.

Писатель Лев Никулин вспоминал, что как-то при встрече с поэтом в Париже Владимир Владимирович с гордостью показал ему купленные им на бульваре Мользб туфли фирмы «Вестон». Вероятно, Маяковский знал технологию изготовления этой обуви. Он назвал их «вечной вещью» и с уважением постучал по стальным пластинкам. В его гардеробе было несколько пар туфель фирмы «Вестон». Провожая поэта в последний путь, многим современникам запомнились именно эти туфли с металлическими пластинами, выглядывавшие из гроба. Лев Никулин впоследствии писал: «Стоя у гроба, я долго смотрел на почти нестертые стальные пластинки, «вечную вещь». Она оказалась намного прочнее большого человеческого сердца...»⁸⁷.

Эта деталь запомнилась многим современникам. Вот что писала в своих воспоминаниях Юрико Миямото: «В бесконечно длинной очереди я прошла мимо гроба Маяковского. Вдруг я увидела нечто неожиданное. Из-под красного знамени торчали ботинки поэта. Самые обычные кожаные черные ботинки. Но меня поразили железные подковки, прибитые к подошвам больших простых ботинок. Обычно подковки прибывают к каблукам, чтобы обувь дольше носилась. А у Маяковского подковки были прибиты на кончики носков. Они были основательно стерты и блестели. Яркие лампы зала освещали красное знамя, покрывавшее тело Маяковского. Лампы ярко освещали также две маленькие стертые подковки на подошвах его ботинок. Хотелось бы знать сколько людей из тысяч, пришедших выразить соболезнование, обратило внимание на две маленькие подковки, которые как бы символизировали его жизнь»⁸⁸.

С этим трагическим днем связаны и воспоминания художника Н.Ф. Денисовского. Он принадлежал к ближайшему окружению Владимира Владимировича. В тот день он помогал в организации похорон поэта. Когда зашли в крематорий и установили гроб с телом Владимира Владимировича для кремации, поступило указание снять все металлические детали (имелись в виду те самые «подковки» на туфлях Маяковского). Н.Ф. Денисовский открепил металлические набойки и долгие годы хранил их у себя. Впоследствии, он передал в музей «подковку», снятую с каблука ботинок поэта, сегодня она хранится в фондах.

Все то, о чем писал Владимир Маяковский, он осмысливал на собственном опыте. Например, реклама галош:

«Без галош элегантнее» —
это ложь!
Вся элегантность от наших галош»⁸⁹.

Владимир Владимирович считал галоши рациональной вещью. У него были галоши, но носил он их крайне редко.

Так, Наталья Рябова, знакомая поэта, вспоминала, что в 1924 году В. Маяковский приехал с выступлением в Киев. Это был январь, она с подругой шла брать билеты на лекцию Владимира Владимировича. «Нас обогнал человек в черной барашковой куртке и очень новых галошах, — пишет Н. Рябова. Эти новые галоши мы сразу заметили и они привели нас в очень веселое настроение... В дальнейшие свои приезды в Киев Владимир Владимирович всегда сообщал мне, что купил новые галоши. И как будто даже один раз стоял за ними в очереди. Позднее я узнала, что Маяковский вообще никогда не носил галош. По каким-то причинам Маяковский был в галошах, когда я это заметила и об этом ему сказала. Дальше покупки новых галош при поездках в Киев превратились, по-видимому, в игру»⁸⁵.

Поэт Александр Жаров вспоминал: «Владимир Маяковский никогда не выделялся кричащими вещами. Он ничего лишнего себе из-за границы не привозил. Привез палку, с которой ходил. Башмаки у него были мягкие на большой подошве без каблука, он ему был не нужен.

Наоборот, мы с И. Уткиным были пижонами и когда мы попали за границу в 1928 году, то мы все-таки привезли какие-то вещи, которые возмущали окружающих, конечно, это была бестактность с нашей стороны. Мы привезли какие-то серебряные шарфы, галстуки, бросающиеся в глаза...

У Маяковского этого не было. Как-то И. Уткин ему говорит: «Что же вы, Владимир Владимирович, не привезли что-нибудь такое?» Тогда появились новые боты. А Маяковский отвечает: «Достаточно того, что я привез новый автомобиль»⁸⁶.

Маяковскому импонировал технический прогресс XX века: вечное перо, пишущая машинка и автомобиль. По его мнению, они должны стать самыми необходимыми вещами в жизни писателя. С большим вниманием следил Маяковский за развитием автомобилестроения в СССР и за рубежом.

25 мая 1925 г. поэт, собираясь в очередную поездку, пишет Л.Ю. Брик, которая находилась на даче в Сокольниках: «...беречь книги (мою автоколлекцию) и пополнять ее всеми вышедшими»⁸⁷.

В. Маяковский. Реклама галош. ГММ.

В 1925 году, находясь в Америке, Владимир Маяковский посетил Детройт и автомобильную империю Генри Форда. Еще до поездки Владимир Владимирович проштудировал книгу Форда, изданную в нашей стране в 1923 году (Г. Форд. Моя работа и жизнь. П. 1923). В очерке «Мое открытие Америки» одна из глав посвящена Детройту и автомобильной империи Г. Форда.

«...Фордизм – популярнейшее слово организаторов труда; о предприятии Форда говорят чуть ли не как о вещи, которую без всяких перемен можно перенести в социализм»,⁸⁸ – пишет В. Маяковский. Он приводит много цитат из книги, анализируя мысли Форда об автомобиле. «На фордовский завод я шел в большом волнении», – вспоминает Владимир Владимирович. Его первое впечатление о заводе: «На завод водят группами, человек по 50. Направление одно, раз навсегда. Впереди фордовец. Идут гуськом, не останавливаясь...»⁸⁹. «Пошли. Чистота вылизанная. Никто не останавливается ни на секунду»⁹⁰. Затем поэт описывает всю цепь производства автомобиля.

Маяковский не довольствуется увиденным с «парадного входа», его интересует другая сторона. Один из рабочих, работавший у Форда и уволившийся из-за туберкулеза, говорил Владимиру Владимировичу: «Это они парадную показывают, вот я бы повел вас в кузницы на Ривер, где половина работает в огне, а другая в грязи и воде»⁹¹. Уже вечером Маяковский беседует с рабочими коммунистической газеты Чикаго «Дейли Воркер», которые рассказали ему правду о тяжком изнурительном труде рабочих на заводе Форда. «В четыре часа я смотрел у фордовских ворот выходящую смену – пишет поэт, – люди валились в трамвай и тут же засыпали, обессиленные»⁹².

Владимира Владимировича поражает огромное количество автомобилей на улицах. «Не знаю, на сколько человек здесь приходится один автомобиль (кажется, на четыре), но я знаю, что на улицах их много больше, чем людей»⁹³.

Возвратившись из Америки, поэт привез альбом с фотографиями американских наиболее интересных зданий, большинство из них – это здания компании Генри Форда, офис и заводские помещения. Многие из фотографий, очевидно были вырезаны из журнала или буклета и приклеены в «самодельный» альбом (сейчас он хранится в фондах музея).

Как известно, Владимир Владимирович никогда не коллекционировал журналы, в его библиотеке было лишь то, что ему необходимо было для работы, те статьи, которые его интересовали. И если его интересовал какой-либо вопрос, он непременно старался постигнуть его сущность и не успокаивался до тех пор, пока не разобрался в нем досконально. В лубянской комнате В. Маяковского сохранились на книжных полках журналы «За рулем» №№ 1, 3, 4 – 1928 г., № 1 – 1929 г. Интересен сам перечень статей о развитии автомобилестроения, достаточно перечислить названия: «Первый советский легковой автомобиль «Нами I», «Будущее автомобильной промышленности в СССР», «Автомобильная война в Соединенных Штатах», «Новый автомобиль Форда», «Наше автомобильное хозяйство», «Каким должен быть современный автомобиль», «Компания Форда об автомобилизации», «Как строится советский автомобиль», «Какое значение для мировой

техники имеет постройка автомобиля-ракеты» и др. Статьи были иллюстрированы фотографиями и чертежами.

В фондах музея В. Маяковского хранятся интересные документы, никогда ранее не публиковавшиеся. Это документы ячейки «Автодор» (общества содействию автомобилизма и улучшению дорог в РСФСР), созданной при акционерном издательском обществе «Огонек»:

1. Пасовое свидетельство на сумму 10 рублей, выданное В. Маяковскому на коллективное владение автомобилем «Руссобалт» двигат. № 77/1375, принадлежащим ячейке (документ без даты).

2. Членский билет № 32992, выданный на имя В.В. Маяковского 20.XII.1928 г.

3. Квитанция № 34140, выданная на имя В.В. Маяковского 18.V.1929 г. об уплате членских взносов за 1928 год.

Ячейка „АВТОДОР“
при Акционерном Издательском Обществе **ОГОНЕК**

Пасовое свидетельство № _____
на сумму 10 (десять) рублей.

Настоящее свидетельство удостоверяет право тов. Малюковского
Владимира Владимировича
на коллективное владение автомобилем „Руссобалт“ двигат. № 77/1375, принадлежащим ячейке.

Пасовое свидетельство может быть передано другому лицу с разрешения Бюро ячейки.

В случае ухода со службы настоящее пасовое свидетельство может быть обменено на деньги за вычетом амортизационных %.

Председатель Бюро ячейки Вейсман
(подпись)

Секретарь Вейсман
(подпись)

Казначей Вейсман
(подпись)

Пасовое свидетельство ячейки «Автодор». ГММ.

«Автодор»

Из истории вопроса. (Историческая справка получена от зав. отделом испытаний, науки и техники журнала «За рулем» С.В. Канунникова).

АВТОДОР – общественная организация, созданная в 1920-х для содействия строительству дорог и развитию автомобильной промышленности (председатель – А.М. Лежава, печатный орган – журнал «За рулем»).

В так называемых первичных ячейках практиковалась покупка (на членские взносы, возможно, с помощью руководящих организаций) легковых автомобилей для коллективных близких и дальних путешествий (упоминание об этом – см. И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»). Видимо, предполагалось также, что каждый член первичной организации сможет по необходимости использовать автомобиль для своих нужд – разновидность проката. (Вероятнее всего, что В. Маяковский никогда не пользовался коллективным автомобилем, не в его манере было обращаться с просьбами. Но поскольку речь шла о строительстве автодорог, он не мог остаться в стороне. Этим и было продиктовано его вступление в «Автодор» (прим. автора).

По мнению Владимира Маяковского, поистине автомобиль был не предметом роскоши, а средством передвижения. В одном из писем мы находим интересное замечание Владимира Владимировича. 20 октября 1928 года он пишет Л. Брик из Парижа: «Раньше фабриканты делали авто, чтоб покупать картины, теперь художники пишут картины, только чтобы купить авто. Авто для них что угодно, только не способ передвижения. Но способ передвижения это все-таки незаменимый»⁹¹.

«РУССО-БАЛТ»

Автомобили «Руссо-Балт» выпускал в Риге «Руссо-Балтийский вагонный завод» (РБВЗ) с 1909 г. по 1915 г. Это было крупное многопрофильное предприятие, строившее в том числе железнодорожные вагоны и аэропланы (на РБВЗ одно время работал И. Сикорский). В 1915 году предприятие эвакуировали. Автомобильное отделение – в Петроград, где оно работало (капитально ремонтировало, а возможно, и собирало новые автомобили) примерно до 1918 года. Планировали начать производство автомобилей «Руссо-Балт» и в Москве, в Филях (сейчас на этом месте завод им. Хруничева). Но в Москве лишь в 1922 году построили 4–5 автомобилей марки БТАЗ-1 (Бронетанковый автозавод номер 1), фактически копирующих дореволюционные «Руссо-Балты».

Автомобили этой марки были самыми распространенными отечественными машинами (по разным оценкам: с 1909 г. по 1918 г. произвели 800–1100 машин) до революции 1917 г. Есть данные, что пару машин закупили для гаража последнего российского императора. Но большая часть автомобилей с 1912 года поступила в армию.

До наших дней сохранились лишь два «Руссо-Балта». Пожарный на шасси модели М (экспонируется в рижском Мотор-музее) можно считать реконструкцией, поскольку оригинальных деталей у машины совсем немного.

В Политехническом музее в Москве есть «Руссо-Балт К 12/24» 1911 года, найденный в приличном (комплектном) состоянии в середине 1960-х в Кимрах и профессионально отреставрированный тогда же.

Интересно, что исследователи истории РБВЗ (а это «лакомая» тема для всех, кто интересуется развитием отечественного автомобилестроения) никогда не поминали марку в связи с В. Маяковским.

В 1927 году Лев Кулешов купил себе спортивный «Форд» за гонорар, полученный от издания своей книги в Америке. Его приезд на дачу в Пушкино на «Форде» вызвал огромный интерес Владимира Владимировича. С тех пор автомобиль стал предметом разговоров Л.Ю. Брик и В. Маяковского. Решено было купить автомобиль.

Кулешов принес каталоги автомобильных фирм – «Рено», «Ситроен», «Форд». По цене решили остановиться на «Рено». Рассчитывать можно было только на зарубежные гонорары, так как копить деньги Владимир Владимирович не умел. Вскоре Маяковский уехал в Париж, где вел переговоры с кинорежиссером Рене Клером о постановке фильма по своему сценарию «Идеал и одеяло». (Как утверждали исследователи, очевидно, сценарий предназначался для звукового кино, которое начинало развиваться в конце двадцатых годов во Франции). В своем сообщении Л. Брик 29 октября 1928 года поэт телеграфировал: «Веду сценарные переговоры с Рене Клером. Если доведу, машина, надеюсь будет...»⁹⁵. Переписка В. Маяковского и Л. Брик этого периода полна обсуждений этой, ставшей насущной, проблемы. 14 октября 1928 г. Л. Брик пишет В. Маяковскому: «Про машину не забудь то-есть 1) предохранители спереди и сзади, 2) добавочный прожектор сбоку, 3) электрическую пищалку для переднего стекла, 4) фонарик сзади с надписью «Stop», 5) обязательно стрелки электрические, показывающие, куда поворачивает машина, 6) теплую попонку, чтобы не замерзла вода, 7) не забудь про чемодан и два добавочных колеса сзади. Про часы с недельным заводом. Цвет и форму (закрытую...открытую) на твой и Эличкин вкус. Только чтобы не была похожа на такси. Лучше всего Buick или Renault. Только не Amilcar! Завтра утром начинаю учиться управлять»⁹⁶.

Маяковский писал, что с гонорарами пока плохо. «Ввиду сего на машины пока только облизываюсь – смотрел специально салон». 28 октября 1928 г. Л. Брик – В. Маяковскому: «Щеник! У-УУ-УУУ-УУУУ!!! Волосит! Уууууу-у-у!!! неужели не будет автомобильчита. А я так замечательно научилась ездить!!!»⁹⁷.

Л.Ю. Брик пошла на курсы вождения и вскоре освоила это тогда не женское ремесло. Удостоверение на право вождения автомобилем ей было выдано за №10307 от 18 июня 1929 г.⁹⁸.

И вот 10 ноября 1928 года пришло долгожданное сообщение: «Покупаю «Рено», красавец серой масти 6 сил 4 цилиндра, кондуит интерьер. Двенадцатого декабря поедет в Москву...»⁹⁹.

Из письма В. Маяковского 12 ноября 1928 г. Л. Брик: «...Я задержался с этим письмом, так как телеграфировал тебе «покупаю» и все еще не перевел в прошедшее время «купил», но сейчас, кажется, уже ничего не помешает и денежков с помощью добрых душ на свете я наскребу и назаработаю. ...Я просил сделать серенький, сказали если успеют, а то темно-синий. Пробуду в Париже немного чтоб самому принять машинку с завода, упаковать и послать, а то закантителся на месяцы...»¹⁰⁰.

Вместе с Маяковским в автосалон ходила Татьяна Яковлева, с которой у поэта в это время был роман. Она помогала ему выбрать цвет автомобиля. Красавец «Рено» снизу, до пояса, был светло-серого цвета, а верхняя часть и крылья – черные. Мечта сбылась.

Вероятно, владельцем «Рено» Владимир Маяковский стал 10 апреля 1929 г., о чем свидетельствует справка о покупке автомобиля, хранящаяся в рукописном

фонде музея. Поставили «Реношку» в Гендриковом переулке, 15/13, где за домом был сарай, ставший теперь для автомашины гаражом.

Поскольку Маяковский не водил автомобиль, то прибегли к услугам шофера В.И. Гамазина (в прошлом таксиста) и А.К. Афанасьева, шофера-инструктора. Несмотря на то, что машина была зарегистрирована на Владимира Маяковского, в основном ездил на ней Л.Ю. Брик. Она сама водила машину. Впоследствии она вспоминала: «Я, кажется, была единственной москвичкой за рулем, кроме меня управляла машиной только жена французского посла. Мостовые были в ужасающем состоянии, но ездить было легко, так как транспорта было мало»¹⁰¹.

Когда Маяковскому нужна была машина, он брал одного из шоферов и ездил по делам.

Журналист И. Березарк вспоминал: «Тогда личная машина была редкостью. В. Маяковский любил катать товарищей. Я ездил на этой машине неоднократно. Из Дома Печати машина Маяковского обычно ехала переполненной. Он всех развозил по домам, только ставил одно условие – уступать место женщинам. При мне он высадил одного, который не считал нужным соблюсти это условие»¹⁰².

Покупая машину, еще находясь во Франции, поэт переживал, как москвичи воспримут известие о покупке им «Рено», скажут обуржуазился. Он по этому поводу разговаривал в посольстве с нашим послом Довгалеvским. Вероятно, предвидя нежелательные разговоры, Владимир Владимирович уже тогда задумал написать стихотворение «Ответ на будущие сплетни». И Маяковский оказался прав в своих предположениях.

Покупка автомобиля вызвала зависть и кривотолки. Художник Н. Денисовский рассказывал мне, что как-то при встрече с Маяковским Демьян Бедный не преминул уколоть поэта: «Что обуржуазился, купил автомобиль?». На что Владимир Владимирович ответил: «А что, на казенных ездить лучше?». Известно, что у Маяковского и Демьяна Бедного были очень натянутые отношения. Д. Бедный завидовал славе поэта и это чувство сохранил до самой смерти В. Маяковского.

Вскоре в журнале «За рулем» №1 за 1929 год появляется стихотворение поэта «Ответ на будущие сплетни»:

«Рено» В. Маяковского. Фото А. Родченко. Москва, 1929 год. ГММ.

Москва
 меня
 обступает, сияя,
 до шепота
 голос понижен:
 «Скажите,
 правда ль,
 что вы
 для себя
 авто
 купили в Париже?»¹⁰³

Маяковский, как азартнейший человек, получавший от скорости огромное удовольствие, с восторгом отвечает:

Две тыщи шестьсот
 бессоннейших строк
 в руле,
 в рессорах
 и в спицах.
 И мчишься,
 и пишешь,
 и лучше чем в кресле.
 Напрасно
 завистники злятся.

* * *

Не избежать мне
 сплетни дрянной.
 Ну что ж,
 простите, пожалуйста,
 что я
 из Парижа
 привез Рено,
 а не духи
 и не галстук¹⁰⁴.

В те годы автомобиль в Москве был большой редкостью. По улицам ездили извозчики, которые при виде авто испуганно шарахались в стороны.

Поэт Александр Жаров рассказывал мне: «Владимир Владимирович был первым, он раньше меня стал автомобилистом.

Я тоже завязанный автомобилист, но я им стал в 1930 году. А Маяковский был очень смешным автомобилистом. Он за руль садиться не мог и не пытался,

у него был шофер. Я однажды наблюдал, как Маяковский в Столешниковом переулке что-то покупал и потом садился в машину. Это была крохотная машинка «Рено», она для него была так неудобна, он еле в нее поместился. Но, тем не менее, он гордился, что у него есть автомобиль, примета современности и знак будущего. Он открыл дорогу писателям к автомобилю. По этой дороге первыми пошли, по-моему, Киршон, Афиногенов и я. Но я насильно был сделан автомобилистом.

Приехал в Москву, кажется, в 1930 году, Генри Форд из Америки, богатейший человек и бизнесмен. А я в те годы дружил с В. Куйбышевым. Дело в том, что В. Куйбышев писал стихи, и я ему в этом помогал, то есть он меня считал в этом плане своим учителем, была у нас с ним такая дружба, насколько это возможно. Однажды я приехал к нему на дачу в Красково, и В. Куйбышев заставил меня принять от него подарок Генри Форда – машину «Форд». Поскольку В. Куйбышев был членом Политбюро и у него была машина «Бьюик», то «Форд» для него был непрестижной машиной и он решил подарить ее мне. Он сказал: «Почему бы нам не сделать так, чтобы наши писатели были первыми и в этом начинании, в отношении быта»... Я говорю: «А что я буду делать с этой машиной?». В. Куйбышев прикрепил ко мне шофера, потому что тогда не было возможности все это оформить официально. Шофер получал зарплату в «Известиях», а я эту зарплату погашал тем, что писал туда много стихов и публицистики. Вот так я стал автомобилистом. У меня сохранилась заметка той поры в одной из газет, где были опубликованы все 18 фамилий первых владельцев автомобилей и я в их числе. Это заметка, кажется, 1930 года. В этом списке была и фамилия Маяковского»¹⁰⁵.

Из истории

В марте 1929 года в газетах был опубликован приказ № 498 Председателя ВСНХ – Высшего Совета Народного Хозяйства В. Куйбышева о строительстве автомобильного завода на 100 тысяч машин в год. Многие тогда не верили, что в России будет воздвигнут такой завод-гигант. В августе 1929 года в Москву прибыли представители «Форд Моторс Компани» во главе с главным инженером компании Соренсеном. В конце 1920-х годов в СССР объем производства отечественных автомобилей был слишком мал. На закупку иномарок средств не было, нужны были собственные заводы. Для эксплуатации в СССР больше подходили американские автомобили, так как они были прочными и надежными. Для этого необходимо было покупать технологию, т. е. – целый завод, что позволяло бы делать добротные и недорогие машины. Вел переговоры с Генри Фордом – автомобильным королем США. Он согласился построить автомобильный завод в России. 30 миллионов долларов, которые он получил от СССР, помогли его компании удержаться во время Великой депрессии. 31 мая 1929 года зам. председателя ВСНХ В. Межлаук и председатель «Амторга» (фирмы, занимающейся советскими экспортно-импортными операциями в США) Брон подписали договор о сотрудничестве с Г. Фордом. Согласно договору, предусматривался обмен технической информацией в течение 9 лет и поставка деталей для сборки 72 тысяч машин. Для постройки автомобильного завода выбрали Нижний Новгород. Так зарождался «Детройт» в России. (Справка получена от зав. отделом испытаний, науки и техники журнала «За рулем» С.В. Канунникова).

После смерти Владимира Маяковского машина «Рено» оставалась в семье Бриков. В связи с переездом Л.Ю. Брик в декабре 1930 г. в Свердловск, к новому месту службы В.М. Примакова, автомобиль «Рено» остался у О.М. Брика. На нем никто не ездил и возник вопрос о его продаже. Как свидетельствует переписка Бриков, опубликованная в книге А. Валоженича: «Лиля Брик – жена командира. 1930–1937», заниматься продажей «Рено» Л. Брик поручила Льву Гринкругу. В октябре 1931 года он сообщил Л.Ю. Брик телеграммой, что автомобиль продан. Из переписки неизвестно, кому был продан «Рено».

В 1984 году музей предпринял попытку поиска автомашины «Рено». Было написано письмо в Управление ГАИ ГУВД Мосгорисполкома. Начальник Управления ГАИ ГУВД Мосгорисполкома М.М. Шурыгин ответил, что в целях установления местонахождения автомашины «Рено» была проведена проверка по учетным данным центральной картотеки Управления ГАИ и автоматизированной системе, однако, положительных результатов проверка не дала. Одновременно к розыску данной автомашины был подключен совет ветеранов Управления ГАИ (письмо за № 45/3410 от 30.X.1984 г.), но «Рено» так и не был найден. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Маяковского всегда интересовало все новое, рациональное в производстве бытовых вещей и технике, новинки тут же приобретались. Например, печатная машинка «Remington», авторучки.

В одном из стихотворений Владимир Маяковский, говоря о будущем, напишет:

Вырастет
 машинный город,
выберемся
 из нищей запarki –
и будет
 у писателя
 свой «форд»,
свой «ундервуд»
 и «паркер»¹⁰⁶.

Авторучки были тогда «знаком времени». Вот почему в стихотворении «Разговор с фининспектором о поэзии» поэт писал: «Вот вам, товарищи, мое стило и можете писать сами...»¹⁰⁷ Авторучки для Владимира Маяковского были прежде всего орудием труда и особым предметом гордости. Он носил их всегда в наружном кармане пиджака, что иногда вызывало вопросы у современников. Однажды Лев Кассиль, увидев у Маяковского в кармане пиджака авторучку, спросил: «Почему ты носишь ее, как делопроизводитель?» На что поэт ответил: «Внутрь лезть далеко»¹⁰⁸.

В то время авторучки были большой редкостью и порой вызывали зависть современников. Как вспоминал Николай Асеев, «некто из людей проходного значения в литературе» как-то похвастался В. Маяковскому новенькой авторучкой: «Вот, посмотрите, Владимир Владимирович, ручку! Правда, хороша? Это мне Де-

Дочь В. Маяковского Хелен-Патриция Томпсон. Фото Н. Лаврентьева. Москва. 1992 год.

мьян Бедный подарил!». Маяковский взял ручку, внимательно ее осмотрел и сказал, как бы с грустью и завистью: – «Счастливы вы! Вот вам Демьян Бедный ручки дарит. А мне кто же подарит? Шекспир умер»¹⁰⁹.

Художник В.О. Роскин также рассказывал об одном курьезном случае:

«Приехав из Америки, Владимир Владимирович привез себе и в подарок художнику А.С. Левину замечательные авторучки «Паркер», толстые ярко-оранжевого цвета. Тогда это была новинка. Маяковский ею работал, носил всегда с собой, но вскоре где-то в редакции ее потерял и был вне себя. Позвонил А.С. Левину и просил подарить обратно или обменять на другой подарок эту вторую ручку. Но Левин возразил, что он ценит этот подарок и не хочет с ним расставаться. Маяковский не мог успокоиться, несколько раз безрезультатно возобновлял свою просьбу. Однажды мы шли втроем в Дом Печати, где Владимир Владимирович должен был выступать

и перед входом в клуб он начал просить Левина: «Подари ручку обратно, сделаю все, что хочешь, но без ручки не могу жить!». Левин посмотрел на него и сказал: «Так просто не отдам, а вот если ты на эстраде, при всем честном народе, передо мной встанешь на колени, тогда отдам твой «Паркер». Зал был переполнен, Владимир Владимирович вышел на эстраду и к удивлению всей публики тут же перед выступлением встал на колени и умоляюще попросил ручку. Конечно, А.С. Левин, растроганный и смущенный, отдал ручку обратно. Они всегда выполняли поставленные условия»¹¹⁰.

Однажды, расспрашивая В.В. Полонскую о мемориальных вещах, я услышала от нее не менее интересный рассказ. Как-то, придя к Владимиру Маяковскому на Лубянку, она обратила внимание на массивную авторучку, лежавшую на письменном столе. На ее вопрос, откуда она, поэт ответил: «Эту ручку мне подарила дочка». (Возможно, этот подарок, авторучку фирмы «Montblanc», поэт получил во время встречи с Элли Джонс в Ницце в октябре 1928 года, куда она привозила дочь Маяковского, маленькую Элли).

Эта авторучка действительно не была похожа на другие. Золотое перо задвигалось вовнутрь и выдвигалось легким вращением корпуса верхней части. Сам колпачок в верхней части опоясан двумя кольцами в виде металлической змейки, головка которой образует зажим, с помощью которого авторучка прикреплялась

к карману пиджака. Головка и туловище змейки с гравировкой под змеиную кожу. Эту ручку Маяковский бережно хранил, и сейчас она является одним из экспонатов музея. Как известно, черновики своих стихов поэт писал в записных книжках карандашом, но беловые автографы всегда были написаны авторучкой. В Литературном музее хранится еще одна авторучка фирмы «Паркер» желтого цвета с инициалами поэта на корпусе. Она была привезена из Америки (такая же авторучка была подарена Владимиром Владимировичем Валерию Горожанину).

Из истории фирмы «Паркер»

Джордж Сэффорд Паркер, учитель телеграфного дела в США в 1888 г. основал компанию и стал заниматься предпринимательством. Он приступил к разработке ручки с автоматической подачей чернил.

В 1899 г. была создана первая бесстыжковая ручка. В конструкции не было резьбовых соединений, которые могли поломаться и через которые могли происходить протечки чернил. Жизненно важные части перьевой ручки были заключены в гильзу.

В 1904 г. разработана первая механическая система набора чернил в виде практичного резинового мешочка.

В 1905–1921 гг. разработана новая ручка большого размера, снабженная сдвижным колпачком и плавным бесступенчатым сечением.

В 1921 г. выпущена новая эффектная ручка с ярко-оранжевым прочным корпусом, щегольская, символизирующая все, что означало «революция двадцатые». Это была самая дорогая ручка, стоившая 7\$. Она оказалась самой ходовой ручкой 1920-х годов. (Именно такую ручку купил себе В. Маяковский в Америке, прим. автора). Джакомо Пуччини написал ручкой Паркера свою знаменитую оперу «Богема».

К. Дойль писал в 1922 г. в фирму, что он наконец «встретил родственную душу среди ручек».

В 1923 г. В Торонто (Канада) была учреждена первая дочерняя компания Parker.

В 1924 г. была учреждена дистрибьютерская компания. Отсюда ручки, производимые в Канаде, распределялись по всей Европе.

В 1945 г., 7 мая, был составлен Акт о капитуляции Германии во II Мировой войне. Он был подписан двумя ручками Parker-«51», которые принадлежали Д. Эйзенхауэру.

При подписании исторических договоров главы ведущих европейских стран всегда пользуются только ручками Parker. Это стало принято в мировой практике. В 1991 г. Дж. Буш и М.С. Горбачев подписали договор о сокращении стратегических вооружений ручкой с золотым покрытием 22К, увенчанной сапфировой звездой. В 1993 г. Дж. Буш и Б.Н. Ельцин в Сочи подписали договор Стар-2 также ручкой Parker.

Авторучка Маяковского «Parker» с инициалами «WM». Государственный литературный музей.

Авторучки В. Маяковскому часто дарили, зная его «слабость». Фрэнсин, дочь Татьяны Яковлевой, рассказывала мне, что поэт получил в Париже, в подарок от ее матери, авторучку фирмы «Ватерман». В одном из писем к Татьяне Яковле-

вой 24 декабря 1928 года В. Маяковский писал: «Мы (твой Waterman и я) написали новую пьесу. Читали ее Мейерхольду. Писали по 20 суточных часов. Без питей и ед. Голова у меня от такой работы вспухлая (даже кепка на налазит)... Сам еще и выценить не могу, как вышло, а прочих мнений не шлю – во избежании упреков в рекламе и из гипертрофированного чувства природной скромности. (Кажется все-таки себя расхвалил? Ничего. Заслуживаю). Работаю как бык – наклонив морду с красными глазами над письменным столом. Даже глаза сдали и я в очках!»¹¹¹.

Из истории компании «Waterman»

Автоматическая ручка компании «Waterman» была изобретена 45-летним брокером по страхованию Льюисом Эдсоном Ватерманом.

С 1883 г. он начал делать ручки, а в 1884 г. он получил первый патент на изобретение в Нью-Йорке. В 1886 г. выходят его первые ручки с «нарезкой».

В 1888 г. его компания получает название «L.E. WATERMAN COMPANY» и в 1889 году Ватерман получает бронзовую медаль на Всемирной выставке в Париже за первую авторучку. Компания демонстрирует постоянный поиск, меняя дизайн выпускаемых авторучек, совершенствуя пишущие узлы.

В 1900 г. Ватерман удостоен серебряной медали, а компания в целом – золотой медали за совершенное качество продукции.

В 1907 г. выпущена первая безопасная ручка, защищенная от какого-либо протекания.

Ручками этой фирмы пользовались: Ллойд Джордж, королева Великобритании, король Бельгии, Румынская королева, император Китая.

В 1926 г. ручки выпускаются во Франции. С 1929 г. увеличился размер ручек. Фирма постоянно работала над стилем и дизайном автоматических ручек. Отделка под мрамор, украшенный золотом козачок – все это было свидетельством нового стилизового оформления.

В 1954 г. компания в Америке прекращает свое существование. С этих пор ручки выпускаются во Франции.

В 1993 г. компания отметила свое 100-летие.

Сегодня компания продает свои ручки по всему миру. Все виды продукции производятся на фабрике в Нанте.

Таким же «знаком времени» в начале 1920-х годов были пишущие машинки. У нас в стране они не продавались и достать их практически было невозможно. Единственная организация – «Международная книга» имела право выписывать из-за границы пишущие машинки и распределяла их между писателями. Н.Н. Накоряков в 1925 году был назначен директором объединения «Международная книга». В своих воспоминаниях он рассказал об интересном случае, произошедшем с Демьяном Бедным. На одном из первых заседаний «Международной книги» к Н.Н. Накорякову подошел Демьян Бедный, но не смог с ним поговорить, так как тот был занят. Дело в том, что бывший директор «Международной книги» отказал Демьяну Бедному в продаже нового «Ундервуда» и продал ему старый. Как известно, Д. Бедный никогда не писал стихи от руки, а всегда печатал на машинке. Можно себе представить негодование Д. Бедного по поводу старого «Ундервуда». Он был страшно возмущен поступком старого директора и, поскольку не смог по этому вопросу поговорить с Н.Н. Накоряковым, вручил ему записку в стихотворной форме:

Приветствую тебя на
первом заседании.
Зачем я приходил,
узнаешь при свиданье.
Да, милый друже, твой
предшественник был худ:
Продал мне скверный
«Ундервуд»,
Д. Бедный¹¹².

Через неделю просьба Д. Бедного была удовлетворена и он получил новую машинку.

В отличие от Демьяна Бедного, Владимир Маяковский, как мы знаем, всегда писал стихи в записную книжку. Его черновики также были написаны от руки. Поскольку В. Маяковский не любил обращаться с просьбами, то, находясь в Америке, в 1925 г. купил себе портативный «Ремингтон», последнюю техническую новинку, мечту многих писателей.

Жизнь –
концерт.
Изящно,
тонно
стукай
в буквы «Ремингтона».

«Ремингтон»
и не машина,
если
меньше от аршина?¹¹³

С таким восторгом напишет Владимир Владимирович об этой машинке. Когда же появились портативные машинки? Зав. отделом Политехнического музея Г.Г. Мерцалова сообщила мне, что привезенная Маяковским из Америки печатная машинка «Remington» была одной из первых портативных машинок, выпущенных за рубежом. Возможно, она была с русским шрифтом. Как известно, западные фирмы очень дорожили своими покупателями, вот почему еще до революции стали выпускать машинки с разными шрифтами: английским, немецким, французским, японским, в том числе и русским.

В связи с тем что в начале XX века пишущие машинки в нашей стране не производились, а также отсутствовали запасные части к ним, на рынках образовался огромный спрос на запасные части и русские шрифты. Необходимо было наладить производство русских шрифтов. Постепенно начали открываться торговые

фирмы по производству и замене одних шрифтов на другие, а также по ремонту пишущих машинок. Просматривая каталоги таких фирм, я обнаружила, что одна из фирм – «Братья Долгопятовы» – располагалась недалеко от дома Владимира Маяковского, на ул. Мясницкая, дом 1. Фирма называлась «Пишущие машинки, арифмометры, запасные части и принадлежности». Владимир Владимирович мог обращаться в эту фирму, если возникали какие-либо поломки или необходимо было заменить какую-то деталь.

Сам Маяковский на машинке не печатал. Какое-то время пишущая машинка стояла на книжной полке в столовой в квартире поэта в Гендриковом переулке, затем он перевез ее в Лубянский проезд. Соседка Владимира Владимировича по коммунальной квартире на Лубянке 16-летняя Люся Татарийская, которая в то время училась в школе, по его просьбе научилась печатать и в последние годы печатала «Клопа», «Баню», «Во весь голос» и другие произведения.

Без машин
поэтам
туго.
Жизнь поэта
однорука.
Пишет перышком,
не хитр.
Машинистка,
плюнь на ругань, –
как работнице
и другу
на
тебе
мои стихи!¹¹⁴

Так писал Владимир Маяковский в стихотворении «Товарищу машинистке». Л. Татарийская об этом периоде вспоминала: «Как-то Владимир Владимирович закончил какое-то произведение. Ему, видно, нужно было его быстро переписать, он зашел к нам и сказал мне: «Товарищ Люся (так он меня называл), я бы очень хотел, чтобы вы научились писать на машинке. Мне это было бы очень удобно».

Мои родители приобрели машинку и я стала учиться работать на ней. Через некоторое время Владимир Владимирович стал давать мне переписывать свои произведения. Первое время я, конечно, писала медленно и делала много ошибок. Почерк у Маяковского был далеко не каллиграфический. Я часто не разбирала и писала совсем другое. Помню, с какой терпеливостью он объяснял мне, как нужно вникать в «дебри» его почерка и не пропускать слов. Владимир Владимирович не давал мне почувствовать, что недоволен моей работой, хотя я понимала, что она ему не нравится. Он никогда не возмущался и не делал мне замечаний в резкой форме... И как я была рада, когда он однажды сказал: – Ну теперь вы меня хоро-

Портативная машинка «Ремингтон»,
привезенная поэтом из Америки
в 1925 году. ГММ.

шо разбираете. – И в шутку заметил: – Скоро я назову вас своим соавтором.

...Ему всегда хотелось, чтобы его новое сочинение было переписано на машинке сразу же. Бывало, принесет рукопись, уйдет, а через несколько минут входит и спрашивает: «Еще не готово?»¹¹⁵

Пишущая машинка «Ремингтон» после смерти поэта осталась у Бриков. Как известно, О.М. Брик не писал от руки, а печатал на машинке. Он пользовался «Ремингтоном» до 1945 года. В музей пишущая машинка была передана Л. Брик в январе 1948 г. В настоящее время она находится в экспозиции музея В.В. Маяковского.

После Великой Октябрьской революции и Гражданской войны в нашей стране невозможно было быстро изменить облик легкой промышленности. Это был долгий и трудный процесс перестройки.

Не удивительно, что даже поиск хороших мужских носков в коммуновых лавках вызывал бесконечное раздражение поэта, а одно из стихотворений так и называлось «Поиски носков».

Уже в самом названии поставлена проблема, казалось бы, мелкая, будничная. С каким порой юмором и вместе с тем с каким чувством горечи описывает свои хождения по магазинам в поисках носков Владимир Владимирович:

В сердце
 будто
 заноза ввинчена.
Я
 разомлел,
 обдряб
 и раскис...
Выражаясь прозаично –
у меня
 продрались
 все носки.
Кому
 хороший носок не лаком?
Нога
 в хорошем
 красива и броска.

И я
иду
по коммуновым лавкам
в поисках
потребного носка.
Одни носки
ядовиты и злы,
стрелки
посажены
косо,
и в ногу
сучки,
задоринки
и узлы
впиваются
из фельдекоса.
Вторые –
для таксы.
Фасон не хитрый:
растопыренные и коротенькие.
У носка
у этого
цвет
панихиды
по горячо любимой тетеньке.
Третьи
соперничают
с Волгой-рекой –
глубже
волжской воды.
По горло
влезешь
в носки-трико –
подвязывай
их
под кадык.
Четвертый носок
ценой раззор
и так
расчерчен квадратно,
что, раз
взглянув
на этот узор,

лошадь
 потупит
 испуганный взор,
 заржет
 и попытается обратно.
 Ладно,
 вот этот
 носок что надо.
 Носок
 на ногу натяливается,
 и сразу
 из носка
 вылазит анфилада
 средних,
 больших
 и маленьких пальцев¹¹⁶.

С первого взгляда кажется, что это мелкая проблема, однако, у Маяковского она перерастает в глобальный вопрос: о качестве производимой продукции в госпредприятиях. Поэт восклицает:

Иные
 причины
 моей тоски:
 я страдаю...
 Дашь,
 госорганы,
 прочные,
 впору,
 красивые носки!¹¹⁷

Поэт мечтал о тех временах, когда наша промышленность будет выпускать качественные носки.

Владимир Маяковский был чрезвычайно аккуратен. Людмила Маяковская вспоминала: «Мы знали, что он никогда не надевал белье, если на нем хоть маленькая дырочка была: прежде просматривал, не рвется ли, не тянется, и когда убеждался, что все достаточно крепкое, то надевал. Мы все – и я, и Оля, и мама – бывали у него на Лубянке. Но чаще всех Оля. Мы жили по-прежнему на Большой Пресне, в доме № 44. Ходить приходилось чаще всего пешком. А Оля работала на Главном Почтамте. Она часто заходила к нему. Брала у него одежду, белье, мама чинила, штопала, и Оля опять приносила. Иногда Володя сам отнес и просил маму сделать ему что-нибудь, при этом он всегда обращался к ней очень ласково: – Мамочка, если не трудно, если вы не заняты, то сделайте,

пожалуйста, мне вот это. Простую починку он сам делал, а если более сложная требовалась, то маму просил»¹¹⁸.

В мемориальном фонде хранятся несколько пар носков Владимира Владимировича. Некоторые из них заштопаны, возможно, его рукой, наспех, черными нитками через край.

Есть еще несколько пар красивых тонких фильдеперсовых носков. Одни – гладкие, другие – с вышитыми по бокам белыми тонкими нитками-стрелками в виде стилизованной ветки с листьями. Цвет носков – спокойный, светло-серый, другие – серые с бежевым оттенком. Носки – тонкие, машинной вязки, очевидно, привезенные из-за границы.

После революции в России никакой моды не существовало. Носили то, что осталось от лучших времен (до 1914–1915 гг., т. е. до начала I Мировой войны). Массовое производство одежды было настолько разлажено, что люди либо сами перелицовывали свою одежду, либо при помощи портных (к чему прибегал и В. Маяковский). Создание «Москвошвей» не улучшило положение дел. Его продукция была низкого качества, без фантазии, серая, тусклая. «Москвошвей» стал синонимом некрасивой и некачественной одежды. К этому вопросу В. Маяковский обращался неоднократно в своих произведениях.

Многие стихотворения Владимира Маяковского посвящены проблемам современной моды. Так, в одном из стихотворений он ставит вопрос о молодежной моде. В нем рассказывается, как в 1917 году «у мадам реквизнули шубку из котика»¹¹⁹, затем, в ожидании Колчака, она продала свое манто, затем жакет на толкучке, сносила туфли. Настало время одеваться дочке, а мода-то не изменилась... Дочка-пролетарка пошла в Мосторг, там ей всучили жуткие туфли, пошла в «Москвошвей», там ей «преподносят манто мадамье»¹²⁰:

А шубка
 не котик,
 так – вроде котика.
И стал
 у честной
 рабочей дочки
вид,
 что у дамы
 в известном годочке.
Москвошвей –
 залежались
 котики и кошки.
В руки
 моды
 вожжи!
Не по одежке
 протягивай ножки,

а шей
одежи
по молодежи¹²¹.

В конце 1910-х годов обострилось положение с текстилем.

Десятки фабрик стали: не хватало сырья, рабочих рук, топлива, транспорта. Товарный голод на ткани был остро ощущен. До 1924 года набивной рисунок выработывался в небольшом количестве, а в основном это были гладкокрашенные ткани: полотно, холст, солдатское сукно, низкие сорта шерсти, байка, гарус, ситец, бязь.

В 1922 г., когда в стране царила разруха, а нэпманы диктовали свой стиль, родилось первое советское ателье, которое располагалось на Петровке, 12, на первом этаже. Оно называлось «Центром по становлению нового советского костюма». Инициатором его создания был А.В. Луначарский. В день открытия началось настоящее столпотворение, все хотели посмотреть, что же скрывается за закрытыми шторами окон. Прилежащие к Петровке улицы были запружены толпой. Пришлось милиции принимать меры, так как движение было перекрыто...

За стеклом огромных витрин стояли манекены. В одной из витрин демонстрировались выходные платья, в другой – платья для дома, улицы, работы. В этих моделях удивляло все: их оригинальность и в то же время простота. Для изготовления моделей в ателье передавали конфискованную у частных парчу, мех, шелк.

На открытие приехал А.В. Луначарский. Директором ателье стала 17-летняя Ольга Дмитриевна Сеничева-Кашенко. Она стала редактором первого номера журнала «Ателье», вышедшего в 1923 г. Журнал задуман был как издание с широким кругом интересов. Сотрудничать в этом издании согласились известные художники и режиссеры, поэты и писатели: Б. Кустодиев, И. Грабарь, С. Чехонин, К. Петров-Водкин, К. Сомов, М. Кузьмин, Н. Евреин, А. Ахматова, М. Шагинян, Ф. Сологуб и др. В журнале демонстрировались стильное платье скульптора В. Мухиной и вечернее платье художника К. Петрова-Водкина, а С. Чехонин, известный художник, создавший рисунки для фарфора, представил в журнале «Ателье» эскиз веера с супрематической росписью.

Ателье мод и журнал пытались изменить внешний облик советского человека, приблизить его к современной моде. Ателье разработало пионерскую форму, рабочий костюм. Необходимо было создать новую одежду, которая отвечала бы производственным, бытовым и социальным условиям новой России, а не повторяла бы западноевропейские образцы.

В конце 1970-х годов мне посчастливилось познакомиться с О.Д. Сеничевой-Кашенко. В ее квартире на улице Воровского все напоминало о той эпохе и людях, с которыми общалась Ольга Дмитриевна. Среди них были С. Есенин и В. Маяковский.

Как вспоминала О.Д. Сеничева-Кашенко, Владимир Маяковский горячо поддерживал идею создания нового ателье мод. Об этом ателье поэт писал в одном из своих стихотворений под названием «Стабилизация быта».

С восторга бросив подсолнухи лузгать,
восторженно подняв бровки,
читает работница:
«Готовые блузки.
Последний крик Петровки»¹²².

* * *

Сияющий дом,
в костюмах,
в белье, –
радуйся,
растратчик и мот.
«Ателье
мод»¹²³.

Только в середине 1920-х годов появилась по тем временам современная швейная промышленность. Любое новое положительное начинание в области легкой промышленности вызывало у Владимира Владимировича ответную реакцию. Работа Маяковского в рекламе была призвана популяризировать хорошую качественную продукцию.

Творческая деятельность поэта была направлена на развитие всего нового, прогрессивного. Достаточно вспомнить рекламные плакаты В. Маяковского, посвященные магазину ГУМ:

Нет места
сомнению
и думе –
все для женщины
только
в ГУМе¹²⁴.

Поэт рекламировал магазин «Моссукуно», где можно было одеться в рассрочку... Владимир Владимирович очень радовался, когда видел хорошие отечественные товары «Москвошвея».

В одном из стихотворений он писал:

И если
подыметесь
чисты и стройны,

любую
 одежду
 заказывайте Москвошвейю,
 и...
 лучшие
 девушки
 нашей страны
 сами
 бросятся
 вам на шею¹²⁵.

Киевская знакомая поэта Н. Рябова вспоминала любопытный эпизод. Как-то гуляя по Прорезной улице, поэт остановился перед детской витриной магазина «Москвошвей». Детские костюмчики вызвали его восхищение. Особенно нравились ему синенькие штанишки с бретельками, года на три.

– Вот штаны, так штаны, штанищи прямо¹²⁶, – восхищался Владимир Владимирович.

Вопрос о создании нового костюма «современной эпохи» стоял настолько остро, что в дискуссии по этому вопросу приняли участие деятели искусств, казалось бы, совсем не имеющие к этому никакого отношения. Так появляется интереснейший очерк режиссера Н. Фореггера. Очерк назывался «Штаны и юбки». Здесь Н. Фореггер призывал принять новые костюмы, а не слепо следовать зарубежным «королям европейской моды», так как костюм, который нравится, обязательно повышает психическое и физическое ощущение и дает зарядку энергии и работоспособности.

Например, юбка у женщин не должна сковывать движений, она должна быть широкой, а короткая стрижка повлекла за собой появление простых шляп, а не «птичьих гнезд». Разъяснялись элементарные истины, например, что пользоваться носовым платком необходимо в целях гигиены и т. д.

Не остался в стороне от этого вопроса и В. Маяковский. В то время он был редактором журнала «ЛЕФ» (Левый фронт искусств), вокруг которого группировались художники-конструктивисты. Поэта всегда привлекали люди талантливые, создававшие большое искусство. К таким именам принадлежали Александр Родченко и Варвара Степанова, создатели «костюмов сегодняшнего дня» – прозодежды. Под прозодеждой подразумевали костюмы для разных видов профессиональной деятельности. А. Родченко первым сконструировал комбинезон со множеством карманов, куда можно было положить инструменты, он был удобен в носке, так как его легко было надевать благодаря застежкам-молниям. В. Степанова спроектировала костюмы для хирургов, пожарных, пилотов. Особой популярностью пользовались ее фирменные головные уборы для продавцов Госиздата. Прозодежда индивидуализировалась в зависимости от профессии.

Особый интерес представляли разработки спортивной одежды, где В. Степанова большое внимание уделяла цветовому решению. Цвет, по ее мнению, был необходим для того, чтобы отличить одну команду от другой.

Именно на страницах «ЛЕФ» а появлялись статьи и рисунки новой прозодежды. Так, в № 2 за 1923 год была опубликована статья под псевдонимом «Варст», где Варвара Степанова давала обоснование творческой платформы группы художников-конструктивистов, работавших в области костюма. Сюда входили: А. Родченко, В. Степанова, братья Веснины, Л. Попова.

Как вспоминали современники, Владимир Маяковский никогда сам не носил прозодежду, но приветствовал все новое, прогрессивное. Не случайно работу над оформлением спектакля «Клоп» в Театре Революции Владимир Владимирович поручил Александру Родченко. В этом спектакле талант А. Родченко проявился не только в прекрасно сконструированных костюмах, но и в создании единого комплекса вещей, характеризующих новый быт, новую культуру.

Советским правительством была намечена широкая программа в области создания новых форм одежды. По просьбе известной художницы-модельера Н.П. Ламановой в 1919 году А. Луначарский создал при художественном отделе ИЗО Наркомпроса «мастерские современного костюма», которыми руководила Н.П. Ламанова. Еще до революции она была «поставщиком Двора Его Императорского Величества» и одной из самых известных модисток своего времени. В ее ателье заказывали туалеты аристократки самого высокого ранга: княгиня Юсупова, графини Шереметьевы, супруги московских банкиров и промышленников и др.

В период расцвета «русских балетных сезонов» С. Дягилева Н.П. Ламанова создавала по эскизам Л. Бакста костюмы для примы-балерины Тамары Карсавиной. В ее платьях щеголяла актриса немого кино Вера Холодная.

В советское время у нее одевались актрисы: М. Ермолова, О. Книппер-Чехова, М.Ф. Андреева, московские модницы и подруги, прима-балерина Большого театра Е. Гельцер и Лиля Брик.

Да разве можно упомянуть все имена, кого Надежда Петровна осчастливила своим талантом... Работала она и над театральными костюмами во МХАТе, в театре Вахтангова и др. театрах. Она создала прекрасные фантастические костюмы для Юлии Солнцевой в к/ф «Аэлита» (по эскизам А. Экстер).

С 1919 по 1925 год Надежда Петровна работала в отделе ИЗО Наркомпроса и заведовала мастерской современного костюма. Здесь, в отделе ИЗО Наркомпроса, В. Маяковский мог часто видеть Надежду Петровну. В его записной книжке 1921 года мы находим запись, сделанную рукой Владимира Владимировича: «Ламанова Над. Петр. 50–27»¹²⁷.

Впервые В. Маяковский и Н. Ламанова тесно сотрудничали в комитете по подготовке к Всемирной выставке 1925 года в Париже. В. Маяковский участвовал в заседании организационного комитета и вошел в комиссию по редактированию каталога советского павильона и сборника, посвященного искусству и художественной промышленности.

Владимиру Владимировичу было поручено разработать план создания рекламы советского отдела и наметить художников, которых необходимо привлечь к работе над оформлением наружной рекламы. В официальном документе, направ-

ленном в полпредство СССР, председателем ВОКСа отмечалась большая помощь В. Маяковского по подготовке к выставке.

Для экспонирования на международной выставке В. Маяковским и А. Родченко были представлены 10 рекламных плакатов, вывеска и три серии конфетных оберток. За эти работы они были удостоены дипломов и серебряных медалей. Большим успехом на парижской выставке пользовались модели, созданные Н.П. Ламановой. Поскольку Н.П. Ламанова была одной из ярких представительниц модельеров современного советского костюма, ее участие в выставке в Париже было принципиальным, что отражено в протоколах заседания организационного комитета от 13 января 1925 года. Там же оговаривалось, что модели Н.П. Ламановой желательнее изготовить из тканей отечественного производства. Из этих же документов, хранящихся в рукописном фонде ГММ, из протокола от 18 января 1925 года мы узнаем, что от Н.П. Ламановой поступило предложение, чтобы на экспонатах (костюмах, представленных ею на выставке) обязательно было указано, из ткани какого треста создана данная модель.

Не правда ли, любопытный факт? В этих словах гордость за нашу отечественную легкую промышленность, начавшую выпускать свои ткани.

Некоторые костюмы, представленные на выставке, Надежда Петровна украсила цветными бусами. Никто из парижан не догадался, что они были сделаны из раскрашенного хлебного мякиша... Модели Н.П. Ламановой были удостоены «Гран-При» Всемирной парижской выставки.

Это было первое знакомство французов с достижениями нашей страны. Вот почему открытие советского павильона вызвало такую бурную реакцию со стороны парижан. А. Родченко, оформлявший советский павильон, писал из Парижа 10 июня 1925 года: «На открытии собралась огромная толпа французских рабочих, которые встретили Красина криками: «Да здравствуют Советы!» и запели Интернационал. Полиция попросила Красина войти в здание и рассеяла толпу... Все почти газеты пишут о русском павильоне, ни об одном так много не писали и не пишут, это – определенный успех»¹²⁸.

Серебряной медали Всемирной выставки были удостоены ткани московской фабрики «Трехгорная мануфактура», среди которых были образцы тканей, созданные сестрой поэта, Л.В. Маяковской.

Она возглавляла на фабрике аэрографическую мастерскую. В то время ткани, сделанные способом аэрографии были на пике моды. В этих тканях Людмила Владимировна стремилась передать мироощущение новой эпохи, она создала свой метод росписи тканей. С помощью аэрографа, наполненного красителем, Людмила Владимировна распыляла краску на ткань, получая в узорах ассоциативные образы в виде опавших листьев или напоминающих морозное окно. Но особую популярность приобрели узоры, похожие на срез мрамора, в виде звезд-розеток, и т. д. Она изобрела и другой способ – «крапп». Разбрызгивая, а не распыляя краситель, она создавала космические узоры из разноцветных брызг.

Рисунки Л.В. Маяковской напоминали узоры стиля модерн и предназначались для дорогих тканей: бархата, крепдешина, атласа, из которых изготавливались жиле-

ты, блузки, зонты, шарфы. Шелковые ткани поступали на Трехгорную мануфактуру от фабрикантов-шелковиков, в том числе от известной фирмы «К.О. Жиро и сыновья». Затем они расписывались в аэрографической мастерской Л.В. Маяковской. Она все время была в поиске. Ею был введен в производство метод «сжатия»: благодаря тому, что распыляемый краситель не попадал в складки ткани, присборенной на нить, узор получался несколько размытый. Игра с цветом, где контраст ткани и красителя был незначительным, давала поразительный эффект в атласных тканях. В 1927 году на выставке «Бытовой советский текстиль» Л.В. Маяковская была отмечена за новые искания и достижения в области аэрографии. После 1930 года Л.В. Маяковская перешла целиком на преподавательскую работу (как художник-прикладник по тканям). Преподавала во ВХУТЕМАСе-ВХУТЕИНе, с 1931 года в Московском текстильном институте.

Выставка декоративно-прикладного искусства в Париже в 1925 году оказала заметное влияние на расцветку тканей.

Л.В. Маяковская в аэрографической мастерской с образцами тканей для выставки в Париже. Москва. 1925 год. ГММ.

Изменения произошли и в мужской одежде. Если раньше господствовала белая сорочка с жестким воротником, то теперь появляется цветная рубашка со сравнительно мягким воротником. Владимир Маяковский покупает в Париже цветные однотонные рубашки пастельных тонов: нежно розовые, песочные, голубые. Постепенно стал преобладать спортивный тип одежды там, где ранее был допустим светский костюм. У В. Маяковского появляются спортивного типа костюмы с накладными карманами и модные жилеты с брюками.

В Париже входят в моду галстуки с геометрическими рисунками.

В 1925 году А. Родченко, участвуя с В. Маяковским в Парижской выставке, писал В. Сте-

пановой: «В Париже началось очень недавно требование на все новое, и сейчас выпускают текстиль не только с тем, чему у нас так любят подражать в Москве, – фантазии, – а и с геометрическими рисунками, я видел. Такими же рисунками обклеены все комнаты. Ты скажи на фабрике – от трусости они опять плетутся сзади...»¹²⁹. Дело в том, что в 1923–24 гг. В. Степанова и Л. Попова, работавшие на Первой ситценабивной фабрике, начали проектировать ткани с геометрическим рисунком. До этого ситцы производили с агитационными рисунками. Однако, это нововведение не вписывалось в рутинные рамки производства. После ухода с фабрики В. Степановой и смерти Л. Поповой вновь со станков «потекли рекой» агитационные узоры в виде серпов и молотов, тракторов и т. д. Только после 1925 года и в последующие годы в моду входят геометрические рисунки.

Л.В. Маяковская, следуя новым традициям, также пробовала создавать геометрические рисунки способом аэрографии. В 1920-е годы она подарила В. Маяковскому галстук – «самовяз» из светлосерого шелка с аэрографическим рисунком: ромбы в прямоугольниках в сине-серой гамме.

Возможно, это был один из первых галстуков В. Маяковского с модным геометрическим рисунком.

Владимир Владимирович привез из Парижа два пестрых галстука. Один из них с геометрическим рисунком – это галстук «самовяз» из шелковой ткани, обрезанной по косой линии. Рисунок ткани: по диагонали – полосы черного и голубовато-серого цвета, между ними – тканый геометрический рисунок – шестигранники, разделенные внутри линиями золотистого цвета. Второй галстук еще более оригинальный. Его рисунок состоит из мелких цветных «мазков», как на полотнах импрессионистов. Шелковая ткань переливается, создавая дополнительный эффект. Это были самые любимые галстуки Маяковского. В месте завязывания узла ткань высеклась от частой носки.

Любил поэт и другие яркие галстуки, состоящие из цветных полос, расположенных по диагонали. Такие галстуки были тогда необычны и приковывали к себе внимание. Во время его пребывания в Харькове в 1927 году, присутствовавшая на его выступлении М. Кенигсберг вспоминала: «Выйдя на сцену, В. Маяковский снял пиджак и галстук. Галстук был для нас непривычный – полосатый, полосы яркие – красные, синие, желтые... теперь к этому привыкли, а тогда это было в диковинку»¹³⁰.

Владимир Маяковский еще в юности понял, что галстук играет большую роль в мужском костюме (вспомним его блузы, украшенные бантом). Отныне и навсегда галстук станет главной и неотъемлемой частью его гардероба. К галстукам В. Маяковский относился с большим пристрастием. Как известно, в 1916–1917 годах появился новый тип галстука самовяза – узкий, более длинный, с поперечными цветными полосами, изготовленный из шелкового трикотажа. Этот тип галстука сохранился до середины 30-х годов XX века. У Владимира Владимировича был такой галстук из шелкового трикотажа с рисунком из перемежающихся широких черных и светло-бежевых полос, расположенных по диагонали. Кроме обычных галстуков Владимир Владимирович любил носить «бабочку». Пестрая «бабочка» украсит В. Маяковского в середине 1920-х годов. В фондах сохранились две «бабочки» – синяя, с мелкими бе-

Один из таких чемоданов можно увидеть в экспозиции ГММ.

У Маяковского была одна привычка – на чемоданах он всегда ставил свои инициалы – латинские буквы MW (если это была кожа, то на коже было тиснение). Вероятно, в Париже была куплена светлокоричневая кожаная папка с отделениями для бумаг, на коже тиснение MW. (Папка хранится в Государственный литературном музее).

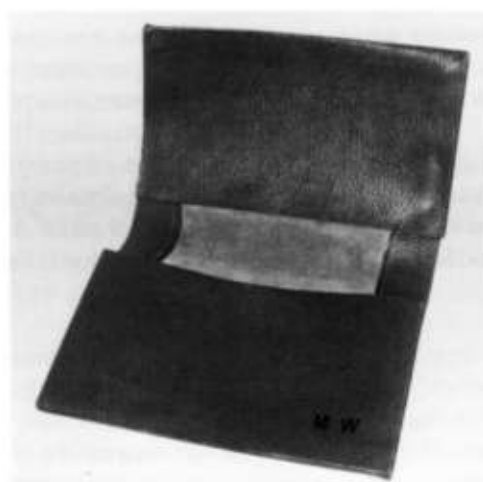
Как уже упоминалось, Владимир Маяковский был чрезвычайно чистоплотен и брезглив. Живя в коммунальной квартире на Лубянке, поэт никогда не мылся в общей ванне. Вероятно, у кого-то из знакомых он видел складной резиновый таз. Л.Ю. Брик в 1921 году ездила в Ригу, и Владимир Владимирович попросил ее купить ему такой таз. 15 октября 1921 года Л.Ю. Брик пишет В. Маяковскому из Риги: «Резинового таза здесь нет»¹³². И только в Париже в магазине «Инновасьон» Владимир Маяковский наконец покупает складной таз. Он был сделан из плотной прорезиненной ткани, довольно большой по объему, круглой формы и легко укладывался в небольшую сумку-чехол. Для Маяковского это был предмет первой необходимости. Он не только пользовался им в квартире в Лубянском проезде, но и брал его в свои поездки по городам Советского Союза. В то время в гостиницах не всегда были хорошие условия, в номерах не было ванн. Как вспоминал организатор его выступлений П.И. Лавут, поселяясь в гостиницу, Владимир Владимирович заранее платил горничной, чтобы она по утрам приносила ему ведро воды. Он раскрывал свой резиновый таз и совершал утренний моцион (см. статью «Как я ее рассмешил»).

В карманах пиджаков Владимира Владимировича всегда находились одни

В. Маяковский. Казань. 1929 год. ГММ.

иногда в кармане. Владимир Маяковский наконец покупает складной таз. Он был сделан из плотной прорезиненной ткани, довольно

Кожаная папка В. Маяковского с инициалами MW. Публикуется впервые. Государственный литературный музей.

Маленькая мыльница (3,8×5,4 см), купленная В. Маяковским в Германии. Публикуется впервые. ГММ.

Нет мыла. Володя со мной уже не разговаривает, мы молчаливо обедаем в ресторане, шагаем мрачно по улицам, настроение безвыходно тяжелое. Но карманного мыла все-таки нет, ничего не поделаешь.

– Как хотите, мадам, я это мыло сам себе куплю.

Володя вернулся в гостиницу с круглой алюминиевой коробочкой, в которой была твердая зубная паста «Жиппс». Он ее, конечно, давно облюбовал, уверенный, что это и есть карманное мыло, но как только я ему сказала, что такого мыла нет, сейчас же начал этим мылом меня испытывать. Пристыженный, он без конца извинялся, трогательный и ласковый, как нашкодившая собака, которая без конца дает лапу, и смешил меня до тех пор, пока слезы раздражения не переходили в слезы смеха»¹³³.

Владимир Маяковский называл Париж столицей столетий. Он неоднократно приезжал во Францию и каждый раз, уезжая из Парижа, грустил, как влюбленный юноша, оставляя здесь частицу своего сердца. Покоренный красотой этого прекрасного города, поэт создал целый цикл стихотворений, которые сам называл поэмой о Париже. В одном из них, которое он называет «Прощанье», поэт признается:

Подступай
 к глазам,
 разлуки жижя,
сердце
 мне
 сантиментальностью расквась!
Я хотел бы
 жить
 и умереть в Париже,

и те же предметы: маленькая металлическая коробочка с мылом, купленная в Германии, и небольшое полотенечко, а также плоский стаканчик. Ему очень нравилась маленькая коробочка с мылом и, находясь в Париже, он просил Эльзу Триоле купить ему такую же. Не обошлось без казусов. Э. Триоле вспоминала: «Я пошла покупать карманное мыло. Обошла все парижские магазины – нет такого мыла. Володя опять:

– Купи мыло!

– Нет такого мыла.

– Ты для меня даже мыла купить не можешь!

– Нет мыла.

– Ты знаешь, что я без языка, и тебе лень мне кусок мыла купить!

Если б не было
такой земли —
Москва¹³⁴.

Маяковский любил мелодичный французский язык, и не случайно впоследствии в своих стихах парижского цикла он часто рифмовал французские слова и выражения, причем писал их по-французски. Поэт постоянно страдал оттого, что не знал французского языка и не мог лично общаться с французами, ведь в Париже он приобрел много друзей.

Гуго Гупперт вспоминал, как Владимир Маяковский жаловался ему: «Всю жизнь я завидовал художникам и музыкантам — их язык не нуждается в словаре, они не зависят от переводчика. С переводчиками всегда — мучение. А без них — форменное проклятие!». Это звучало не очень лестно, но вместе с тем и как-то не обидно. Видно было, с какой настоящей болью относился он к судьбе, которая лишает его, непревзойденного русского поэта-интернационалиста, непосредственного и быстрого воздействия на весь остальной мир, о чем он всегда мечтал»¹³⁵.

В день отъезда во Францию в письме к своей знакомой Рите Райт он с иронией напишет: «Эх, Рита, Рита! Учили вы меня немецкому, а мне по-французски разговаривать...»¹³⁶. В его лубянской библиотеке был учебник французского языка в картинках, изданный в Лейпциге в 1920 году (с комментариями на русском языке). Кстати, рукой В. Маяковского на книге его размашистым подчерком на французском языке было написано «Majakovsky». Учебник был интересен тем, что на картинках были изображены: гостиница, вокзал, дом, улица, кухня и т. д. Например, в интерьере гостиницы были изображены: портье, доска с ключами от номеров и т. д. Тут же было дано название всех предметов на французском языке. У Владимира Владимировича было два французско-русских словаря, один — карманный, другой — словарь-лилипут (размером со спичечный коробок), с которым он ездил в Париж.

Ни в одной зарубежной стране у Маяковского не было столько встреч и знакомств с известными деятелями искусства, как во Франции.

Э. Триоле часто сопровождала поэта в его поездках по Парижу, знакомила Владимира Владимировича с французскими писателями, поэтами, художниками. Поскольку Маяковский не знал французского языка, она переводила ему, это называлось разговаривать на «триоле».

Эльза вспоминала, как в свой второй приезд во Францию Владимир Владимирович увидел несчетное количество людей искусства, видел и сам Париж с лица и изнанки, и его великолепные кварталы, и рабочий район Бельвиль... Она рассказывала: «Были мы у Пикассо, который тогда жил и работал на улице Боэси. Были у художника Роберта Делонэ, где Маяковский встретился с поэтом — дадаистом Тристаном Тцара... Были мы с Маяковским у моего друга Фернана Леже в его ателье на улице Нотрдам-де-Шан. С Леже мы встречались чаще, чем с другими французами; эти богатыри сговаривались друг с другом без разговора. Леже показывал

Володе Париж. Как-то в компании ходили куда-то на Монмартр с поэтом Роже Витраком...»¹³⁷.

Владимир Владимирович всегда останавливался в одной и той же гостинице «Истрия», спрятавшейся в тесноте улочки Кампань-Премьер:

Я стучаюсь
о стол,
о шкафа острия –
четыре метра ежедневно мерь.
Мне тесно здесь
в отеле Istria –
на коротышке
rue Campagne-Premiere.
Мне жмет.
Парижская жизнь не про нас –
в бульвары
тоску рассыпай.
Направо от нас –
Boulevard Montparnasse
налево –
Boulevard Raspail.
(Верлен и Сезанн)

В одном из писем к Л.Ю. Брик 9 ноября 1924 года Маяковский писал: «На вокзале в Париже меня никто не встретил, так как телеграмма получилась только за 10 минут до приезда, и я самостоятельно искал Эльзу с моим знанием французского языка. Поселился все-таки в Эльзиной гостинице потому что это самая дешевая и чистенькая гостиничка и я экономлюсь...»¹³⁸.

Эльза Триоле вспоминала: «Гостиница «Истрия» изнутри похожа на башню: узкая лестничная клетка с узкой лестницей, пятью лестничными площадками без коридоров; вокруг каждой площадки – пять одностворчатых дверей, за ними – по маленькой комнате. Все комнаты в резко полосатых, как матрацы, обоях, в каждой – двуспальная железная кровать, ночной столик, столик у окна, два стула, зеркальный шкаф, умывальник с горячей водой, на полу потертый желтый бобрик с разводами»¹³⁹. Гостиничный номер Владимира Владимировича был настолько мал, что поэт едва помещался в нем. Вот как описал визит к Маяковскому французский журналист: «Он настолько велик, что даже когда сидит, хочется попросить его сесть. Я пришел к поэту утром в номер отеля, настолько маленький, что он не мог вместить одновременно Маяковского и его ботинки, они стояли по ту сторону двери, и чтобы я мог войти, Маяковский должен был лечь в кровать»¹⁴⁰. (Кстати, эти новые, купленные накануне Владимиром Владимировичем, башмаки были выставлены им в коридор, перед дверью, для чистки. Вскоре их украли. Одновременно была украдена и другая пара у художника Марселя Дюшана).

Гостиница «Истрия» функционирует и сегодня. На фасаде укреплен мемориальная доска с упоминанием известных деятелей культуры, живших в 1920-е годы в ее стенах. Среди этих имен есть и фамилия Маяковского.

В одно время с В. Маяковским в гостинице «Истрия», где он останавливался, жили: основоположник дадаизма Пикабия, художник и теоретик искусства Марсель Дюшан и известный фотограф Ман Рей. Такие люди притягивали внимание Владимира Владимировича, ведь они были новаторами. Поэт познакомился с ними. Каждый из этих художников был неповторим. Ман Рей, классик американского киноискусства и фотомастер мирового уровня, американец, много работал во Франции, стремился освободить фотографию от традиционных пут, стараясь нацелить ее на новые формы выразительности. Он подарил Владимиру Маяковскому несколько своих оригинальных фотографий и изобретенную им фотобума-

Мемориальная доска на фасаде гостиницы. Париж. 2008 г.

Гостиница «Истрия».

гу на цветной подложке с блеском, что создавало особый эффект при печатании. В. Маяковский после приезда из Парижа подарил эти вещи А. Родченко, который был новатором в области фотографии в нашей стране.

Частыми спутниками Владимира Владимировича были супруги Делонэ, с которыми он особенно подружился. Их адрес записан на одной из страниц записной книжки поэта. Вместе с друзьями он любил ходить по улицам Парижа, любовался красивыми шпилями домов-рапир, автомобилями, вальсирующими вокруг фонтанов площади Согласия, ночным Монмартром с мириадами уличных фонарей, бывал на ярмарках. Все это впоследствии найдет отражение в его стихах о Париже.

Эльза Триоле вспоминала: «Маяковский любил ярмарочный шум, блеск, музыку, толчею, любил глазеть на балаганы, играть во все игры, стрелять в тире и выигрывать бутылки плохого шампанского, покупать билетики и смотреть на вертящееся колесо «фортун»¹⁴¹.

Однажды супруги Делонэ пригласили посетить их мастерскую. В то время они занимались росписью тканей, сумок, машин и т. д. Они были в зените славы.

В своих росписях на тканях они часто использовали геометрические рисунки, пользовавшиеся в то время во Франции большой популярностью. Возможно, Владимиру Маяковскому было интересно это новое веяние в моде 1920-х годов, ведь его сестра Людмила тоже была художницей по тканям.

Владимир Владимирович всегда сравнивал, что нового на Западе и как эти новые тенденции воплощаются в жизнь в нашей стране. Художница Валентина Ходасевич вспоминала: «Мы очутились перед солидным домом близ церкви Мадлен. У подъезда висела скромная, загадочная вывеска: «Делонэ – ателье». Мы поднялись в бельэтаж. Маяковский энергично нажал кнопку звонка, нам открыл и шумно весело встретил нас сам Делонэ. За ним стояла интересная молодая женщина, одетая в «живопись», – его жена.

...Началась долгая демонстрация совместных произведений семейства Делонэ. Из внутренних помещений выходили две девушки и выносили новые и новые, большие и поменьше, прямоугольные белые картонки. Внутри все было упаковано в шуршащую папиросную бумагу, из которой мадам Делонэ извлекала неправдоподобно красивые мягкие куски «живописи». Это были разные ткани, расшитые то шерстью, то безумно блестящими шелками, иногда смесь гладких стежков перемежалась с шероховатыми поверхностями, то появлялась живопись красками из материала разных фактур. Все переливалось тончайшими оттенками, переходя иногда в растушевку, напоминавшую растушевку небес на японских гравюрах. Каждый кусок, включая в себя бесчисленные оттенки, имел свой индивидуальный общий цвет и замысел или был основан на дерзких контрастах. Включался разных оттенков и силы свет – то рассеянный, то центрирующий внимание на демонстрируемые вещи. От всего этого кружилась голова, а мне казалось, что я «объелась» этой прикладной живописью. Маяковский сначала оживленно и метко реагировал на отдельные вещи, но постепенно стал отвлекаться, уходить в собственные мысли и бормотал стихи.

Иногда мадам Делонэ набрасывала на себя готовые вещи – то шарф, то пальто, то надевала перчатки и брала в руку сумочку из демонстрируемых красот, а девушки приносили все новые коробки. Делонэ рассказывал, что главные заказчицы – американки. Вещи обходятся очень дорого, так как мастерицы-исполнительницы – художники-прикладники, а мадам Делонэ – художественный руководитель и глава фирмы. «Я уже много лет связан с этой фирмой, мной довольны, и я не жалею. Мне нравится, что наши

Справа налево: В. Маяковский, В. Ходасевич, поэт Иван Голль с женой, художник Р. Делонэ, Э. Триоле. Париж. 1924 год, ГММ.

живописные упражнения и поиски входят в быт, то есть находят жизнь в жизни». Он просил главу фирмы Соню Делонэ показать нам фото, иллюстрирующие эти слова. Мы увидели, что и гаражи, и автомобили, и женщины, стоящие около них или сидящие за рулем, и чемоданы, и всякие мелочи – все едино, и не очень понятно, где кончается одно и начинается другое.

Маяковский довольно быстро окончательно охладел к показу и задумывался о чем-то, что вызывало настороженность Делонэ, и демонстрация закончилась»¹⁴².

Очевидно поняв, что для нас эта «роскошь» пока чужда, Владимир Владимирович потерял интерес к изыскам Делонэ. Ведь в нашей стране только начала развиваться легкая промышленность: не было хороших тканей, добротной обуви и т. д., так что было не до модных «изысков».

Поскольку В. Маяковский был человек публичный, часто выступал, много ездил по городам Советского Союза и за рубеж, ему постоянно необходимо было обновлять свой гардероб. Эльза Триоле вспоминала, что кроме любимых магазинов «Олд Ингленд» и «Инновасьон» они ходили с ним в «Гранд Шомьер» покупать галстуки и рубашки.

У Маяковского всегда было много рубашек, которые он часто менял. Не случайно уже цитировавшиеся строки поэта:

И кроме
 свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
 мне ничего не надо¹⁴³.

В мемориальном фонде музея до сих пор хранятся как будто вчера накрахмаленные пристегивающиеся воротнички и манжеты к белым рубашкам. Воротнички разного покроя: для галстука-бабочки с загибающимися острыми уголками, обычной формы, и с закругленными уголками для галстука-самовяза. Манжеты также были разной формы: с острыми углами и закругленной формы. На некоторых манжетах штамп: «Торговый дом Поляков и Полянская. Москва. Тверская 38а». Некоторые из них были куплены в модном магазине на Тверской, другие – привезены из Парижа и Берлина. По цвету и выработке ткани воротников можно судить и о рубашках. Одни воротнички были из светло-серой ткани, другие – из хлопчатобумажной белой ткани с широкими чередующимися между собой полосами сиреневого и белого цветов. Некоторые воротнички из белой пикейной ткани в рубчик, другие – белые, с выработкой. Вновь вспоминается один интересный эпизод из юности поэта, когда у него была всего одна рубашка; где уж тут было до крахмальных манжетов и воротничков!..

На какие только ухищрения не шел Владимир Маяковский, чтобы «провести» швейцаров, не пускавших его в затрапезном виде в приличные заведения. И тут он проявлял всю свою фантазию. Его соученик по Училищу живописи, ваяния и зодчества, заслуженный деятель искусств Грузинской ССР Александр Цимакуридзе, вспоминал, что однажды они вместе с группой отправились обедать в ресторан, «но швейцар не впустил нас, – пишет А. Цимакуридзе, потому что мы были без крахмальных

воротничков. Мы опечалились, но Маяковский быстро нашел выход. У одного студента случайно оказался с собой альбом с рисовальной бумагой. Володя нарезал листы и сделал всем белые воротнички. Мы гордо вошли в ресторан, швейцар поглядел на нас удивленно: где, мол, так быстро добыли воротнички?». ¹⁴¹ Теперь же, находясь в Париже, поэт с удовольствием пополнял свой гардероб белоснежными рубашками.

Чтобы не испытывать недостатка, он покупает себе парижские сорочки – более простые – в магазинах, шикарные для «выходов» – на заказ. В одном из писем Л. Брик он писал: «...буду себе заказывать воротнички № 41 – а раньше, когда я был спокойный и пухлый, я носил 43! и даже – 44!» ¹⁴².

В 1924 году у В. Маяковского возникли проблемы с продлением визы во Францию. Обещал помочь Сергей Дягилев. Владимир Владимирович вспомнил, что если визу не продлят, нужно будет получить раньше срока заказанные им рубашки. Эльза позвонила в ателье и ей сказали, что месье должен срочно приехать на примерку. Пришлось Валентине Ходасевич сопровождать поэта. (В. Ходасевич была не только прекрасным художником, создавала костюмы для театральных спектаклей, но была еще прекрасным дизайнером женской и мужской одежды. Впоследствии она брала заказы у богатых клиентов. Фото ее моделей одежды печатали в самых модных журналах, часто их помещали на обложки журналов мод). Владимир Владимирович знал, что у нее безупречный вкус и полагался на ее помощь и совет. В. Ходасевич вспоминала: «– Что за чушь? – сказал Маяковский. – Я никогда еще не был на примерке рубашек, но рубашки мне нужны, и я уже заплатил за них кучу денег. Вуалеточка, поедem!»

Рубашечное учреждение помещалось в самом изысканном месте Парижа – на площади Вандом, в третьем этаже роскошного дома.

Около зеркала стояла сложенная ширма из китайского лака. Ее растянули, и Маяковский оказался отгороженным от меня. И все наши разговоры шли уже через эту преграду. Отделенный от меня Маяковский проверял:

– Вуалеточка, вы еще здесь? Не оставляйте меня в руках этих идиотов!

Дальше заговорил один из красавцев:

– Может, месье соблаговолит раздеться?

Маяковский:

– Догола?

Красавец:

– Что месье говорит?

– Месье спрашивает, что нужно снять, – перевожу я.

– Ну, если месье будет так любезен...пиджак...

...Удалившийся куда-то незаметно второй красавец вдруг появляется из портьера и на вытянутых руках изящно наманикюренными пальцами несет два прямоугольных куса светлого шелка и говорит:

– Ну вот – все к примерке подготовлено.

Маяковский еще более злым тоном говорит:

– Пусть уберут эту дурацкую ширму, идиоты, я же снял только пиджак, а в таком виде вы уже меня видели.

...Я советую Маяковскому успокоиться и посмотреть, что будет дальше. А дальше... оба красавца вертятся вокруг Маяковского – один спереди, другой сзади. На запястье одного из них на ремешке подушечка с булавками. Он скалывает на плечах Маяковского два полотнища шелка, доходящие Маяковскому до колен. Я с радостью вижу в зеркале, что у Маяковского подергиваются губы и наконец-то он улыбается. Красавцы просят поднять руки, скалывают булавками бока будущей рубашки и подобострастно, с утомленным видом спрашивают:

— Как месяе себя чувствует? Месяе все удобно?

Я перевожу. Маяковский:

– Я прошу вас перевести точно: рубашка мне жмет в шагу, и нечего смеяться, переводите! Сейчас я пошлю ко всем чертям всю эту ерунду!

Я уже смеюсь до слез. Маяковский срывает рубашку прямо с булавками, бросает в руки растерянных красавцев и просит сказать, чтобы к завтрашнему утру все шесть рубашек были готовы – позднее они ему не нужны. Маяковский быстро надевает пиджак и мы уходим»¹⁴⁶.

Как оказалось, бывший муж Эльзы, Андрей Петрович Триоле, был изысканным модником и посоветовал В. Маяковскому это дорогое учреждение. Впоследствии Владимир Владимирович сокрушался, что он «втравил» его в это дело, так как пришлось потратить большую сумму денег...

Возможно, впоследствии, когда поэт в своей поэме «Летающий пролетарий» будет размышлять о костюме будущего, он вспомнит этот эпизод в парижском ателье:

Одевается –
ни пиджаков,
ни брюк;
рубашка
номера
не жмет узка.
Сразу
облекается
от пяток до рук
шелком
гениально скроенного куска¹⁴⁷.

Но вернемся снова в Париж 1924 года, где состоялась встреча Владимира Маяковского с С. Дягилевым и где решался вопрос о дальнейшем пребывании поэта во Франции. Владимир Владимирович организовал званый обед в одном из ресторанов, недалеко от «Grand Opera». Он выглядел блестяще. В. Ходасевич вспоминала: «Маяковский блистал красотой, смокингом и накрахмаленной рубашкой. Он тихо сказал мне: «Все же здорово в меру накрахмалена рубашка – ничуть не мешает и в шаг не жмет.. не зря деньги брали!».

Здесь, в Париже, Маяковский наконец приобретает себе добротное драповое пальто фасона «реглан», двубортное, с отложным воротником и прорезными

В. Маяковский. Прага. Апрель 1927 года. ГММ.

Вот как вспоминала Татьяна Яковлева свою первую встречу с Владимиром Маяковским: «То, что он был первым поэтом большевистской России, меня ничуть не смутило – в ту пору я была очень далека от политики и по молодости лет еще не до конца понимала, на чьей стороне правда... Если что меня и поразило, так это его манеры – простые и изысканные. Он скорее напоминал английского аристократа и выправкой, и одеждой, и уж никак не связывался с тем образом, который слагался в моем сознании из его футуристической желтой кофты, скандальных выступлений, из его режущего бритвой острословия и шумной славы пролетарского поэта-трибуна».¹⁴⁸

Татьяна одевалась с большим вкусом. (Впоследствии Т. Яковлева становится модисткой, создает модели дамских шляп. Ее клиентками были: Марлен Дитрих, Одри Хепберн, Эдит Пиаф, Эсти Лаудер и др.). С ее мнением считались Ив Сен Лоран и Кристиан Диор.

О своем первом впечатлении о Татьяне Яковлевой поэт напишет:

...Представьте:

входит

красавица в зал,

карманами, на подкладке из шерстяной клетчатой байки. Драп мягкий, серого цвета с рисунком из ромбов, перемежающихся между собой и образующих общий рисунок «в елочку». Возможно, Владимир Владимирович шил пальто в ателье, так как на подкладке внутреннего кармана – адрес фирмы или ателье и далее «№ 3088 W Majakowsky». Ткань пальто была добротная, модной расцветки «в елочку», входившей в моду в 1920-х годах. (Сегодня у нас много магазинов, где продаются вещи на высокий рост, а ведь у В. Маяковского рост был почти 190 см. В 1920-х годах у нас в стране таких магазинов не было). Мы знаем, что поэт часто был подвержен простудным заболеваниям, поэтому добротное пальто было для него предметом первой необходимости.

25 октября 1928 года поэт знакомится в Париже с Татьяной Яковлевой. Это знакомство перерастает в бурный роман. Поездки в Париж к любимой женщине становятся для В. Маяковского

в меха
и бусы оправленная...¹⁴⁹

Татьяна Яковлева прекрасно шила, сама создавала себе новые модели одежды. В некоторых письмах, хранящихся в рукописном фонде ГММ, сохранились рисунки ее моделей. Из этих писем мы узнаем, что нравилось В. Маяковскому из придуманного ею. Из письма к матери Т.А. Яковлевой – Л.Н. Орловой [Париж, 24 декабря 1928 г.]: «...Пальто мое готово. Оно совсем простое: черное сукно с белым мехом – животы скунса. Сказано было: «носит с вкусом – животы скунса!» Совершенно прямое с передней полкой, падающий в годэ. Маяковский любит мой другой спортивный ансамбль, песочного цвета с серовато-серебристым мехом, который я ношу с разными фуфайками. Он находит, что мне больше всего идут спортивные вещи. Маяковский тоже любит этот стиль. Все платья очень просты и с одной общей линией...»¹⁵⁰

Как мы знаем, действительно в одежде у Владимира Маяковского преобладал спортивный стиль. На некоторых фотографиях он запечатлен в костюме с накладными карманами. В пальто он ходил нечасто. В основном, любил куртку с меховым воротником.

У Т. Яковлевой и В. Маяковского совпадали вкусы не только во взглядах на моду. Татьяна Алексеевна хорошо знала поэзию. Она вспоминала, что они говорили больше всего о литературе, у них были одинаковые вкусы. Она бывала на его выступлениях, которые проходили очень бурно – на них валил интеллигентский Париж – артисты Монпарнаса. Громадный успех имели «Солнце», «Облако в штанах». Маяковский стал кумиром многих французов. Как и Владимир Владимирович, Т. Яковлева очень любила кинематограф. Она вспоминала: «Много

Татьяна Яковлева. Париж, 1929-1930 года. ГММ.

раз мы бывали в синема. Он очень любил кино, тогда ведь в России не показывали французских и американских фильмов. Первый звуковой фильм мы видели в «Ньюс». Это показалось чудом. Кино заговорило, я видела и слышала в первый раз вместе с Маяковским»¹⁵¹.

Вместе с Владимиром Маяковским Татьяна Яковлева бывала на спектаклях в «Grand Opera». Один из них был с участием знаменитой балерины Анны Павловой.

Поэт любил костюмы спортивного стиля. В. Маяковский в редакции журнала «Красная Нива». Москва. 1927 года. ГММ.

Зато остальная литературная братия вырядилась в смокинги. Маяковский сказал, что всегда возит с собой в специальном чемодане выглаженный смокинг, но в течение многолетних скитаний по земному шару ни разу как-то не отважился надеть нечто подобное...»¹⁵²

Воспоминания В. Вандурского относятся к 1927 году, возможно, еще тогда поэт действительно не пользовался смокингом.

Фрак, как и до 1917 года, так и в 1920-е годы считался необходимой формой одежды на спецприемах. По воспоминаниям современников, у Маяковского никогда не было фрака, он брал его по надобности напрокат. (Вообще в среде портных искусство «фрanchика» ценилось высоко. В Москве лучшие мастера были в фирме «Сиж» по Гнездиновскому переулку). Во время своих зарубежных поездок Владимир Маяковский вынужден был носить фрак и смокинг, появляясь на великосветских или деловых приемах.

Доказательством этого является еще один факт, относящийся к 1929 году и связанный с открытием «Grand Opera».

В записной книжке поэта № 64, на полях, поэт нарисовал шарж на самого себя: одет в смокинг и белую рубашку с бабочкой, в цилиндре, грудь «колесом», лицо искажено от недовольства. Здесь же черновик стихотворения «Красавицы» (раздумье на открытии «Grand Opera»). Уже первые строки стихотворения объясняют все:

Рядом с красавицей Татьяной,
изысканно одетой, Владимир Влади-
мирович должен был выглядеть так
же блестяще, и наверняка смокинг тог-
да ему очень пригодился. Ведь не слу-
чайно поэт назвал смокинг «парижской
спецодеждой».

В «Grand Opera» принято было хо-
дить в смокинге. Несомненно, В. Мая-
ковский следовал устоявшемуся па-
рижскому этикету.

Владимир Владимирович очень
не любил парадную официальную одеж-
ду: черный костюм, фрак, смокинг.

Во время пребывания В. Маяков-
ского в Польше в 1927 году редакция
журнала «Дзвигня» устроила в честь
поэта банкет. Витольд Вандурский
вспоминал: «...Маяковский пришел од-
ним из первых. В том же сером костю-
ме из прекрасного английского сукна,
в котором вышел из вагона. Дзвигнев-
цы тоже были в повседневных костю-
мах.

В смокинг вштопорен,
 побрит что надо.
 По гранд
 по опере
 гуляю грандом¹⁵³.

Глядя на этот шарж, на «вштопоренного» в смокинг поэта как бы физически ощущаешь то неудобство, которое он испытывает в «парижской спецодежде». Несмотря на нелюбовь к смокингу, В. Маяковский в нем был необычайно красив.

Умение носить модные вещи дано не каждому, здесь нужна смелость. В. Маяковский был смелым и уверенным в себе человеком. Во внешнем облике — изысканная манера держаться. В одну из моих встреч с известным кинооператором А.Д. Головной я услышала от него рассказ о его встрече с поэтом в Берлине и о том, какое неизгладимое впечатление произвел на него В. Маяковский. Хочу отметить, что А.Д. Головня был удивительным человеком. Его операторский опыт и чутье всегда могли уловить в человеке самую суть.

Из воспоминаний А.Д. Головни:

«Это был балльный вечер в Берлине. Его устраивали, с одной стороны, А.В. Луначарский и его жена актриса Розенель, а с другой стороны — директор Межрабпомфильма, кажется Шпильман. Он и привез костюмы, кажется, и Маяковскому тоже. Без фрака и бабочки тогда на вечер не пускали. Помню, что я, Оцуп и Маяковский были во фраках. Это был бал кинозвезд. Что больше всего запомнилось? Маяковский был необыкновенно красив.

Во-первых, когда входил Владимир Владимирович, все поворачивались на него посмотреть. Во-вторых, он выше других, он статнее других, он шире в плечах и смелей во взгляде. Это не робкий человек входил, это входил мужик. А мне по характеру нравились такие люди, и это же было выражено в его стихах, причем я ощущал уже лично, как почитатель стихов, и смелость, и мужественность, и вместе с тем и личность, и душевность этого человека, и в удивительно тактичном поведении его со всеми людьми»¹⁵⁴.

В. Маяковский был хорошо осведомлен о модных французских парфюмерных фирмах, хорошо разбирался в названиях тканей.

Вновь обратимся к стихотворению «Красавицам»:

Талии —
 кубки.
 Ногти —
 в глянце.

*Автошарж В. Маяковского
 в записной книжке
 № 64. ГММ.*

Крашенные губки
розой убиганятся¹⁵⁵.

«Убиганятся» – производное слово от названия французской парфюмерной фирмы «Убиган». Поэт подмечает не только покрой платьев парижских красавиц, но и знает название всех тканей, из которых они сшиты. В то время была популярна тонкая плотная шелковая ткань – фэй и не менее популярен фэй-де-шин. Эта ткань была двух видов: желтого цвета (китайский фэй) и фэй-франс, преимущественно различных оттенков синего цвета, еще был крепжоржет – тонкая шелковая ткань, однотонная или с набивным рисунком.

От взгляда Владимира Маяковского не ускользает ни одна деталь. Вот как описывает он парижских щеголей и модниц:

Платье –
 пухом,
 Не дыши.
Аж на старом
 на морже
только фэй
 да крепдышин,
только
 облако жоржет¹⁵⁶.

Но наблюдая за всей этой красотой, Маяковский подчеркивает, как и А.П. Чехов, что внешний вид должен соответствовать внутреннему содержанию человека:

Брошки-блещут...
 на тебе! –
с платья
 с полуголого.
Эх,
 к такому платью бы
да еще бы...
 голову¹⁵⁷.

Как рассказывал мне П.И. Лавут, поэт не любил черный костюм, носил его крайне редко. У него был любимый серый костюм спортивного покроя с накладными карманами. Летом он носил серые брюки с голубой рубашкой и красный замшевый галстук. Еще у Владимира Владимировича был костюм цвета моренго.

В. Маяковский носил узкие в бедрах брюки и широкие в шагу. Он постоянно заправлял рубашку в брюки под ремень характерным жестом – обеими руками. Из Парижа поэт привез себе два красивых кожаных ремня, которые часто носил.

Владимир Маяковский любил, чтобы костюм на нем сидел безупречно. Современники подчеркивали, что у него было врожденное чувство вкуса. Когда у него бывали деньги, он шел к самому лучшему портному и одевался с таким уверенным вкусом, как будто привык к этому с самого детства. Эльза Триоле вспоминала, что, находясь во Франции и не зная языка, Маяковский ухитрялся объясняться при помощи мимики и внушительной жестикуляции. У портного он рисовал немыслимые дефекты его сложения, а пунктиром изображал способ их исправления при помощи покроя костюма.

Пуловер В. Маяковского. ГММ.

Брюки всегда были хорошо отутюжены. Домработница, Аннушка, помогавшая по хозяйству в квартире в Гендриковом переулке, не умела гладить брюки, она носила их утюжить к портному, жившему недалеко.

Владимир Владимирович подмечал не только малейшие погрешности в своем костюме, но и у окружающих.

Один из старейших ленинградских литераторов Илья Березарк вспоминал: «В те времена забота о своей внешности считалась явным признаком буржуазности. Многие одевались нарочито небрежно: я, мол, не какой-то изысканный щеголь. Ох и досталось мне, когда я явился в гостиницу к Маяковскому в «затрапезном» виде!

– Это что у вас – патент на пролетарское происхождение? – издевался он.

– Вот вы журналист, встречаетесь с разными людьми, что могут подумать не только о вас, о всей советской прессе?

Я пытался возражать. Ведь сам Маяковский всячески выступал против «красоты».

– Кто это вам сказал? Или вы сами выдумали? – спросил поэт.

– Человек должен быть красивым внутренне и внешне, и замечать красоту вокруг.

Сам Маяковский, может быть, не был красивым в обычном понимании слова, но он был статен, очень пластичен, умел красиво носить свой скромный пиджак, свой джемпер. Даже в его внешнем облике чувствовалось обаяние поэта¹³⁸.

(Здесь речь идет о клетчатом пуловере, который стал любимой вещью Маяковского). Как вспоминал Никифор Бурлюк, Маруся Бурлюк купила его на барахолке в Америке в Ист-Сайде за несколько долларов. В этом пуловере Владимир Владимирович выступал во многих городах Советского Союза, а также за рубежом, о чем свидетельствуют фотографии В. Маяковского в Мексике, на выставке «20 лет работы», на репетиции в театре В.Э. Мейерхольда и др. Он буквально был

Поэт в окружении молодежи на выставке «Двадцать лет работы». Москва. 1930 год. ГММ.
 доношен до дыр. От постоянной носки у него вытерлись рукава на локтях, и мать поэта, Александра Алексеевна, сделала аккуратную штопку в тон пуловера. (Сегодня бы сказали, что это художественная штопка).

Владимир Маяковский носил пуловер до конца жизни. Он очень привыкал к любимым вещам и трудно с ними расставался. Однако, его гардероб не был большим. Какие-то вещи он раздавал тем, кто в них нуждался (вспомним его соседей Гавриловых в Лубянском проезде, помогавшим ему по хозяйству. К Гаврилову перешли знаменитые туфли «Вестон» и другие вещи поэта). Когда-то в 1913–1914 гг. желтая кофта В. Маяковского стала знаковой вещью. Это не только символ футуризма, но и «знак эпохи», символизирующий определенный отрезок времени и ассоциирующийся с русским авангардом. Такой же знаковой вещью стал для Владимира Владимировича пуловер в желто-коричневую клетку из мягкого трикотажа. Не случайно в советский период на многих фотографиях и портретах (например, портрет Маяковского работы Н.А. Соколова и др). Владимир Маяковский изображен именно в нем. В художественных фильмах и театральных постановках поэт «горлан-главарь» изображался также в клетчатом пуловере. Этот образ стал хрестоматийным.

С середины 1920-х годов Владимир Владимирович начинает носить костюм-тройку. Таким элегантным мы видим его на фотографиях в посольстве Мексики, на репетиции «Бани» в театре Всеволода Мейерхольда (на фотографиях А. Те-

мерина). Особенно четко видна фактура ткани на фото А. Темерина. Модный костюм-тройка с шелковым переливающимся на свету галстуком... Таким он запомнился современникам. Маяковский не был, как сейчас говорят, «иконой стиля», не был законодателем мод, но любил хорошие добротные вещи: хорошо сшитый костюм, в меру накрахмаленные белоснежные рубашки, качественную обувь и т.д. К сожалению, в то время в нашей стране о модных хороших вещах можно было только мечтать.

Не случайно Лев Никулин вспоминал о Маяковском: «Он, возвращаясь из заграничных поездок, часто говорил о техническом прогрессе, о том, чего в ту пору не было у нас, он хотел перенести в нашу страну не только метрополитен, Эйфелеву башню, хорошие автомобили, но и хорошо сшитую одежду и обувь»¹⁵⁰.

Как отмечали друзья, все вещи Владимира Маяковского, начиная с костюма и кончая паркером с ручкой и бумагой для писем, были дорогими и добротными. Бумага для корреспонденции, когда-то лежавшая в ящиках его письменного стола, плотная, хорошего качества, как конверты и визитные карточки, сделанные из красивой бумаги. Из Парижа им были привезены записные книжки в кожаном переплете с золотым обрезом.

Все эти мелочи говорят о безупречном вкусе В. Маяковского.

Иногда вещи могут рассказать о человеке больше, чем он сам о себе. Человек живет в мире вещей, пользуется ими при жизни и оставляет их после себя. Поэтому вещи становятся памятью о человеке, а иногда свидетельством материальной культуры целого поколения.

Рассказывая о мемориальных вещах Маяковского, невольно задумываешься, что стоит за каждой вещью. Порой они рожают бурю чувств, чистых, сильных, переворачивающих душу... Знакомясь с каждой вещью, принадлежавшей поэту, мы глубже понимаем и представляем образ не хрестоматийного поэта Маяковского, а Маяковского — Человека.

Он верил в бессмертие, верил, что будет существовать в далеком будущем «весомо, грубо, зримо»¹⁶⁰.

Маяковский для нас вне моды, вне времени, вне пространства, потому наш диалог с ним продолжается...

В. Маяковский. Фото А. Темерина. Москва. 1929 год. ГММ.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аладьин Егор Васильевич (1796–1860) – издатель, прозаик, поэт. 51
- Александра Алексеевна (см. Маяковская).
- Альберти Рафаэль (1902–1999) – испанский поэт. 48
- Андреева (наст. фамилия Юрковская) Мария Федоровна (1868–1953) – актриса. 136
- Аннушка (Губанова Анна Владимировна) (1889–1957) – домработница. 19, 155
- Арагон Луи (1897–1982) – французский писатель и общественный деятель, муж Эльзы Триоле. 48
- Аралова Вера Ипполитовна (р. 1911) – художник. 28
- Ардов Виктор Ефимович (1900–1976) – писатель. 51
- Асеев Николай Николаевич (1889–1963) – поэт. 18, 21, 26, 32, 34, 39, 41, 42, 46, 63, 91, 92, 93, 111, 123
- Афанасьев А.К. – шофер Маяковского. 120
- Афиногенов Александр Николаевич (1904–1941) – драматург. 122
- Ахматова Анна Андреевна (1889–1966) – поэт. 47, 133
- Ашукин Николай Сергеевич (1890–1972) – историк литературы, критик, поэт. 50
- Бабель Исаак Эммануилович (1894–1940) – писатель. 39
- Базаров – герой романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». 85
- Бальшин Михаил Юльевич (сын Бальшина Ю.Я.) – студент III курса МГУ, хим. ф-та, сосед В.В. Маяковского по квартире в Лубянском проезде. 8, 18
- Бальшин Юлий Яковлевич (1871–1938) – сотрудник Наркомлегпрома, сосед В.В. Маяковского по квартире в Лубянском проезде. 8, 18
- Бакст Лев Самойлович (1866–1924) – художник. 136
- Барнет Борис Васильевич (1902–1965) – кинорежиссер. 39
- Бедный Демьян (наст. фам. и имя Придворов Ефим Александрович) (1883–1945) – поэт. 26, 54, 120, 124, 126, 127
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) – русский литературный критик, философ, публицист. 56
- Березарк Илья Борисович (1897–1981) – журналист, театральный критик. 120, 155
- Бескин Осип Мартынович (1892–1969) – критик, издательский работник. 40
- Бестужев (Марлинский) – Александр Александрович (1797–1837) – русский писатель, декабрист. 51
- Блантер Матвей Исаакович (1903–1990) – композитор-песенник. 39
- Блок Александр Александрович (1880–1921) – поэт. 72
- Богатырев Петр Григорьевич (1893–1971) – театровед, собиратель фольклора. 54
- Богуславская Зоя Борисовна (р. 1924) – писатель, прозаик, драматург. 4

- Бодуэн де Куртене Иван Александрович (1845–1929) – языковед. 63
- Брик (в девичестве Каган) Лиля Юрьевна (Урьевна) (1891–1978) – жена О.М.Брика. 17, 19, 27, 29, 32, 34, 35, 38, 39, 40, 42, 43, 46, 50, 80, 81, 83, 84, 91, 94, 98, 108, 109, 113, 115, 118, 119, 120, 123, 129, 136, 141, 144, 148
- Брик Максим Павлович (1859–1928) – купец 1 гильдии, отец О.М. Брика. 17
- Брик Осип Максимович (1888–1945) – писатель, литературовед, сценарист. 17, 24, 34, 35, 36, 39, 42, 44, 46, 50, 80, 84, 91, 109, 123, 129
- Бровка Петрусь (Петр Устинович) (1905–1980) – белорусский поэт. 54
- Брюханенко Наталья Александровна (1905–1984) – филолог, была редактором в Госиздате, в дальнейшем работала в студии документальных фильмов. 22, 25, 26, 55, 64, 98, 105
- Бугровский Михаил Федорович (1856–1925) – архитектор. 8
- Булла Виктор Карлович (1883–1938) – фотограф. 101
- Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) – русский писатель. 54
- Бурлюк Давид Давидович (1882–1967) – поэт, художник, один из основоположников русского футуризма. 48, 64, 68, 69, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 100, 105, 106, 107
- Бурлюк Мария Никифоровна (урожденная Еленевская) (1894–1967) – жена Д.Д. Бурлюка. 68, 107, 155
- Бурлюк Никита (Николай) – Давидович (1915–1995) – сын Д.Д. Бурлюка. 107
- Бурлюк Николай Давидович (1890–1920) – поэт и художник, брат Д.Д. Бурлюка. 69, 71
- Буров Андрей Константинович (1900–1958) – архитектор. 39
- Буш Джордж Герберт Уокер (р.1924) – президент США. 125
- Валюженич Анатолий Васильевич (р.1936) – автор книги об О.М. и Л.Ю. Бриках. 123
- Вандурский Витольд (1891–1937) – польский поэт, драматург, театральный деятель. 152
- Вачнадзе Нато Георгиевна (1904–1953) – киноактриса, знакомая Маяковского. 21, 51, 56 109
- Вегнер Армин (1886–1978) – немецкий писатель, путешественник. 56
- Вертов Дзига (Кауфман Давид Абрамович) – (1897–1954) – кинорежиссер. 21, 39, 44
- Веснин Александр Александрович (1883–1959) – архитектор, живописец, театральный художник. 39, 136
- Веснин Виктор Александрович (1882–1950) – архитектор. 39, 136
- Вилковир Ирина Ефимовна (1913–1985) – художник. 28

- Винчи Леонардо (1452–1519) – итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый. 61
- Витрак Роже (1899–1952) – французский поэт, драматург, входил в группу сюрреалистов. 144
- Вознесенский Андрей Андреевич (р. 1933) – поэт. 4, 47
- Вольф М. – автор книги. 63
- Гаврилова Надежда Алексеевна – домохозяйка, соседка В.В. Маяковского по дому в Лубянском проезде. 16, 156
- Гамазин В.И. – шофер Маяковского. 120
- Гаршин Всеволод Михайлович (1855–1888) – русский писатель. 54
- Гейне Генрих (1797–1856) – немецкий поэт. 64
- Гельмгольц Герман Людвигович (1821–1894) – немецкий ученый в области механики. 61
- Гельцер Екатерина Васильевна (1876–1962) – балерина. 136
- Генс-Катанян Инна Юрьевна (р. 1928) – жена В.В. Катаняна. 22, 34, 35, 37, 38, 81
- Гинзбург Моисей Яковлевич (1892–1946) – архитектор. 39
- Головня Анатолий Дмитриевич (1900–1982) – кинорежиссер. 5, 39, 89, 90, 153
- Голль Иван (наст. фам и имя Исаак Ланг) (1891–1951) – поэт. 146
- Гончарова Наталья Сергеевна (1881–1962) – живописец, график, театральный художник, с 1915 г. жила в Париже. 44
- Горбачев Георгий Ефимович (1897–1942) – критик, историк литературы. 56
- Горбачев Михаил Сергеевич (р.1931) – генеральный секретарь ЦК КПСС. 125
- Горожанин Валерий Михайлович (1889–1941) – сотрудник НКВД, друг Маяковского. Репрессирован. Посмертно реабилитирован. 125
- Гофмейстер Адольф (1902–1973) – чешский художник-график. 92
- Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960) – художник. 133
- Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855) – русский историк. 54
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829) – русский писатель и дипломат. 41, 54
- Григорьев Борис Дмитриевич (1886–1939) – живописец, график, с 1919 г. жил за границей. 44
- Гринкрут Лев Александрович (1889–1987) – кинематографист, знакомый В.В. Маяковского. 82, 123
- Гросс Георг (1893–1959) – немецкий художник. 44
- Гупперт Гуго (1902–1981) – австрийский поэт, писатель, переводчик. 143
- Даль Владимир Иванович (1801–1872) – писатель, лексикограф, этнолог. 26, 63
- Д'Амичис Эдмондо (1846–1908) – итальянский писатель. 84

- Дейнека Александр Александрович (1899–1969) – художник. 86
- Делонэ Робер (1885–1941) – французский художник, знакомый В.В. Маяковского. 28, 143, 145, 146, 147
- Делонэ Соня (1885–1980) – жена Делонэ Р. 147
- Дельвиг Антон Антонович (1798–1831) – русский поэт. 51
- Деникин Антон Иванович (1872–1947) – генерал царской и белой армий. 10
- Денисовский Николай Федорович (1901–1981) – художник, один из основателей группы ОСТ, живописец, плакатист, педагог. 3, 5, 21, 40, 46, 92, 101, 114, 120
- Джонс Элли (Елизавета Петровна Зиберт) (1904–1984) – возлюбленная В.В. Маяковского, родила дочь от В. Маяковского Хэлен Патрицию (Елена р.15 июня 1926 г. в США). 107, 108, 124
- Диор Кристиан (1905–1957) – французский дизайнер, модельер одежды, основатель фирмы. 150
- Дитрих Марлен (1901–1991) – киноактриса. 150
- Добролюбов Николай Александрович (1836–1861) – русский критик, публицист, поэт. 56
- Довгалецкий Валериан Савельевич (1885–1934) – государственный деятель, с 1927г. полпред во Франции. 120
- Довженко Александр Петрович (1894–1956) – кинорежиссер, драматург. 21
- Долинский С.Д. издатель сборника «Пощечина общественному вкусу». 69
- Драйзер Теодор (1871–1945) – американский писатель. 42, 43, 58
- Дризен Николай Васильевич (1868–1935) – театральный деятель, историк театра, мемуарист. 55
- Дюамель Жорж (1884–1966) – французский писатель. 56, 57
- Дюртен Люк (псевдоним, наст. имя и фам. Неве Андре) (1891–1959) – французский писатель и публицист. 57
- Дюшан Марсель (1887–1968) – французский и американский художник и теоретик искусства. 144, 145
- Дю Плесси Грей Фрэнсин (р.1930) – дочь Татьяны Яковлевой и Бертрана дю Плесси, американская журналистка. 125
- Дягилев Сергей Павлович (1872–1929) – театральный деятель, организатор русских художественных выставок, создатель русских сезонов симфонического, оперного и балетного искусства за границей. В 1911 г. им была создана постоянная труппа «Русский балет Дягилева». 136, 148, 149
- Евгенийев-Максимов (настоящая фамилия Максимов) Владислав Евгеньевич (1883–1955) – историк литературы. 56
- Евдокимов Иван Васильевич (1887–1941) – писатель. 71

- Евреинов Николай Николаевич (1879–1953) – драматург, режиссер, историк театра. 133
- Еvtушенко Евгений Александрович (р.1933) – поэт, прозаик, публицист. 47
- Ельцин Борис Николаевич (1931–2007) – первый президент России. 125
- Ермолова Мария Николаевна (1853–1928) – актриса. 136
- Ефимов Борис Ефимович (1900–2008) – художник-карикатурист. 5
- Ефимов Г. – литературный критик. 56
- Жаров Александр Алексеевич (1904–1984) – поэт, один из организаторов объединения комсомольских поэтов «Молодая гвардия». 54, 115, 121
- Жемчужный Виталий Леонидович (1898–1966) – сценарист и кинорежиссер. 39, 42, 91, 92
- Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – русский поэт. 51
- Зеленая Рина (Екатерина) Васильевна (1902–1991) – актриса эстрады и кино. 39
- Зданевич Илья (Ильязд) Михайлович (1894–1975) – поэт, драматург, футурист. 77
- Зунделович Михаил Данилович (1876–1955) – врач-венеролог, сосед В.В. Маяковского. 14, 15, 16
- Игнатович Борис Всеволодович (1899–1976) – фотограф. 88
- Иден Мартин – герой одноименного романа Д. Лондона. 82, 84
- Ильф Илья Аркадьевич (Файнзильберг) (1897–1937) – писатель. 88, 118
- Ильяшенко Ийя (Панкратова Лидия Степановна) (1894–1984) – актриса. 72
- Калманович – автор книги. 63
- Каменский Василий Васильевич (1894–1961) – поэт. 39, 70, 72, 74, 75, 76, 77, 78
- Карсавина Тамара Платоновна (1885–1978) – балерина. 136
- Карсон Питер (р.1988) – правнук Стахеева Н.Д. 96
- Кассиль Лев Абрамович (1905–1970) – писатель. 15, 39, 44, 123
- Катанян Василий Абгарович (1902–1980) – биограф Маяковского, гражданский муж Л.Ю. Брик 41, 91, 93, 94
- Катанян Василий Васильевич (1924–1999) – кинорежиссер-документалист, писатель. Сын Катаняна В.А. и Катанян Г.Д. 27, 34, 35
- Кенигсберг М. – автор воспоминаний о Маяковском. 139
- Кирсанов (Кортчик) Семен Исаакович (1906–1972) – поэт, участник группы «ЛЕФ». 15, 21, 39, 42, 436, 91
- Киршон Владимир Михайлович (1902–1938) – драматург. 122
- Клейман Наум Ихильевич (р.1937) – киновед, директор музея кино. 101, 102
- Клер Рене (1898–1981) – французский режиссер. 57, 119
- Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868–1959) – актриса. 136
- Кокто Жан (1889–1963) – французский писатель и художник. 57

- Колчак Александр Васильевич (1879–1920) – адмирал. 132
- Кольцов (наст. фам. Фридлянд) Михаил Ефимович (1898–1942) – журналист. 39
- Комарденков Василий Петрович (1897–1973) – художник. 40
- Коненков Сергей Тимофеевич (1874–1971) – скульптор. 64
- Конрад Джозеф (наст. имя и фам. Юзеф Теодор Конрад Коженевский) (1857–1924) – английский писатель. 56
- Красин Леонид Борисович (1870–1926) – советский государственный деятель, дипломат. 46, 137
- Краснощекова (в замужестве Варшавская) Луэлла Александровна (1910–2002) дочь А.М. Краснощекова. Во время ареста отца (в середине 1920-х гг.) воспитывалась в семье Бриков. 91
- Кривцов Николай Яковлевич (р.1907) – сосед Маяковского по коммунальной квартире в Лубянском проезде. 10
- Крупская (Ульянова) Надежда Константиновна (1869–1939) – советский политический деятель, жена В.И. Ленина. 55
- Крученых Алексей Елисеевич (1886–1906) – один из теоретиков кубофутуризма. 29, 64, 71, 72, 77
- Крылов Порфирий Никитович (Кукрыниксы) (1902–1990) – художник-график, живописец. 5
- Кузнецов И. – столяр, делавший В. Маяковскому мебель. 34, 37
- Кузьмин Г.Л. издатель сборника «Пощечина общественному вкусу». 69
- Кузьмин Михаил Алексеевич (1875–1936) – поэт. 133
- Куйбышев Валериан Владимирович (1888–1935) – государственный и партийный деятель. 62, 122
- Кулешов Лев Владимирович (1899–1970) – кинорежиссер, педагог. 39, 91, 109, 110, 118, 119
- Кульбин Николай Иванович (1868–1917) – врач, художник, один из основоположников русского художественного авангарда. 71
- Куприн Александр Иванович (1870–1938) – русский, советский писатель. 54
- Куприянов Михаил Васильевич (Кукрыниксы) (1903–1992) – художник-график, живописец. 5
- Кустодиев Борис Михайлович (1878–1927) – живописец, график, театральный художник. 133
- Кюхельбеккер Вильгельм Карлович (1797–1846) – русский поэт, критик, переводчик. 51
- Лавинский Антон Михайлович (1893–1968) – скульптор, педагог. 21, 39, 44
- Лавут Павел Ильич (1898–1979) – организатор выступлений В.В. Маяковского с июля 1926 г. 28, 29, 51, 62, 97, 98, 141, 154

- Ламанова Надежда Петровна (1861–1941) – художник-модельер. 136, 137
- Ланг Евгения Александровна (1890–1980) – художник. 28
- Ларионов Михаил Федорович (1881–1964) – живописец, график, с 1915 г. жил в Париже. 44, 77
- Лаудер Эсти (1908–2004) – глава косметической фирмы. 150
- Левидов Михаил Юльевич (1891–1942) – писатель, журналист, критик. Репрессирован. 91
- Левин Алексей Сергеевич (прозвище Джон) (р.1893) – художник, участник Лефа, входил в близкий круг знакомых В.В. Маяковского. 10, 32, 91, 124
- Левина Нина Ивановна (р.1921) – соседка В.В. Маяковского по коммунальной квартире в Лубянском проезде. 10
- Леже Фернан (1881–1952) – французский художник. 143
- Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – государственный и политический деятель, глава первого советского государства. 23, 26, 50, 55, 56, 90
- Леонидзе Георгий Николаевич (1899–1966) – грузинский поэт. 54
- Лепешинская О.Б. – автор статьи. 60
- Лепешинский Пантелеймон Николаевич (1868–1944) – деятель революционного движения, публицист. 55
- Ливанов Борис Николаевич (1904–1972) – актер МХАТ, был в дружеских отношениях с В.В. Маяковским. 39
- Лившиц Бенедикт Константинович (Наумович) (1886–1938) – поэт, переводчик, мемуарист. 70, 71, 78, 79
- Линдер (Г.М.Левель) Макс (1885–1925) – популярный французский актер немого кино, эксцентрический комик. 78, 79
- Литовский Осаф Семенович (наст. фам. Уриэл) (1892–1971) – писатель, журналист. 15
- Лондон Джек (Гриффит Джон) (1876–1916) – американский писатель. 82
- Лопушанский – художник. 83
- Лот Андре (1885–1962) – французский живописец, педагог. 44
- Луначарская-Розенель Наталья Александровна (1902–1962) – драматическая актриса, жена А.В. Луначарского. 39, 40, 153
- Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – государственный и партийный деятель, писатель, драматург, критик, нарком просвещения РСФСР. 13, 32, 34, 41, 45, 54, 84, 90, 133, 136, 153
- Людмила (см. Маяковская).
- Малютин Иван Андреевич (1889–1932) – художник. 87

- Ман Рей (1890–1976) – американский фотограф-сюрреалист, классик американского киноискусства. 145
- Маринетти Томазо (1876–1944) – глава и теоретик итальянского футуризма, сподвижник Муссолини.
- Маркс Карл (1818–1883) – основоположник марксизма, мыслитель, общественный деятель. 50
- Маршак Самуил Яковлевич (1887–1964) – поэт, переводчик. 39
- Маяковская Александра Алексеевна (1867–1954) – мать поэта. 66, 70, 109, 156
- Маяковская Людмила Владимировна (1884–1972) – сестра поэта, художник по тканям. 69, 73, 76, 87, 100, 109, 131, 137, 140, 146
- Маяковская Ольга Владимировна (1890–1949) – сестра поэта. 21, 67, 85, 109
- Маяковский Владимир Константинович (1857–1906) – отец поэта. 66
- Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940) – актер и режиссер, теоретик театра. В 1920–1938 гг. возглавлял в Москве театр, названный в последствии его именем. 39, 45, 46, 55, 65, 85, 126, 155, 156
- Мерцалова Галина Георгиевна – зав. отделом Политехнического музея. 127
- Милонов Ю. – автор книги. 61
- Миямото Юрико (Тюдзе) (1899–1951) – японская писательница. 114
- Мозжухин Иван Илларионович (1889–1939) – киноактер. 81
- Мольер Жан Батист (наст. имя и фамилия Жан Батист Поклен) (1622–1673) – французский поэт, актер, драматург. 45
- Моор (наст. фам. Орлов) Дмитрий Стахивич (1883–1946) – график. 21, 64
- Мустангова (наст. фам. Рабинович) Евгения Яковлевна (р.1905) – литературный критик, литературовед. 56
- Мухина Вера Игнатьевна (1889–1953) – скульптор. 133
- Накоряков Николай Никандрович (1881–1970) – директор издательства «Международная книга». 126
- Незнамов (наст. фам. Лежанкин) Петр Васильевич (1889–1941) – поэт, секретарь журнала «ЛЕФ». 20, 32, 37, 39, 42, 45, 46, 93
- Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877) – русский поэт. 51
- Нивинский Ян (1900–1972) – польский актер. 82
- Никифоров Николай Александрович – коллекционер из Тамбова. 73, 74, 107
- Никулин Лев Вениаминович (1891–1967) – писатель. 16, 51, 91, 94, 95, 114, 157
- Нюрнберг Амшей Маркович (1888–1979) – художник. 86
- Одоевский Александр Иванович (1802–1839) – поэт. 51
- Окуджава Булат Шалвович (1924–1997) – поэт, прозаик, певец, композитор. 47
- Ольга (см. Маяковская).

- Орлова Л.Н. (урожд. Аистова, в первом замужестве – Яковлева, во втором – Орлова) (1887–1963) – мать Т. Яковлевой. 151
- Ортис Рубио Паскуаль (1877–1963) – президент Мексики. 102
- О'Хитгинс Пабло (1904–1983) – художник, ассистент Диего Риверы. 102
- Оцуп Петр Арнольдович (1883–1963) – мастер фотоискусства. 152
- Павлова Анна Павловна (1881–1931) – балерина. 151
- Пастернак Борис Леонидович (1890–1960) – поэт, прозаик, переводчик, входил в группу «ЛЕФ», вышел в 1927 г. 21, 39, 47
- Петров Евгений Петрович (настоящая фамилия Катаев) (1902–1942) – писатель, брат В.П. Катаева. 88, 118
- Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878–1939) – художник. 132
- Пиаф Эдит (настоящая фамилия Гасьон) (1915–1963) – французская эстрадная певица (шансонье). 150
- Пикабия Франсис (1879–1953) – французский художник. 44, 145
- Пикассо Пабло (1881–1973) – французский живописец, график, скульптор. 45, 143
- Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868) – русский публицист и литературный критик. 56
- Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) – политический деятель русского и международного движения. 50
- Полонская Вероника Витольдовна (1908–1994) – актриса МХАТ, снималась в кинофильмах: «Стеклозавод» (1929) «Три товарища» (1935). Последняя любовь В.В. Маяковского. 21, 27, 28, 39, 45, 64, 93, 101, 111, 124, 140
- Полянский Валерьян (наст. фам. и имя Лебедев Павел Иванович) (1881–1948) – критик, литературовед. 56
- Попова Любовь Сергеевна (1889–1924) – живописец, график. 136, 139
- Потапов Н.М. – сотрудник «Комсомольской правды». 22, 23
- Примаков Виталий Маркович (1897–1937) – советский военачальник. С 1932 г. гражданский муж Л.Ю. Брик. Репрессирован. Реабилитирован посмертно. 123
- Пристлей – английский химик XVIII века. 61
- Пруст Марсель (1871–1922) – французский писатель. 57
- Пудовкин Всеволод Илларионович (1893–1953) – кинорежиссер. 39, 89
- Пунин Николай Николаевич (1888–1953) – искусствовед. 39
- Пучков Анатолий Иванович (псевд. Серебряный) (1894–1973) – поэт-футурист, партийный деятель. 80
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – русский поэт. 44, 50, 51, 52
- Радиге Реймон (1903–1923) – французский писатель и поэт. 57

- Райт-Ковалева Рита Яковлевна (1898–1989) – переводчик художественной литературы. 64, 143
- Райх Зинаида Николаевна (1891–1939) – актриса, жена В.Э.Мейерхольда. 39, 46
- Ратенау Вальтер (1867–1922) – крупный промышленник, писатель, философ, политик. 58
- Рейтынбарг Д.И. – сотрудник института охраны труда. 62
- Рерих Николай Константинович (1874–1947) – художник, теософ. 64
- Ривера Диего (1886–1957) – мексиканский художник. 21, 35, 42, 102, 103, 104
- Роги М. – автор книги. 63
- Родченко Александр Михайлович (1891–1956) – художник, график, дизайнер, фотограф, входил в группу «Леф» и «Новый Леф». В 1920-е гг. работал с В.В. Маяковским (оформление книг поэта, фотопортреты, театральные постановки и т.п.). 20, 21, 23, 39, 42, 44, 45, 46, 62, 91, 100, 108, 120, 135, 136, 137, 138, 145
- Розенель (см. Луначарская). 39, 153
- Ромен Жюль (наст. фам. и имя Луи Фаригуль) (1885–1972) – французский писатель, поэт. 57, 58
- Роскин Владимир Осипович (1896–1984) – художник. 124
- Рост Нико (1896–1967) – голландский писатель и журналист. 112
- Рубинчик М. – автор книги. 63
- Руссо Анри (1844–1910) – французский живописец. 44
- Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826) – русский поэт-декабрист. 51, 52, 53
- Рябова Наталия Федоровна (1907–1992) – знакомая В.В. Маяковского. Окончила музыкальный техникум и экономическое училище. Ею составлен Указатель имен и названий для 13-томного собрания сочинений В.В. Маяковского. 59, 115, 135
- Сабсович С.М. – автор книги. 62
- Садандзи Итикава (1880–1939) – руководитель театра «Кабуки» и актер, крупнейший представитель искусства Кабуки. 43
- Садуль Жорж (1904–1967) – французский историк кино, критик. 43
- Сэвери Томас (1650–1715) – английский изобретатель паровой машины. 61
- Северянин Игорь (наст. имя и фам. Лотарев Игорь Васильевич) (1887–1942) – поэт. 71
- Сельвинский Илья (наст. имя Карл Львович) (1899–1968) – поэт, руководитель литературной группы конструктивистов. 21, 39
- Семашко Николай Александрович (1874–1949) – государственный деятель, один из организаторов советского здравоохранения. 97
- Семенова Евгения Владимировна (1898–1983) – художник. 44

- Сен Лоран Ив (1936–2008) – французский модельер, основатель фирмы. 150
- Сеничева-Кашенко Ольга Дмитриевна – директор первого советского ателье. 133, 134
- Сикорский Игорь Иванович (1889–1972) – авиаконструктор, промышленник. 118
- Синклер Льюис (1885–1951) – американский писатель. 43
- Синявский Андрей Донатович (Абрам Терц) (1925–1997) – писатель, литературовед, публицист, критик. 47
- Скиталец (Петров) Степан Гаврилович (1869–1941) – русский, советский писатель. 54
- Скорятин Валентин Иванович (1935–1994) – поэт., журналист, автор статей о последних годах жизни Маяковского. 73
- Славинский Евгений Осипович (1877–1950) – кинорежиссер и кинооператор. 82
- Смирнов-Сокольский (Смирнов) – Николай Павлович (1898–1962) – советский артист, библиофил. 51, 52
- Соколов Николай Александрович (Кукрыникисы) (1903–2000) – художник-график, живописец. 5, 56
- Солнцева Юлия Ипполитовна (1901–1981) – актриса и режиссер кино. 21, 136
- Сологуб Федор (псевдоним Тетерникова Федора Кузьмича) (1863–1927) – поэт. 133
- Сомов Константин Андреевич (1869–1939) – живописец, график. 133
- Сорин Савелий Абрамович (1878–1953) – художник. 64
- Спасский Сергей Дмитриевич (1898–1956) – писатель. 81
- Стахеев Николай Дмитриевич (р. 1852) – купец I гильдии, владелец доходных домов в Москве. 8, 96
- Стенич (Сметанич) Валентин Осипович (1898–1939) – русский, советский переводчик, критик. 51
- Степанова Варвара Федоровна (1894–1958) – художник, график, театральный оформитель, жена А. Родченко. 40, 42, 46, 135, 136, 138, 139
- Стогова Любовь Ивановна – заслуженный врач России, кандидат медицинских наук, соседка В.В. Маяковского по дому в Лубянском проезде. 15
- Судакевич Анель (наст. имя Анна) Алексеевна (1906–2002) – художник по костюмам. 5
- Судейкин Сергей Юрьевич (1882–1946) – художник. 64
- Табидзе Галактион Васильевич (1892–1959) – грузинский поэт. 54
- Табидзе Тициан Юстинович (1895–1957) – грузинский поэт. 54
- Татарийская Людмила Семеновна (р.1907) – соседка В.В. Маяковского по квартире в Лубянском проезде. 10, 29, 128

- Татарийская Мария (Мэри) Семеновна (1902–1990) – соседка В.В. Маяковского по квартире в Лубянском проезде. 10
- Татарийский Семен Борисович, сосед В.В. Маяковского по квартире в Лубянском проезде. 10
- Татлин Владимир Евграфович (1885–1953) – живописец, график, художник театра, монументалист, дизайнер. 40
- Темерин Алексей Алексеевич (1889–1977) – актер, профессиональный фотохудожник, фотолетописец спектаклей В.Э. Мейерхольда. 156, 157
- Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920) – биолог, один из основоположников русской школы физиологов растений. 58
- Тоидзе Александра Моисеевна (р.1907) – грузинская киноактриса. 87
- Томашевский Борис Викторович (1890–1957) – филолог, литературовед. 56
- Томпсон Патриция (Хелен Патриция) (р. 1926) – дочь В. Маяковского и Э. Джонс. Специалист в области семейной психологии и экономики домашнего хозяйства. Профессор. Живет в США. 107, 124
- Третьяков Сергей Михайлович (1892–1939) – писатель, поэт, драматург. Репрессирован. Реабилитирован посмертно. 39, 91
- Третьякова (Гомолицкая) Ольга Михайловна (1895–1973) – жена С.М. Третьякова. Репрессирована. Реабилитирована посмертно. 43
- Триоле Эльза Юрьевна (урожд. Каган) (1896–1970) – писательница, сестра Л.Ю. Брик. 17, 48, 64, 140, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 155
- Триоле Андрей Петрович – первый муж Э. Триоле. 149
- Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – русский писатель. 85
- Туркин Никандр Васильевич (1863–1919) – кинорежиссер. 82
- Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943) – писатель, литературовед. 56
- Тышлер Александр Григорьевич (1898–1980) – художник, график, критик, драматург. 40
- Тцара Тристан (1896–1963) – французский поэт. 143
- Уайльд Оскар (1856–1900) – английский писатель. 19
- Уатт Джеймс (1736–1819) – английский изобретатель, создатель универсального теплового двигателя. 61
- Уткин Иосиф Павлович (1903–1944) – поэт. 90, 115
- Ушаков Николай Николаевич (1899–1973) – поэт. 39
- Фадеев Александр Александрович (1901–1956) – русский, советский писатель. 54
- Федоров А.Я. – участник выставки. 59
- Федотов А. – автор книги. 55
- Филиппов Борис Михайлович (1903–1991) – организатор первого клуба

творческой интеллигенции (впоследствии ЦДРИ). Директор ЦДРИ с 1955 по 1981. 90, 91

- Финкель Александр Моисеевич (1899–1968) – переводчик, лингвист. 56
- Фогель Владимир Петрович (1902–1929) – советский актер, работал в мастерской Л. Кулешова. 39
- Форд Генри (1863–1947) – владелец американской автомобильной фирмы. 116, 122
- Фореггер Николай Михайлович (1892–1939) – режиссер. 135
- Фрелих Олег Николаевич (1888–1955) – актер, знакомый О.М. Брик. 84
- Халатов Артемий Багратович (1895–1938) – партийный и государственный деятель СССР. 12
- Харджиев Николай Иванович (1903–1996) – литературный критик, искусствовед, историк литературы. 46
- Хвас Ида Яковлевна (1892–1945) – знакомая В.В. Маяковского. 68, 76, 78
- Хепберн Одри (1929–1993) – американская киноактриса. 150
- Хикмет Назым Ран (1902–1963) – турецкий писатель и общественный деятель, автор сатирических комедий, удостоен Международной премии мира (1950). 43
- Хлебников Велимир (наст. имя Виктор Владимирович) (1885–1922) – поэт, мыслитель, основатель будетлянства. 69
- Ходасевич Валентина Михайловна (1894–1970) – художник, график, художник театра. Оформляла в апреле 1930 г. в Госцирке спектакль В.В. Маяковского «Москва горит». 146, 148, 149
- Холодная Вера Васильевна (1893–1919) – киноактриса. 136
- Хохлова Александра Сергеевна (1897–1985) – киноактриса, педагог. 5, 39, 91, 109, 110
- Хренов Иульян Петрович (1901–1946) – знакомый Маяковского. 5, 40
- Цандер Фридрих Артурович (1887–1933) – ученый, один из первых разработчиков ракетной техники в СССР. 59
- Царман Александр Александрович (1908–2000) – солист балета ГАБТа, режиссер. 5
- Цимакурдзе Александр грузинский художник, учился вместе с Маяковским в училище живописи, ваяния, зодчества. 147
- Циолковский Константин Эдуардович (1857–1935) – основоположник космонавтики. 59
- Чагин Петр Иванович (1898–1967) – издатель, журналист. 5
- Черемных Михаил Михайлович (1890–1962) – художник, работал с В. Маяковским в РОСТА. 21, 26, 85, 86, 87, 112

- Черемных Нина Александровна – жена художника М.М. Черемных. 112
- Чехов Антон Павлович (1860–1904) – русский писатель. 54, 66, 136, 154
- Чехонин Сергей Васильевич (1878–1936) – художник, график, театральный художник. 113
- Чуковский Корней Иванович (наст. имя и фам. Корнейчуков Николай Васильевич) (1882–1969) – писатель. 66, 70
- Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982) – писатель, публицист. 133
- Шекспир Вильям (1564–1616) – английский драматург и поэт. 124
- Шершеневич Вадим Габриэлевич (1893–1942) – поэт, переводчик. 72
- Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) – писатель. 16, 21, 27, 39, 45, 56
- Шопен Фредерик (1810–1849) – польский композитор. 90
- Шпильман – директор Межрабпомфильма. 153
- Штеренберг Давид Петрович (1881–1948) – живописец, график, педагог. 38, 40
- Штеренберг Надежда Давидовна (1897–1979) – жена художника Д.П. Штеренберга. 38
- Шуб Эсфирь Ильинична (1894–1959) – режиссер-документалист. 39
- Шумов Петр Иванович (1872–1936) – фотограф. 109, 110
- Шурыгин М.М. – нач. управления ГАИ ГУВД Мосгорисполкома. 123
- Эйнштейн Альберт (1879–1955) – физик-теоретик. 59, 60, 61
- Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898–1948) – режиссер, теоретик кино, педагог. 21, 39, 43, 44, 101, 102
- Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959) – советский литературовед, теоретик искусства. 15, 39, 56
- Экстер Александра Александровна (1882–1949) – живописец, представитель конструктивистского движения. 136
- Эльза (см. Триоле). 17, 143, 148
- Энгельс Фридрих (1820–1895) – немецкий философ, историк, социальный и политический мыслитель, деятель международного революционного движения. 50
- Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) – писатель. 102
- Юсупова (в девичестве Сумарокова-Эльстон) Ирина Александровна (1895–1970) – княгиня. 137
- Юденич Николай Николаевич (1862–1933) – генерал, один из организаторов контрреволюционного движения в Гражданскую войну. 10
- Юткевич Сергей Иосифович (1904–1985) – кинорежиссер, теоретик кино, художник. 5
- Якобсон Роман Осипович (1896–1992) – лингвист, филолог, литературовед. Организатор кружка «ОПОЯЗ» (общество изучения поэтического языка).

- В 1921 – сотрудник полпредства СССР в Чехословакии. С 1941г. жил в США. С В.В. Маяковским был в дружеских отношениях. 8, 59
- Яковлев Александр Евгеньевич (1887–1938) – художник. С 1910-х гг. жил в Париже, дядя Т.А. Яковлевой.
 - Яковлев Я. – автор книги. 63
 - Яковлева (в первом замужестве – дю Плесси, во втором – Либерман) – Татьяна Алексеевна (1906–1991) – модельер женской одежды, художник-дизайнер. В 1928–1929 гг. встречалась в Париже с В.В. Маяковским. 119, 150, 151
 - Якубинский Лев Петрович (1892–1945) – лингвист. 56
 - Янгфельдт Бенгт (р.1948) – шведский словист, переводчик русской литературы, исследователь творчества и биографии В. Маяковского. 19
 - Яншин Михаил Михайлович (1902–1976) – актер МХАТ. Первый муж В.В. Полонской. 39, 45, 101

«КОМНАТЕНКА-ЛОДОЧКА»

Ссылки на тексты В.В. Маяковского даются по изд.: Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М.: ГИХЛ, 1955 – 1961.

1. Там же. – Т. 8. С. 284
2. Там же. – Т. 8. С. 299
3. Там же. – Т. 8. С. 300–301
4. Там же. – Т. 12. С. 153
5. Рукописно-документальный фонд Государственного музея В.В. Маяковского (в дальнейшем РДФ ГММ) – КП № 5700
6. Маяковский В. – Т. 6. С. 339–341
7. РДФ ГММ КП № 5492
8. Маяковский В. – Т. 8. С. 283–284
9. Там же. – Т. 8. С. 285
10. Никулин Л. – Владимир Маяковский//В. Маяковский в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1963. С. 511
11. Маяковский В. – Т. 10. С. 284–285
12. Там же. – Т. 4. С. 148
13. Триоле Э. – Русский поэт. РДФ ГММ КП № 13688, машин. С. 52
14. Асеев Н. – На моей памяти. РДФ ГММ КП № 13194, С. 2
15. Маяковский В. – Т. 4. С. 182
16. Там же. – Т. 4. С. 141
17. Там же. – Т. 4. С. 147
18. Там же. – Т. 4. С. 178
19. Там же. – Т. 1. С. 26
20. Катанян В.А. – Маяковский. Хроника жизни и деятельности. М.: Советский писатель. 1985. – С. 238
21. Маяковский В. – Т. 12. С. 58
22. Родченко А. – Статьи. Воспоминания. Автобиографические записки. Письма. М.: Советский художник 1982. – С. 66–67
23. Там же. – С. 67
24. Там же. – С. 67
25. Незнамов П. – Маяковский в двадцатых годах. РДФ ГММ КП № 13335/В-252. С. 8–10.
26. Маяковский В. – Т. 12. С. 144. В июле 1939 г. по решению СНХ СССР Лубянский проезд был переименован в проезд Серова, в память о Герое Советского Союза А.К. Серове, погибшем с П. Осипенко 11 мая 1939 г. при испытании новой конструкции боевого самолета.

27. Полонская В. – Последний год // Имя этой теме: Любовь! Современницы о Маяковском. М.: Дружба народов. 1993. С. 286
28. Протокол беседы с Брюханенко Н. – Запись Л.С. Фейгельман май 1938 г. РДФ ГММ КП №13387/В-52. машин. С. 1
29. Потапов Н. – Четыре года с Маяковским // Маяковский в воспоминаниях родных и друзей. М.: Московский рабочий. 1968. С. 270
30. Маяковский В. – Т. 12. С. 17
31. Там же. – Т. 5. С. 288
32. Там же. – Т. 8. С. 7
33. В ГММ хранится 68 записных книжек В.В. Маяковского. В РГАЛИ хранятся 4 книжки, в США в Гарвардском университете – 1.
34. Протокол беседы с Брюханенко Н. – Запись Л.С. Фейгельман май 1938 г. РДФ ГММ КП №13387/В-52. машин. С. 1
35. Шкловский В. – О Маяковском. М.: Советский писатель. 1940. С. 201
36. Полонская В. – Последний год // Имя этой теме: Любовь! Современницы о Маяковском. М.: Дружба народов. 1993. С. 297
37. Ланг Е. – Воспоминания о Маяковском и о моей молодости. Тетрадь №5 РДФ ГММ КП №29784/В-188 рук. С. 43
38. Полонская В. – Последний год // Имя этой теме: Любовь! Современницы о Маяковском. М.: Дружба народов. 1993. С. 290
39. Маяковский В. – Т. 12. С. 139

ПРОУЛОК, МОЩЕННЫЙ СЛОВОМ

1. Брик Л. – О Владимире Маяковском. // Дружба народов. 1989. №3. С. 210
2. Маяковский В. – Т. 9. С. 23–24
3. Там же. – Т. 13. С. 82
4. РДФ ГММ КП №1
5. Катанян В.А. – Возьми строку и время верни... // Звезда. 1977. №1 С. 187
6. Катанян В.А. – Распечатанная бутылка. // Нижний Новгород. Деком. 1999. С. 44
7. Катанян В.В. – Лиля Брик. Владимир Маяковский и другие мужчины // М. Захаров. АСТ. 1998. С. 70
8. Незнамов П. – Маяковский в двадцатых годах // В. Маяковский в воспоминаниях современников. С. 377
9. Там же. – С. 377
10. Там же. – С. 363

11. Луначарская-Розенель Н. – Луначарский и Маяковский // В. Маяковский в воспоминаниях современников. С. 473
12. Шилов Л. – Здесь жил Маяковский. М.: Московский рабочий. 1963. С. 13
13. Незнамов П. – Маяковский в двадцатых годах // В. Маяковский в воспоминаниях современников. С. 379
14. Там же. – С. 384
15. Катанян В.А. – Маяковский. Хроника жизни и деятельности. М.: Советский писатель. 1985. С. 411
16. Там же. – С. 411
17. Там же. – С. 579
18. Маяковский В. – Т. 7. С. 125
19. Шилов Л. – Здесь жил Маяковский. М.: Московский рабочий. 1963. С. 29–30
20. Родченко А. – Статьи. Воспоминания. Автобиографические записки. Письма. М.: Советский художник 1982. С. 73
21. Незнамов П. – Маяковский в двадцатых годах // В. Маяковский в воспоминаниях современников. С. 391
22. Маяковский был кремирован. Урна с прахом поэта находилась в главном здании колумбария Донского монастыря, затем в 1953 году было сделано захоронение праха на Новодевичьем кладбище. В 1963 году на могиле В. Маяковского был установлен бронзовый скульптурный портрет поэта работы А.П. Кибальникова. Здесь же были похоронены мать Владимира Маяковского – Александра Алексеевна (в 1954 г.) и сестры: Ольга Владимировна (в 1949 г.) и Людмила Владимировна (в 1972 г.).
23. По постановлению Московского Совета в декабре 1935 года Гендриков переулок был переименован в переулок Маяковского. Тогда же Триумфальная площадь была переименована в площадь Маяковского. Памятник поэту на площади Маяковского работы А.П. Кибальникова был установлен в 1958 году. В этом же году станция метро «Триумфальная площадь» была переименована в станцию «Маяковская».
24. В январе 1974 года, после открытия ГММ в проезде Серова, было принято решение Исполкома Моссовета № 135 от 23 января 1974 года «О передаче памятника истории и культуры дома 15/13 по пер. Маяковского Госкомитету СМ РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли» для размещения аппарата Правления Добровольного Общества любителей книги РСФСР. За музеем оставили только две комнаты (столовую и комнату В. Маяковского) с отдельным входом с улицы и лестничным маршем. От мемориальной комнаты и гостиной-столовой капитальной стеной

была отделена остальная часть квартиры: коридор, комнаты Л. Ю. и О. М. Брик. Ванная и кухня были реконструированы под помещения для сотрудников ДОК.

ДРУЗЬЯ ИЗ «КОМПАТЕНКИ-ЛОДОЧКИ»

1. «Известия», 1934, 2 октября.
2. Вачнадзе Н. – Владимир Маяковский // В. Маяковский в воспоминаниях современников. С. 306
3. Смирнов-Сокольский Н. – Только не воспоминания // Рассказы о книгах. М.: Книга. 1977. С. 33–37
4. Маяковский В. – Т. 7. С. 152
5. Поэты Грузии. Тифлис. 1921. С. 2
6. Катанян В. А. – Маяковский. Хроника жизни и деятельности. С. 487.
7. Брюханенко Н. – Пережитое. // Имя этой теме: Любость! С. 208–209
8. Там же. – С. 209
9. Маяковский В. – Т. 4. С. 231
10. Маяковский В. – Там же.
11. Ратенау В. – Механизация жизни. П.:Атений. 1923. С. 3
12. Катанян В. А. – В. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. С. 411
13. Маяковский В. – Т. 9. С. 384
14. Колодный Л. – Зеленая трасса ракеты. М.: Политиздат. 1972. С. 63
15. Якобсон Р. – О поколении, растратившем своих поэтов. // Смерть Владимира Маяковского. Берлин. 1930. С. 20
16. Маяковский В. – Т. 12. С. 396
17. Там же. – С. 396
18. Там же. – Т. 5. С. 294
19. Там же. – Т. 7. С. 121
20. Протокол беседы с Асеевым Н. по квартире Маяковского в Гендриковом переулке. – Запись Л. С. Фейгельман ГММ РФ КР №13195(2), машин. С. 4
21. Триоле Э. – Воинствующий поэт // Я земной шар чуть не весь обошел... М.: Современник. 1988. С. 325
22. Полонская В. – Последний год // Имя этой теме: Любость! С. 278

МАЯКОВСКИЙ «ОТ КУТОР»

1. Чуковский К. – Маяковский // В. Маяковский в воспоминаниях современников. С. 125

2. Маяковский В. – Т. 1. С. 21
3. Хвас И. – Воспоминания о Маяковском // Литературное обозрение. М. 1993. №9–10. С. 33
4. Маяковский В. – Т. 1. С. 187
5. Там же. – С. 20
6. Д.Д. и М.Н. Бурлюки – Маяковский и его современники // Литературное обозрение. М. 1993. №6. С. 18–19.
7. Маяковский В. – Т. 1. С. 59
8. Лившиц Б. – Полутораглазый стрелец. Л.: Советский писатель. 1989. С. 425
9. Маяковская Л. – О Владимире Маяковском. М.: Детская литература. С. 188
10. Маяковский В. – Т. 1. С. 21
11. Чуковский К. – Собр.соч. в 6 томах. М. 1965. Т. 2. С. 352
12. Катанян В.А. – Маяковский. Хроника жизни и деятельности. С. 77
13. Овчаренко-Чернодубовская Е. – Я жадно впитывала. // Нева. С-П. 2005. №9 С. 240
14. Маяковский В. – Т. 1. С. 186
15. Там же. – Т. 1 С. 311–312
16. Маяковская Л. – О Владимире Маяковском. С. 193
17. Д.Д. и М.Н. Бурлюки – Маяковский и его современники // Литературное обозрение. М. 1993. №6. С. 20.
18. Маяковский В. – Т. 1. С. 175
19. Хвас И. – Воспоминания о Маяковском // Литературное обозрение. М. 1993. №9–10. С. 34–35
20. Лившиц Б. – Полутораглазый стрелец. С. 443
21. Там же. – С. 443
22. Там же. – С. 422–423
23. Маяковский В. – Т. 1. С. 23
24. Спасский С. – Москва // В. Маяковский в воспоминаниях современников. С. 175
25. Гринкруг Л. – Не для денег родившийся // В. Маяковский в воспоминаниях современников. С. 180
26. Нивинский Я. – Не только в ателье... // Я земной шар чуть не весь обошел... М.: Современник. 1988. С. 302
27. Янгфельдт Б. – В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: Переписка 1915–1930. Stockholm. 1982. С. 55
28. Маяковская Л. – О Владимире Маяковском. С. 223
29. Там же. – С. 224

30. Черемных М. – Маяковский в РОСТА//В. Маяковский в воспоминаниях современников. С. 202
31. Маяковский В. – Т. 10 С. 280–281
32. Маяковский В. – Т. 10 С. 284
33. Нюренберг А. – Маяковский с художниками//В. Маяковский в воспоминаниях современников. С. 205
34. Тоидзе А. – Из воспоминаний//Перед вами багдадские небеса. Тбилиси. 1973. С. 174
35. Маяковский В. – Т. 8 С. 194
36. Там же. – Т. 5. С. 88
37. Головня А. – Стенограмма воспоминаний о Маяковском. Запись зав. мемориальным фондом Л.Е. Колесниковой 18 февраля 1981 г. РДФ ГММ КП/В – 1029, машин. С. 2–3
38. Там же – С. 5
39. Маяковский В. – Т. 6. С. 239–240
40. Филиппов Б. – Маяковский среди актеров//Маяковский в воспоминаниях родных и друзей. М.: Московский рабочий. 1968. С. 295
41. Там же – С. 295–296
42. Никулин Л. – Владимир Владимирович Маяковский. РДФ ГММ КП №13236, машин. С. 39–40
43. Катанян В.А. – Распечатанная бутылка. С. 84
44. Жемчужный В. – Стенограмма воспоминаний о В.В.Маяковском. Беседа с В.О. Перцовым и А.С. Езерской от 4 февраля 1940 РДФ ГММ КП №13353, машин. С. 3–4
45. Гофмейстер А. – Владимир Владимирович//Я земной шар чуть не весь обошел... С. 349
46. Катанян В.А. – Распечатанная бутылка С. 82
47. Там же. – С. 83
48. Незнамов П. – Маяковский в двадцатых годах//В. Маяковский в воспоминаниях современников. С. 364
49. Маяковский В. – Т. 13. С. 124
50. Записная книжка №64, 1928. РДФ ГММ КП №242
51. Маяковский В. – Т. 10. С. 48–49
52. Никулин Л. – Владимир Владимирович Маяковский. РДФ ГММ КП №13236, машин. С. 47
53. РДФ ГММ КП №391
54. Никулин Л. – Владимир Маяковский//В. Маяковский в воспоминаниях современников С. 508

55. Карсон П. – Эмигрантские судьбы Стахеевых // Вторые стахеевские чтения. Елабуга, 2003. С. 21
56. Маяковский В. – Т. 8. С. 283
57. Там же. – Т. 7. С. 265
58. Там же. – Т. 10. С. 279
59. Там же. – Т. 13. С. 99–100
60. Брюханенко Н. – Пережитое // Имя этой теме: Любовь! С. 206
61. Маяковский В. – Т. 5. С. 274
62. Там же. – Т. 5. С. 274
63. Там же. – Т. 7. С. 275
64. Там же.
65. Диего Ривера. Воспоминания. РДФ ГММ КП №13768, машин. С. 2
66. Маяковский В. – Т. 7. С. 46
67. Там же. – С. 290–291
68. Бурлюк Д. // Новый мир (Нью – Йорк) – 1936. 6 апреля. №129
69. Кэмрад С. – Маяковский в Америке. М.: Советский писатель. 1970. С. 69
70. Маяковский В. – Т. 7. С. 319
71. Там же. – Т. 7. С. 55
72. Кэмрад С. – Маяковский в Америке. С. 263
73. Сегодня эту куртку можно увидеть в экспозиции ГММ. Она была передана в музей Л.Ю. Брик в 1948 году. К сожалению, после смерти В.Маяковского куртку перешили на О.М. Брику, он носил ее, поэтому невозможно представить себе ее первоначальный реальный размер.
74. Маяковский В. – Т. 7. С. 92
75. Там же. – Т. 13. С. 94
76. Там же. – Т. 8. С. 322
77. Асеев Н. – На моей памяти. РДФ ГММ КП №13194, машин. С. 5
78. Маяковский В. – Т. 1. С. 183
79. Рост Н. – Часы, проведенные с Маяковским // Я земной шар чуть не весь обошел... С. 292
80. Маяковский В. – Т. 7. С. 293
81. Там же. – Т. 13. С. 67.
«...одеваюсь под Андреевским руководством...» – Имеется в виду Андре Триоле, муж Эльзы.
82. Никулин Л. – Владимир Владимирович Маяковский. РДФ ГММ КП №13236, машин. С. 63
83. Маямото Ю. – Из очерка «Три вечера в театре Мейерхольда» // Я земной шар чуть не весь обошел... С. 351

84. Маяковский В. – Т. 5. С. 278
85. Рябова Н. – Киевские встречи // Имя этой теме: Любовь! С. 211–212
86. Магнитофонная запись беседы Л.Е. Колесниковой с А.А. Жаровым 11 сентября 1981 г. Архив автора.
87. Маяковский В. – Т. 13. С. 71
88. Там же. – Т. 7. С. 338
89. Там же. – С. 338
90. Там же. – С. 339
91. Там же. – С. 340
92. Там же. – С. 341
93. Там же. – С. 338
94. Маяковский В. – Т. 13. С. 124
95. Там же. – С. 125
96. Янгфельдт Б. – В.В.Маяковский и Л.Ю. Брик: Переписка 1915–1930. С. 176
97. Там же. – С. 177
98. Копия удостоверения хранится в РДФ ГММ
99. Янгфельд Б. – В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: Переписка 1915–1930. С. 179
100. Там же. – С. 180
101. Катанян В.В. – Лиля Брик. М.: Захаров. 2002. С. 83
102. Березарк И. – Штрихи и встречи. Л.: Советский писатель. 1982. С. 36
103. Маяковский В. – Т. 9. С. 390
104. Там же. – С. 391–392
105. Магнитофонная запись беседы Л.Е. Колесниковой с А.А. Жаровым 11 сентября 1981 г. Архив автора.
106. Маяковский В. – Т. 9. С. 299
107. Там же. – Т. 7. С. 126
108. Кассиль Л. – Протокол замечаний о квартире Маяковского в Гендриковом переулке. Запись беседы Л.С. Фейгельман, апрель 1938, РДФ ГММ КП №13366(1), машин. С. 1
109. Асеев Н. – На моей памяти. РДФ ГММ КП №13194, машин. С. 4
110. Роскин В. – Наша молодость. РДФ ГММ КП №13763, машин. С. 13–14
111. Тата Каталог. М.: Гос. музей В.В. Маяковского. М.: 2003. С. 63–64
112. Лесс А. – Издатели и писатели // Москва № 4. 1962. С. 179
113. Маяковский В. – Т. 8. С. 93
114. Там же. – С. 96
115. Татарийская Л. – В Лубянском проезде // Маяковский в воспоминаниях родных и друзей. С. 301

116. Маяковский В. – Т. 9. С. 324–326
117. Там же. – С. 326
118. Маяковская Л. – О Владимире Маяковском. С. 238
119. Маяковский В. – Т. 10. С. 160
120. Там же. – С. 161
121. Там же. – С. 161
122. Там же. – Т. 8. С. 7
123. Там же. – С. 8
124. Там же. – Т. 5. С. 275
125. Там же. – Т. 8. С. 104–105
126. Рябова Н. – Киевские встречи // Имя этой теме: Любовь! С. 227
127. Записная книжка № 9, 1921. РДФ ГММ КП № 190. С. 62
128. Родченко А. – Статьи. Воспоминания. Автобиографические записки. Письма. С. 97
129. Там же. – С. 93
130. Кенигсберг М. – РДФ ГММ КП № 13322, машин. С. 1
131. Маяковский В. – Т. 7. С. 42
132. Янгфельдт Б. – В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: Переписка 1915–1930. С. 58
133. Триоле Э. – Воинствующий поэт. // Я земной шар чуть не весь обошел... С. 331–332
134. Маяковский В. – Т. 6. С. 227
135. Гупперт Г. – Воспоминания о Маяковском // Я земной шар чуть не весь обошел... С. 250
136. РДФ ГММ КП № 11077
137. Катанян В.А. – Маяковский. Хроника жизни и деятельности. С. 285
138. Янгфельдт Б. – В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: Переписка 1915–1930. С. 123
139. Триоле Э. – Воинствующий поэт // Я земной шар чуть не весь обошел... С. 326
140. Le journal litteraire. 1929, 29 nov.
141. Триоле Э. – Заглянуть в прошлое // Имя этой теме: Любовь! С. 79
142. Ходасевич В. – Портреты словами. М.: Советский писатель. 1987. С. 178–179
143. Маяковский В. – Т. 10. С. 285
144. Цимакурдзе А. – Дни и встречи // Тбилиси. 1963. С. 65
145. Маяковский В. – Т. 13. С. 69
146. Ходасевич В. – Портреты словами. С. 180
147. Маяковский В. – Т. 6. С. 343
148. Тата. Каталог. М.: Гос. музей В.В. Маяковского 2003. С. 13

149. Маяковский В. – Т. 9. С. 381
150. Тата. Каталог. С. 63
151. Там же. – С. 69
152. Вандурский В. – Маяковский и польские поэты//Я земной шар чуть не весь обошел... С. 309–310
153. Маяковский В. – Т. 10. С. 66
154. Головня А. – Стенограмма воспоминаний о Маяковском. Запись зав. мемориальным фондом Л.Е. Колесниковой 18 февраля 1981 г. РДФ ГММ КП/В-1092. С. 5
155. Маяковский В. – Т. 10. С. 66
156. Там же. – С. 67
157. Там же. – С. 67
158. Березарк И. – Штрихи и встречи. С. 33–34
159. Никулин Л. – Владимир Маяковский//В. Маяковский в воспоминаниях современников. С. 504
160. Маяковский В. – Т. 10. С. 281

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	3
«Комнатенка-лодочка»	7
Проулок, мощный славой... ..	31
Друзья из «Комнатенки-лодочки»	49
Маяковский «от кутюр»	65
Именной указатель.....	158
Примечания	173

Лариса Колесникова
«Другие лики Маяковского»

Выражаю искреннюю благодарность всем, кто помогал мне в работе над этой книгой: Зайцеву В.М. – генеральному директору и руководителю Московского Дома Моды, дирекции Государственного музея В.В. Маяковского (ГММ); директору Стрижневой С.Е., зам. директора по научной работе Немировой М.А.; сотрудникам ГММ: Антиповой Г.А., Шундик Н.Н., Иньшаковой Е.Ю., Андреевой Н.Е., Карпову Д.В., Малышевой Н.А., Сегаловой Е.А., Селезневу Л.А., Аксенкину А.П., Голоднюк И.В., Голдобину В.А., Кабаненко В.В., Шапыриной Л.И., Терехиной В.Н. (Институт мировой литературы имени М. Горького), а также Алексеевой А.К. (Государственный литературный музей), Клейману Н.И. (директору Государственного центрального музея кино), Канунникову С.В. (журнал «За рулем»), Мерцаловой Г.Г. (Политехнический музей), Гусевой О.А. (Государственная Третьяковская галерея), Низовой Е.Н. (Московский Дом фотографии), Лаврентьеву А.Н., Генс-Катаян И.Ю., Каушанскому В.Я.

Дизайн и верстка – Б. Аветисов, И. Галицкая, Я. Мороз, Г. Никифорова.

Корректор – Л. Романенкова.

Подписано в печать 19.09.08. Формат 70×100/16

Гарнитура Petersburg

Печать офсетная 11,5 печ. л.

Тираж 1000 экз. Заказ № 82579

ООО «Редакция «Витязь-Братишка»

105005, г. Москва, а/я 29

www.bratishka.ru

Отпечатано в типография «Август Борг»
125003, г. Москва, Шубинский пер., д. 2/3